

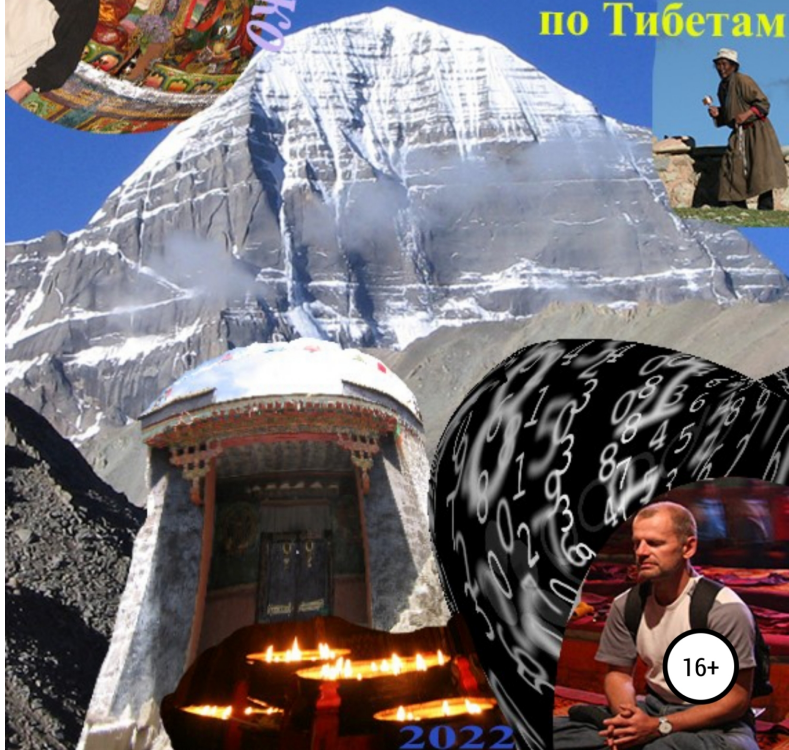
Путешествие

Веник,

или

С приветом

по Тибетам

16+

2022

Александр Борисович Пушко Путешествие, или С приветом по Тибетам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67981521

SelfPub; 2023

Аннотация

Книга вошла в лонг-лист конкурса "Книгасветное путешествие " 2022 года. История одного путешествия и одного поиска себя. Он был рождён в СССР, прошёл через горнило девяностых и должен был стать обычным болтиком системы. Школа, армия, офис... Работа, ужин и ночь, крадущая через форточку старой "сталинки" звёздное небо, чтобы подарить ему сон о старце из далёкого Тибета. Но в один день он просто решил идти. Идти за мечтой. Так далеко, как позовет его любовь и приключения...

Александр Пушкин Путешествие, или С приветом по Тибетам

Посвящается Офелии Тодд, моей давней знакомой.

Клеймер: Все персонажи, локации и события книги явля-

ются абсолютно реальными. В целях придания литературного стиля они могли быть незначительно изменены, приукрашены и завуалированы. Не больше.

В случае получения книгой Пулитцеровской премии автор выражает согласие произвести выплаты вознаграждений лицам, послужившим прототипами героев книги, если таковые объявятся.

Глава первая. Горе от ума.

Взрослые очень любят цифры. Когда рассказываешь им, что у тебя появился новый друг, они никогда не спросят о самом главном. Никогда они не скажут: «А какой у него голос? В какие игры он любит играть? Ловит ли он бабочек?» Они спрашивают: «Сколько ему лет? Сколько у него братьев? Сколько он весит? Сколько зарабатывает его отец?» И после этого воображают, что узнали человека.

Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц.

СССР. 1976 год. 30 лет до дня «Ноль».

Вениамин с детства был, как бы это сказать поточнее, незаурядно спокойным и усидчивым.

Его мама, Римма Васильевна, когда ему едва стукнул годик начала понимать, что её сынишка совершенно особенный. Нет, конечно, для всех матерей их дети особенные. Никто и не спорит. Но она объективно понимала, что ей с сы-

ном очень повезло. Он не доставлял ей тех хлопот о которых судачили в поликлинике мамыши с детьми его возраста. Он всегда с особым вниманием и интересом слушал её наставления и делал нужные выводы.

Нет, конечно, он, как и все дети плакал если падал, когда начинал свои первые шаги. Но дело в том, что он так, Римме хотелось даже сказать обдуманно, подходил к каждой этой своей прогулке, ко всем своим первым шагам, от скрипучей кровати к тумбочке, потом дальше к кухонному табурету, что упасть, споткнуться, не оставалось ни малейшего шанса.

По той же причине он довольно долго, уже освоив прямохождение свойственное человеку разумному, переходил иногда на передвижение на четвереньках. Практически до полутора лет.

Сначала Римма воспринимала это как игру, но со временем начала пресекать эту привычку малыша. Ведь происходило это в самое неподходящее время. Например, так случилось на одной из их первых пеших прогулок. Веня, видимо, испугался лужи и предпочёл быстро пересечь её на четвереньках. Но ведь не поскользнулся же и не упал!

Да он, конечно, плакал, как и все малыши от укола на прививке. Но, после слов мамы, что всё кончилось, он, словно оценив достоверность информации, сразу затихал, лишь наблюдая из-за маминого плеча за тётей, по воле которой его укусил «комарик». На выходе из кабинета она слышала, как

сзади родители ставили её сына в пример своим детям: «Вот видишь, мальчик совсем не плачет, ничего страшного там нет».

Дети покупались на этот коварный обман, но ровно до того момента, когда из кабинета выносили очередного орущего пациента с пурпурным лицом, цвету которого завидовали обычные для того времени вечнозелёные помидоры страны Советов.

Приведя сынишку в ясли и зная особенность его характера, мама просто сказала ему: «Ты поиграешь с детьми, а вечером я тебя заберу. Хорошо?» И, развернувшись, пошла на выход.

Приготовившаяся к дикому рёву нянечка, открыла было рот, собираясь призвать резвую мамашу к совести, но увидела, как мальчик спокойно зашёл в группу. Затем прошёл, немного порисовав что-то своим пальчиками в воздухе, через всю группу и сел на ковёр под окном. Правая рука осталась при этом немного прижатой вдоль тела, отчего даже казалось, что плечо было немного приподнято, а бедро отведено, дабы не мешать пальцам вырисовывать непонятные узоры. Походка при этом казалась слегка хромающей.

«Надо будет поинтересоваться у медсестры, может родовая травма?» – подумала нянечка.

Ей естественно было неизвестно, что пальцы мальчика не исполняли произвольный танец, всё было подчинено строго заведённому самим Веней укладу. Порядку, который поз-

волял ему быть спокойным и уверенным в любой самой опасной, ну, конечно, по детским меркам, ситуации.

Сначала он собирал пальчики в кулак. Так, по его мнению, взрослые показывают силу.

Потом он отводил большой палец вверх. Так мама показывала ему, когда он что-то делал хорошо, при этом она излишне весело, нараспев говорила: «Воот здоооррровооо!». В такие моменты она была особенно красива, ведь её глаза, на мгновение, покидала вечно присутствующая тень задумчивой печали, природа которой так никогда и не станет ему известной.

Потом, вслед за большим пальцем, оттопыривались указательный и средний, а большой возвращался на своё место. Два пальца образовывали латинскую букву «V», которую он к своим полутора годам естественно ещё не знал. Но именно так озорно показывала ему, остававшаяся иногда с ним понынчится, соседская старшеклассница Вера.

Вера считала себя прогрессивной и модной девчонкой. Она вставляла в свою речь английские, крутые, по её же мнению, слова: «Йеес», «Хиппи», «Рок – энд – ролл».

Расставляя таким образом пальцы она обычно говорила: «Победа!» Но потом, всё-таки родные народные мотивы побеждали пришлые западные и она, направив пальцы на мальчика рогаткой и шевеля ими подобно тараканьим усам, говорила: «Идёт коза рогатая, за малыми ребятами. Забодаю, забодаю, Веню!» Это было весело!

Завершала же Венин нехитрый защитный ритуал выпрямленная ладошка. Так делала та же Вера, приветствуя Веню: «Дай пять!»

Дойдя, под взглядом находящейся в лёгком ступоре нянечки, до удобного, равноудалённого от занимающихся своими важными делами согруппников места, Веня сел и начал водить ладошкой по незамысловатому орнаменту на ковре.

Дела окружающих, а именно, отъём игрушек, ковыряние в носу, предупредительный рёв – «мама ушла, но, если вы ко мне приблизитесь, она вернётся и вам несдобровать» его, несмотря на их многодецибельный уровень шума, нисколько не волновали.

Вера Ивановна хотела было предложить ему игрушки, но её отвлекли другие, менее спокойные посетители яслей, потом сырые колготки, потом эта ревущая Катя, вот уже месяц каждое утро не отпускающая свою маму, которая уже даже начала предполагать, что с её дочерью обращаются в группе «как-то не так». Ну куда ж деваться, мы же с вами уже помним – для каждой матери её ребёнок самый, самый, самый! И дома он ведёт себя неизменно примерно.

И в следующий раз нянечка посмотрела на новичка почти через пятнадцать минут.

Он сидел на том же месте, только повернувшись к окну и водил рукой по батарее отопления, то проводя по секциям, как по струнам арфы, то поочерёдно кладя ладонь на каждую из них, словно пересчитывая.

Вера Ивановна подошла и, присев на корточки, чтобы не напугать малыша, ободряюще-шутливо спросила: «Ой, а кто это тут у нас такой большой, что уже умеет считать? Сколько насчитал?»

Веня медленно поднял голову, поглядел на нянечку, словно правомерно удивляясь, как это она не знает, что дети в его возрасте не то что считать, а и говорить-то ещё толком не могут, а потом так резко выставил вперёд ладонь с растопыренными пальцами, отчего Вера ощутила слабость в теле. А потом все-таки он сделал то, от чего она опять чуть не села.

Малыш опустил взгляд на свою руку, словно перепроверяясь и добавил вторую руку с двумя пальцами.

– Семь? – больше на автомате спросила женщина, умом понимая, что это просто совпадение. Мальчик утвердительно кивнул головой.

Словно проверяя, знает ли мальчик значение утвердительного кивка, она спросила его: «А почему ты не играешь с другими ребятами? Хочешь я тебя познакомлю с ними?»

Веня отрицательно замотал головой из стороны в сторону и вновь стал внимательно рассматривать потёртый ковролин. Пододвинув к вундеркинду первую попавшуюся игрушку, озадаченная женщина выпрямилась и поискала глазами воспитателя.

«Так-с. Надо Маргаритке рассказать. Что-то не пойму, то ли дети такие пошли, то ли я с ума схожу, видать в подготавлишках долго на подменах засиделась» – подумала Вера

Ивановна.

Но старшая, хотя и не по возрасту, а только по образованию, коллега была занята. Сначала сервировкой столов завтраком, потом отлучилась к заведующей – прислали какую-то новую вводную из РОНО.

– Полная хрень! Но как всегда, всё срочно и неотложно. А у неё детей в группе перебор! – гневно размышляла, принявшая этой осенью на попечение два с лишним десятка малышей, Рита. И главное, имеющая при этом всего полтора года опыта с, теперь казавшимися ей взрослыми, шести – семилетними детьми.

– Скорее бы уже родители по обыкновению, детей из этого вирусообменника, как называли иногда они между собой ясли, начали на больничные забирать. Прости меня, Господи, за такую мысль! Но иначе придётся самой на больничный сбежать, а то в дурку реально на амбулаторное загремишь. Отдохнуть, подлечится, сил поднабраться.

Забыв о первопричине намечавшегося отдыха, Маргарита чуть было не потянулась в истоме, но, словно опомнившись, откинула мысль о замаячившем на горизонте отдыхе в санатории с обитыми мягким стенами и вновь погрузилась в свои размышления.

– Ну, хоть бы на пяток этих карапузов поменьше. Няня вон совсем с ног сбилась. Воспитатели ведь меняются, а она одна. Хорошо хоть на прогулки выручают девчонки из старшей группы, приходят помочь одеть всю эту многоголосую

ораву. Не забывают, что Вера самая безотказная. Всегда выручит и всех подменит. Без стонов и отговорок. Ну, или почти всегда. И почти всех. Ну, если получается.

После заведующей Рита погрузилась в занятия и игры. Короче, сели они с Верой, как говорится, бахнуть чайку, только после обеда, когда вся эта беспокойная банда перестала сначала реветь и звать своих мам, а потом и бесконечно вороваться, словно Гераклы, борющиеся со змеями в колыбели. Хотя, по мнению Веры Ивановны, это была скорее борьба не со змеями, а с глистами размером с анаконду.

«Ой, что-то я сегодня разошлась не на шутку.» – Подумала Рита, – «Дети всё-таки. Вон какие милые, когда спят. Ладно чайку попью и домой. Ну, не сразу конечно. Сначала по магазинам, может где что выкинут днём, каким дефицитом разживусь. Начало года. Разгребёмся, дети попривыкнут и надо будет прощупать, кто из родителей чем занимается. Может кто что подкинуть сможет. А то что-то ну совсем по магазинам шаром покати. Только и печатают «По многочисленным просьбам трудящихся принято решение о повышении цен на...» Кому этот каракуль и ковры нужны, тут чулки оденешь на мероприятие и идёшь, от каждого острого угла шарахаясь...»

От этих невесёлых мыслей Маргариту отвлекло только дважды произнесённое её же имя.

– Рит, Рита! Ну, чего думаешь?

– Ой, извините Вера Ивановна. Утро сами видели какое

задалось. Или не задалось, скорее. Голова не варит.

– Я и говорю. Вам не показался новенький этот странным?

– А что у нас сегодня новенький? Я и не слышала.

– Да в том то и дело, что его не слышно и не видно. Я наших на горшки позвала и, пока до каждого донесла мысль эту, прихожу, а он уже сидит. И откуда знает-то какой горшок свободный. Унюхал, что ли!? Я им говорю: спать собираемся, готовим кровати и укладываемся. Некоторые ещё и бровью не повели, сама знаешь у кого хоть кол на голове теши, а он уже одёжку на стульчик складывает.

– Так радуйтесь, Вера Ивановна! Хоть одной проблемой меньше у нас будет, а то всё прямо как одно к одному, с этой группой. Я своих выпустила, так и забыла, как это начинать с самых ползунков. А он, этот новенький, наверно, поздно пошёл. Под три ему, наверно, уже? Может поговорить с родителями, пусть попробуют перевестись сразу в следующую группу. Раз у него всё так хорошо пошло. Чего время терять? Тем более мальчишке актуально, до армии успеет поучиться.

– Да нет. Ему года полтора от силы. Он и пары слов за всё время не произнёс. Ты самое главное прослушала. Я ж говорю, он считать умеет.

– Ага. Ладно, Вера Ивановна. Пошутили и хватит. Сами же сказали, что он не говорит. Как вы узнали, что он цифры знает, мама его сказала? Ага, вундеркинд значит. Приучила к горшку – хорошо. А уж сказки рассказывать про детей своих, это да, они мастера.

В Рите опять проснулся интерес к родителям воспитанника. Интерес уже упоминавшийся ранее или попросту именуемый в народе «шкурный». Вкладываются так в воспитание своего отпрыска обычно не самые простые родители. Хотя непростые, конечно, и садик выбрали бы получше. Но всяко бывает.

– Да мать его тоже странная. Зашла, я, значит, шкафчик ей показала свободный. Даже и не заметила, как они разделась. Она о сыне ничего и не сказала, не нахваливала, как обычно они все это делают. Наоборот, как звать сказала и ушмыгнула, только хвост её и видели. А он, прямо как маленький взрослый! Вот, как в этой книге что я в подготовительной группе детям читала – «Капитан Крокус». Там взрослого в специальную ванну окунали, и он становился маленьким, как школьник. Только голову нельзя было окунать, а не то совсем ребёнком окажется. Так вот и тут. Я смотрю, а он как взрослый: глаза вдумчивые, смотрит за детьми, как будто изучает. Видит кто бежит безголовый – раз, чуток отодвинулся и тот мимо пролетел, а он дальше себе сидит, глязет.

– Ну, вы прямо детективный роман разыграли, как его фамилия, кстати?

– А фамилия, она сказала, сказала... Да я забыла, что-то! Дурья башка. Смешная какая-то фамилия. Только что-то от имени помню происходит.

– Иванов, Петров, Сидоров? – спросила по заученному

шаблону Маргарита.

– Да говорю же. Смешная! А, вспомнила. Валька. Вот.

– Сама ты Валька! Скажете тоже! – тут же поправилась Рита.

Хотя она и пришла в сад сразу воспитателем, это было скорее исключением, и относилась она к Вере Ивановне всегда с почтением и в основном на «вы».

– Вспомнила я, заведующая говорила. Вальтер или Валькер. Точно, немецкая фамилия.

Так же Маргарита вспомнила, что заведующая сказала, что Валькер эта, мать-одиночка. Выходит на работу и потому забирать ребёнка вряд ли будет вовремя. Вместе с испарившимися мечтами о благе в торговле, нависла угроза задержек с уходом вечером с работы. Хотя, когда фигурирует такая фамилия, всё возможно-приободрила себя неудавшаяся блашница.

– Ой, ладно! Вон уже Машка бежит. Завтра я во вторую, посмотрим вашего математика. Пока.

Слух у Вени был обычным для ребёнка. Но это не помешало ему прослушать большую часть разговора двух женщин, которые в уверенности, что все дети спят и ввиду необычности обсуждаемого вопроса, говорили если не громко, то уж точно возбуждённо. Как минимум, после того, как эта добрая, полная тётя сказала громко: «Рит, Рита!», он слышал почти каждое слово.

Эта женщина, что назвала количество пальцев, показан-

ных им и равное количеству этих тёплых штук на стене, словом «семь», сразу понравилась Вене. К тому же её ещё и звали, как его любимую и весёлую соседку – Вера. «Только зачем ей к имени прибавили ещё Ивановна? Наверно, из-за её большого тела» – подумал Веня. А вот вторая, та что похудее, Рита, явно слышит не очень хорошо, раз её приходится так громко, да ещё и дважды, звать.

Смысл разговора он не совсем понял, но он точно уловил, что эта история с игрой «Покажи столько пальчиков, сколько этих тёплых штук на стене» встревожила каким-то образом взрослых, да и вообще, вести себя, как остальные дети, видимо, будет более правильным.

Поэтому, когда после полдника Вера Ивановна подошла к нему с ещё одной женщиной, которую тоже звали длинно – Мария Александровна, хотя она и была худенькой, и с торжествующим видом сказала: «Веня, сколько секций ты насчитал на батарее, вот этих штук, сколько?» И ткнула поочередно в каждую из них пальцем, Веня посмотрел внимательно, улыбнулся и вскинул вверх кулак с отогнутым большим пальцем.

– Здо- ло- ва! – радостно воскликнул он, памятуя слова мамы.

– Да нет, понятно, что здорово, а ты покажи пальчиками сколько? – умоляюще спросила Вера Ивановна.

– Да – крикнул Веня, поднимая пальцы в виде латинской V.

– Вот, правильно. А второй то рукой чего не показываешь? -оживилась нянечка. И увидев в её глазах вспыхнувшую надежду Веня даже немного засомневался в правильности своего поступка.

– Ну, ты и фантазёрка, Вера Ивановна! – засмеялась Мария звонким хохотом. – Расскажешь тоже. Ты ему сейчас наподсказываешь, так он и ракету покажет с космонавтами, и гимн споёт и флаг СССР на Венере водрузит. Я то и вправду уже себе чего думать начала. Думаю, может вот у нас в нашем маленьком северном городе родился выдающийся гений, который нас потом на весь мир прославит! Пошли давай горшки готовить, Сухомлинский!

Вера Ивановна погрузилась в круговорот подмоченных колготок и карусель опрокинутых на себя компотов, и в этот вечер даже не заметила, когда забрали маленького Веню.

На следующий вечер она видела, как мама Вени торопливо одевала малыша, объясняя, что им ещё надо успеть куда-то зайти, да и сама не стала отвлекаться от ранее начатой беседы с бабушкой Насти, которая в очередной раз пересказывала страсти, разворачивающиеся в их подъезде этажом выше.

А потом ей уже показался несущественным, да и попросту смешным, тот случай с малышом. Она ещё какое-то время наблюдала иногда за ним, как он с интересом наблюдал за другими детьми в группе, но было видно, что интерес его был сугубо изучающим.

Было ощущение, что знакомиться он ни с кем не собирается, чувствовалась в нём какая-то самодостаточность и отчуждённость. При этом он без вопросов съедал свою детсадовскую, столь ненавидимую многими собратьями по цеху, пайку и без тени сомнения закрывал глазки и спал, когда его об этом просили воспитатели. Короче был паинькой или, как сейчас говорят, душкой.

Римма Васильевна так и не узнала от Веры Ивановны новость, что сын её, возможно, вундеркинд. Эта возможность представилась ей почти через полтора года, в совершенно другой связи.

В три года, Римма Васильевна уже могла дать Вене листок бумаги, карандаш и спокойно пойти в магазин без всяких там – «Мама скоро придёт, не бойся. Не подходи к двери и никому не открывай. Я ненадолго...» Ах, да. Вы уже знаете. Мама воспитывала его в одиночку, так получилось.

Уже известная нам соседская девчонка Вера охотно оставалась с Вениамином. Она говорила, что он даже нисколечко не мешает ей делать уроки, но Римма не могла позволить себе злоупотреблять этими визитами. У Риммы не было особо подружек, тем более с детьми возраста её сына. И видеть, как общаются родители с трёхлетними детьми, кроме как в раздевалке в садике, возможности тоже особо не было. Поэтому их с сыном общение было по взрослому деловитым, а обсуждения событий их жизни даже немного суховатым и излишне немногословным. Краткость – сестра таланта.

И поэтому то, что казалось Риме обычным общением с сыном, для человека, сведущего в данной теме, показалось бы, мягко говоря странным. Это больше напоминало общение подружек по общежитию, иногда с весёлым щебетанием и смехом, но по большей части связанное с бытом и планами на ближайшие дни. То, что удивило бы многих родителей, ей казалось нормальным, но, как говорится, у каждого предела свой порог.

И наступил день, когда пришла очередь удивится и ей.

Это был первый по-настоящему весенний вечер. Впереди были выходные, все дела были заранее сделаны и, возвращаясь с садика с сыном, можно было никуда особо не торопиться.

Они прошли мимо скамейки с вездесущими пенсионерками и подошли к своему подъезду.

Жили они в добротной двухэтажке, построенной военнопленными немцами, когда на окраине города закладывали промзону. Дом изначально планировался для начальства и руководителей, но потом те предпочли в большинстве своём всё-таки перебраться в центр. И квартиры стали иногда перепадать обычным советским гражданам. Как в их число попала наша героиня, она и сама понять не могла. Но факт оставался фактом, они жили в просторной однушке с высокими потолками и с толстенными перекрытиями, в то время как люди в округе жили в деревянных, похожих на бараки, двухэтажках, с удобствами на улице, и в появившихся в ше-

стидесятых «хрущёвках».

В народе их дом называли «сталинкой», хотя он таковым не являлся. Поскольку достроен был уже после смерти вождя. Вездесущий алкаш Володя, из соседней «деревяшки», но вечно отирающийся у их дома, изредка попадая в одну из квартир «сталинки», неизменно произносил сакраментальную, как ему самому казалось, фразу.

– Вот же ж, ёшь. Немцы! Из говна и палок строили, а качество соблюли. Ничего не скажешь, нация! – и при этом деланно чесал затылок.

Так вот, стоя у подъезда этого самого дома из палок и не только, Римма наступила на первую ступеньку крыльца и сказала:

– Ещё три шажка, и мы дома!

– Сегодня четыреста тридцать восемь. – Старательно выговаривая цифры сказал Веня.

– Тебе сегодня сказали такое большое число, и ты запомнил? – улыбнувшись сказала мама. – Ты у меня такой молодец, совсем взрослый!

– Нет, сегодня от садика мы дошли за четыреста тридцать восемь шагов. Ещё три до двери в подъезд, потом четыре до лестницы, потом восемь ступенек и ещё три до нашей двери.

Римма, поднявшись было на одной ноге на ступеньку, застыла и, постояв так с пару секунд, спустилась обратно с крыльца, встав рядом с сыном. Тщательно обдумав свой вопрос, она склонилась к сыну и спросила:

– Милый, это Вера тебя подговорила? Это шутка такая? Когда ты смог научиться так считать?

– Вера как-то учила у нас свои уроки и рассказала, как из единиц складываются десятки, а потом из них сотни, а из сотен тысячи. Но она не подговаривала меня шутить. Мне нравится считать. Я каждый день считаю. Вчера было четыреста пятьдесят семь шагов, но мы обходили большую лужу, там на углу дома. А позавчера, вообще, четыреста восемьдесят шагов. Ты подумала, что мы забыли мои варежки в саду, и мы стали возвращаться, но потом ты вспомнила, что засунула их мне в карман. А за день до...

Римма с трудом припомнила события последних дней и да, лужа вроде была, а потом её видимо разогнал метлой дворник, и варежки эти у неё совсем выпали из памяти на днях, чуть было не вернулись в сад. Вот бы было неудобно.

– погоди. Ну, ладно ты считаешь, но запомнить... А, что ещё ты считал?

– Ну, разное. Забор, деревья, окна в нашем доме. Всё, что мы встречаем по дороге.

– Когда мы шли вдоль забора сегодня, ты мне рассказывал про занятия по рисованию. Ты точно не смотрел на забор и уж точно не считал его.

– В нём девять, как это... частей.

– Секций. – Автоматически поправила его мама.

– Да, наверно. Кроме того – ворота. А всего использовано сто восемьдесят три железных палки.

– Поперечин. – Снова вмешалась мама.

– Я не знал, как их назвать. Они так называются?

– Ладно, не важно. Допустим их действительно сто...

Сколько там их ты сказал. Но когда ты успел их посчитать? Ты же должен на них был смотреть, а мы разговаривали, и ты смотрел только на меня. Или ты ещё и видишь затылком?

В голосе мамы была и растерянность, и озадаченность, и насторожённость. Где-то в глубине она всё ещё думала, что это какая-то дурацкая шутка. Надеялась. Это был какой-то бред...

Она помнила, как её бабушка Элеонора рассказывала, что в их роду было много талантливых людей. Как, например, её дед, прапрадед Риммы, приехал со своей молодой женой от недовольных родственников, из Германии к царскому двору России, и служили там верой и правдой.

Но с началом двадцатого века всё переменялось. Начались беспокойные времена. Сначала немцы стали вдруг не самыми желанными друзьями, потом богатые, а потом и просто талантливые люди или те, кто хоть немного не вписывался в общий строй. А потом и её мужа, Римминого деда кинули в лагерь.

Ещё бабушка сетовала на то, что её сын связался с простолюдинкой, крестьянкой и оттого в Римме уже не было той остроты ума, что была присуща настоящим Валькерам. На дворе был уже период хрущёвской оттепели и за беседы о лагерях уже не преследовали, но всё равно, внука врага на-

рода старалась всегда сменить тему.

И вот теперь она вспомнила эти слова о талантах в её семье. Но именно эта память, почти генетическая память о тех гонениях, которые пережил её народ, и отнюдь не народ Германии, заставил по её спине пробежаться неприятному холодку.

– Забор я посчитал тридцать семь дней назад, когда я только ещё начал заниматься цифрами.

– То есть ты не каждый раз, когда мы идём, считал забор.

– Нет. Он же не меняется. Зачем? – удивлённо спросил юный математик.

– Правда, в четвёртой секции шестая поперечина снизу отломана и отогнута. Там кто-то пролазит через забор. Если её совсем отломают, станет сто восемьдесят две поперечины.

М-да... И правда, зачем пересчитывать. Что ж, логично. А вот почему вопроса "зачем вообще считать?" у её сына как-то не возникало? Римма подумала о том, что завтра, пожалуй, ей придётся незаметно пройтись и посчитать эти чёртовы поперечины в заборе. Господи, что за бред!! Идти в выходной день и проверять не ошибся ли её трёхлетний сын в счёте трёхзначного числа количества этого дурацкого забора! Да она уже снова забыла сколько он там сказал их в заборе?! Сто восемьдесят три, вроде?

– Если ты всё уже посчитал по дороге и запомнил, то получается ты уже ничего не считаешь?

– Ну, я считаю шаги, иногда считаю сколько слов мы про-

изнесём по дороге домой. Потом я как-то захотел сосчитать сколько звёзд.

– Стоп! Что? Что ты считал? Звёзды?!

На секунду Римме даже показалось, что сейчас он скажет ей точное количество звёзд и ей точно придётся идти к психиатру. И причём срочно.

– Да. Я даже спросил на всякий случай у Веры какие она знает самые большие цифры. Но она сказала самое большое миллиард, а потом запуталась. Но мне и не понадобилось.

– Сынок, но это невозможно. Звёзды не посчитать. Не сосчитать, не счесть. Или, как там правильно, я уже запуталась.

– Да. Я тоже это понял. Надо было сразу тебя спросить. А то Вера сказала, что есть такие люди, звездочёты и возможно они знают сколько звёзд. Но когда я попробовал на следующий день продолжить считать звёзды, они сдвинулись и пришлось пересчитывать заново, а на следующий день всё повторилось.

Римма заметила, как бабульки на скамейке притихли и судя по всему уловив некую напряжённость их диалога, привычно наострили уши.

– Ладно, пойдём домой. Ты меня сегодня, конечно, очень удивил. И ещё мне надо поговорить с Верой.

Выйдя из зоны досягаемости дворовой лиги сбора интересных новостей, она добавила:

– Нам надо с тобой очень серьёзно поговорить.

И это он ещё не сказал ей, что помнит сколько и каких

погремушек было в коляске. Он просто не понимал, что это не доступные для остальных людей воспоминания.

В этот вечер Веня был посвящён в мир взрослых. Мир нелогичный и противоречивый. Он дал обещание никому не говорить о своих счётных способностях. Он пообещал вести себя, как все остальные дети в группе. Обещал иногда говорить, что он что-то забыл. А иначе его могут забрать от мамы, может даже в какую-то там дурку, и они тогда никогда не увидятся снова.

И самое главное! Он должен перестать считать. Ну, не совсем, а по крайней мере когда его об этом не просят.

Иногда, раз в неделю, а потом всё реже и реже, Римма спрашивала своего сына строго: «Ты не считаешь больше всякую ерунду?» А получив утвердительное заверение ещё какое-то время смотрела ему в глаза, и это было похоже на то, как мать хулигана спрашивает того, не курит ли он и при этом ненароком пытается принюхаться, чтобы по запаху определить не обманывает ли тот её.

Первое время она с тревогой думала: «А ведь в школе с этим у нас могут возникнуть более существенные проблемы».

Но время шло и с его течением проблема нивелировалась и потихонечку перешла в разряд: «будем решать по мере появления».

Глава вторая. Веник.

*О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель (с).*
А. С. Пушкин.

Как ни странно, но начало школьной поры прошло на удивление без особых сюрпризов. Римма ждала сюрприза первого сентября, потом второго. Потом ждала первое родительское собрание. Там уж ей точно устроят допрос! Потом пришло окончание первой четверти. Но всё шло гладко. Тишина! И Римма успокоилась.

Но потом ей пришлось-таки беспокоиться, причём волнения пришли с противоположной стороны – в чтении дела у Вени шли совсем плохо. Как поняла позже Римма, Венья пытался найти в буквах логику. Он спрашивал, например, почему слово «маленький» содержит больше букв, чем слово «большой». Почему?

Да и вообще, не легче ли писать, например, слово СЛОН большими буквами, если он взрослый, а если он маленький писать маленькими буквами? Зачем к нему добавлять какой-то «ёнок»? Кто это такой и почему у маленького слона он есть, а у взрослого – нет?

А ещё почему в словах «овал» и «круг» по четыре буквы, а в слове «квадрат», у которого как раз четыре угла, наоборот

– семь. Почему у звезды пять концов, а букв в слове «звезда» шесть.

Он пытался найти причину, по которой буквы стояли в алфавите именно в том порядке, в котором они там стоят. Ведь логичнее бы было поставить сначала гласные, потом согласные. Он считал сколько палочек в той или иной букве, в общем, раскладывал буквы на простейшие, а вот складывать из них слова никак не хотел.

Спустя какое-то время Римма даже почувствовала некую тревогу. Ну ладно, быть мамой вундеркинда она боялась, но хотя бы отличником-то её сын мог быть, причём на вполне себе законных основаниях. Она вспоминала тот день, когда он поразил её своей памятью. Но насколько Веня хорошо запоминал информацию, настолько же катастрофически не хотел связывать её, когда она не подчинялась именно «его», правильной логике.

Он задавал учителю «заумные вопросы», при этом не давая самые простые, элементарные, казалось бы, ответы. Для одноклассников эта самая характерная черта Вени – усидчивость, быстро перешла в разряд «тормознутость».

Веня часто задумывался неведомо над чем, витая в облаках, и видок у него в такие моменты был не самый умный, мягко говоря. Слюна, конечно, не капала, но... Некоторые учителя даже начали, в своих перешёптываниях, иногда, употреблять термин «задержка в развитии».

Правда, был и небольшой казус, который напомнил Рим-

ме о происшествии в саду со счётом. В бассейне, куда Веня начал ходить во втором классе.

Однажды, когда Римма в конце первого года занятий забирала сына, её подозвал тренер. Римма, естественно, наивно полагала, что для того, чтобы обсудить успехи сына за год. По словам Вени, он занимался усердно, все задания тренера выполнял, многих сверстников на дорожке уже обгонял. Она ему охотно верила, Веня продолжал быть усердным и старательным ребёнком.

Но тренер – развязный молодой человек, как оказалось, был другого мнения. Он не любил выскочек и умниц. Скорее всего потому, что сам он звёзд с неба не хватал. К этим звёздам он относился только тем, что сам он был явно неудавшимся спортивным кумиром, не нашедшим себя нигде после занятий плаванием. Занятий, в итоге так и не давших путь в действительно большой спорт, к заветным медалям, чемпионству, поездкам на соревнования за границу. Поэтому он остался в родных стенах бассейна ввиду своей неприменимости где-либо ещё, на бесконечных трудовых просторах страны.

– Вы знаете, ваш сын надоел меня поправлять. Сколько дорожек уже проплыли, я буду решать. Не надо мне доказывать, что я неправильно считаю. Объясните это ему!

– Но он действительно очень хорошо считает. Это у него с детства. Он очень внимательный. Я так понимаю: вы даёте задание, и он его выполняет.

– А мне не надо правильно. Это такой приём мой, педагогический. Ну, типа морковка для ослика. Тренерская уловка. Понятно? Да и вообще, мне нужен счёт только до трёх. Третий, второй, первый разряд. А потом КМС. А по сути мне бы вообще, один заслуженный мастер спорта в воспитанниках, и ничего больше не надо. Один. Это волшебная цифра в спорте. Первое место. Понятно? И я, только я, могу привести вашего сына к нему.

– То есть дети для вас ослики. И если они не выполнили эти ваши нормативы, не заняли первые места, а просто получили здоровье, они впустую потраченное вами время?

– Ну, суть вы схватили.

– Не схватила, а ухватила. И сын мой «не надоел вас поправлять». Вы даже говорите не очень понятно, не то что считаете.

– Зато с вами всё понятно, дамочка. Я если и буду с кем разговаривать дальше, так только с его отцом.

– Его у него нет.

– А, ну тогда тем более всё понятно...

– Что там вам ещё понятно?! Как таких, как вы, вообще, допускают к занятиям с детьми!

...На этом занятия плаванием, да и вообще спортом, для Вени закончились.

Отца своего Веня не помнил, по той простой причине, что никогда с ним в пространстве не пересекался. Возможно, тот и не знал о существовании сына. Скорее всего. Мама об этом

молчала, а Вениамин, даже став взрослым, такие вопросы ей не задавал. Поняв в третьем классе значение слова «отчество», он узнал, что его отца звали Андрей. На этом его знания об отце заканчивались. Фамилия Валькер принадлежала семье матери.

Мама же, попросту не решилась для записи в свидетельство о рождении использовать индийское имя Абхей и выбрала созвучное индийскому, русское. Слава Богу, мальчик пошёл внешностью в её родню и о заезжем смуглом курсанте, и отце мальчика по совместительству, ей скоро уже ничего не напоминало.

Классная руководитель, видя огорчение, несостоявшейся мамы вундеркинда, успокаивала её: «У вашего Венечки хороший потенциал. Я знаю таких детей. Уже к четвёртому классу многие хорошисты, отличники сдуются, а Веня на новых предметах себя покажет, будьте уверены».

И она была права, как говорится терпение и труд всё перетрут. По поведению у него неизменно было «прим.», что для школы на окраине города, называемой в народе «Шанхай», то ли за густонаселённость бараков-деревяшек, то ли просто намекая на удалённость от центра, было редкостью. Было в этой школе много детей из семей откровенно неблагополучных, где детей забывали утром не только умыть, но и покормить.

Смотря на то, как её сын корпит над домашкой, высывая от старания кончик языка изо рта, Римма иногда корила

себя за тот разговор с сыном, когда она объяснила ему, что быть особенным ни к чему хорошему не приведёт. Может, надо было поддержать его? Чего она тогда так испугалась?

Решение о том, как вернуть мальчика, способного радовать свою мать согласно фразе, не вышедшего тогда ещё мультфильма, «умом и сообразительностью», пришло неожиданно. Ведь всё хорошее чаще всего так и случается – в результате удачного стечения обстоятельств, а не от старания и желания действующих персонажей.

Домашняя библиотека у них была вполне обычная, для семей того времени. Там вперемешку были когда-то и кем-то подаренные книги, на самые разные темы и оставшиеся в наследство несколько многотомников классиков русской литературы.

Самыми красивыми среди книг естественно были собрания сочинений В. И. Ленина и, невесть как сохранившиеся, И. В. Сталина. Плотные обложки с золотыми тиснениями, качественная бумага, которая до сих пор пахла типографской краской, строгие фото авторов зачаровывали Веню своей красотой, но не более.

Были и стандартные детские книги: Чуковский, Барто, Носов и другие, но Вениамина они как-то не привлекали. Пожалуй, парочку он нашёл интересными для просмотра картинок, это «Робинзон Крузо» и «Путешествия Гулливера», но не более. Как и в реальной жизни, развлечения детей типа Дениски Кораблёва были для него во втором классе

непонятны и чужды.

Так вот. Иногда, когда у них были совместные дела в центре, Римма брала сына с собой на работу. Работала она инженером по технике безопасности крупного предприятия по обслуживанию строительной техники.

Должность её, по мнению начальства, была ни ахти какой загруженной и на неё постоянно вешали общественную работу. Мешок и ворох в придачу.

Местком, профком и маленькая тележка, как она сама же и говорила. Подготовка собраний, оформление стенгазет, организация культмассовых мероприятий и просто массовых праздничных шествий.

В завершении, ко всему этому списку, она занималась подпиской на периодическую печатную продукцию. Газеты и журналы проще говоря. Деньги на это были заложены и потратить их в полном объёме было святой обязанностью любого уважающего себя предприятия с передовым, образованным коллективом.

Помимо стандартной периодики Римма брала на себя смелость выписывать научно-популярные журналы: «Наука и жизнь», «Вокруг света», «Техника молодёжи» и тому подобное... Негласная практика – «не потратишь заложенные фонды в текущем году, не получишь на следующий год», делала своё магическое дело.

И вот, в один из таких совместных визитов на работу, убегая подписывать какой-то бегунок, Римма отрыла секретер,

плотно забитый журналами и сказала, сучающему в уголке с листком бумаги и выданным для развлечения дыроколом, Вене:

–Посмотри вон картинки в каких-нибудь журналах.

Она и не представляла, что, открывая этот секретер, с написанным сбоку белой краской инвентарным номером, она не просто открыла для Вени новый мир, она второй раз круто повернула его жизнь.

Вы, наверно, скажете: «Что-то тут не так. Считал миллионы, перестал. Не читал, не читал, вдруг зачитал. Ребёнок не робот. Как там, в кино: «Урри, Урри! Где кнопка!?!»»

И вы совершенно правы!

Вы ещё помните Элеонору, прабабушку Вени? Она рассказывала много семейных баек своей маленькой внучке, но одну она рассказывать ей не стала, потому что почувствовала в этой кареглазой девочке то, что та сама за всю свою жизнь в себе так и не почувствовала.

Кроме немецких и еврейских кровей, текла в Валькерах кровь цыганская. Именно эти глаза, по мнению бабушки, были и у малютки Риммы.

Бабушка самой Элеоноры, Риммина пра-пра-пра, цыганка баба Белла, несмотря на постоянные исправления родителей маленькой Эли, называла Элеонору исключительно Эллис. Будучи молодой цыганкой, Белла поразила своей красотой и нравом деда Элеоноры, добропорядочного бюргера. Многие тогда говорили, что здесь дело не обошлось без во-

рожбы и чертовщины. Но люди много чего болтают. Прожил дед Элеоноры счастливую и долгую жизнь, не такую длинную, как сама Белла, но всё же. Только вот сама Белла сказала как-то по секрету Эллис, что если захочет она сильно, то что ни скажет человеку, тот то и сделает.

А ещё она рассказала маленькой Эллис о девочке с таким же именем, которая попала в кроличью нору и о том, что они с её дедом, ехали из Германии в Россию с автором этой самой замечательной книги. И по секрету она добавила, что у неё был с ним адюльтер и ещё неизвестно, не течёт ли в ней кровь автора той самой Эллис.

Элеонора не знала тогда, что такое этот самый адюльтер и списывала эту болтовню на старушечий бред. Бред цыганки, возомнившей, что она владеет месмеризмом, столь популярным в своё время в Европе.

Это сейчас каждый человек знает о гипнозе и внушении, а тогда все списывали это на ведьмовские колдовство и заклятия. Именно эта неосознанная особенность Риммы, со временем развилась в особую их с сыном связь и восприимчивость мальчика к посылам матери. Некоторые люди тоже отмечали, что было у Риммы особое магическое влияние, но большинство всё-таки её так не воспринимали. Но последние и не имели отношения к распределению жилья для молодых специалистов в известной нам «сталинке».

А в тот день она вернулась почти через час, уже изрядно беспокоясь за сына и застала его сидящим прямо на полу с

раскрытым журналом. Он водил пальцем по тексту статьи про путешествие Сенкевича на плоту с Туром Хейердалом. Губы его чуть заметно шевелились.

Аккуратно обойдя его, она засобиравалась домой, воспользовавшись удачно появившейся паузой и стараясь не привлекать внимания. Она не могла и представить, что пауза эта продлится несколько лет.

Собрав сумку, закончив все дела и прибрав на рабочем столе, она окликнула сына, но тот услышал её только на третий раз.

– Что, зачитался? Ну, наконец-то. Читай больше и будешь писать грамотно. Хочешь возьми журнал с собой, дома полистаешь.

– А, можно?

– Да, конечно. Всё равно или по домам разберут, или в макулатуру спишут. Хранить негде, да и опасно, бумага, как порох. Хоть и говорят рукописи не горят, а только уж загорятся – не потушишь. Согласно предписаниям пожарного инспектора, так точно.

По дороге домой Веня читал стоя в автобусе, потом сидя. На конечной, где они жили, мама опять не сразу отвлекла его от чтения, и они вышли последними.

Вениамин погрузился в мир путешествий и приключений, мир дальних стран и замечательных людей, удивительных экспериментов и научных достижений. Отвлечь от чтения в этот период его литературного «запоя» могли только самые

неотложные дела – мама, школа, сон.

И к средним классам Веня уже был твёрдым хорошистом. Всё-таки в нём скрывался хоть и не очень гибкий, но въедчивый, как клещ, ум. Сами понимаете, что никто лучше него не знал даты по истории и никто из детей на географии не говорил площадь страны и численность населения, в дополнение к сведениям о том, хотя бы, на каком континенте она находится.

Конечно, за такие фокусы имя Веня быстро трансформировалось одноклассниками в Веник, с приставками- дополнениями «зубрила» и «ботаник».

По окончании восьмого класса мама, как всегда, твёрдо решила, что сыну лучше, а лучше ему, как оказалось, дальше в школе не учиться. Учится до десятого не было ни смысла, ни возможности. Надо идти получать образование в средуху.

Специальность мама тоже выбрала сама – бухгалтер. Перспективная и как раз по складу ума Венички.

Третий довод в пользу данного образования мама вслух не сказала, но очень надеялась, что, учась, в преимущественно женском коллективе, Веничка подберёт себе хорошую, а главное достойную его девушку.

Девушки – это да, были в десятикратном перевесе, но самое главное это то, что вместе в Веней в училище решил поступить его друг Макар. Практически единственный его друг по школе. Это может было даже самой большой удачей всей его жизни. Да не наверно, а без сомнения.

Кто такой Макар? Да его же все в школе знают!

Колька Макаров к третьему классу уже и сам забыл, когда его в последний раз называли Колькой, кроме как у него в родной семье. Кличка «Макар» уже настолько крепко прикрепила за ним, что он даже иногда не откликнулся на Коля. Что свело вместе таких непохожих парней, как Макар и Веня, для последнего, и по сей день оставалось загадкой.

Просто однажды, в школьном дворе к нему подошёл всем известный, малолетний хулиган и шалопай из параллельного класса, Макар, и сказал:

– Привет, Веник.

– Привет. – Ответил Веня, давно уже не пререкавшийся насчёт этой плотно прилипшей к нему клички. Он предполагал, что это просто прощупывание его на предмет «боишься, не боишься», мягко говоря. Но мелочи у него не было, взять с него было нечего, поэтому Веня спокойно смотрел на грозу параллели и младших классов.

– А я – Макар. – Оценивающе оглядывая Веню, сказал Макар и протянул тому руку. – Говорят ты странный?

– Да, так говорят.

– Про меня тоже так говорят. – Удовлетворённо шмыгнув носом, сказал Макар. – Хочешь дружить?

– Хочу, а что нужно для этого делать?

– Ну, ты и впрямь странный! – засмеялся Макар. – Делать ничего не нужно. Нужно просто быть другом. Ну, например, идёт кто на тебя буром, а ты ему так и говоришь: Макар –

мой друган. И всё. А если кто на меня, то и ты мне на помощь. Только это не понадобится. На меня и так никто не пойдёт, только если совсем старшие, да с ними потом пацаны на районе поговорят и тоже успокоятся. Промзоновских все боятся трогать, себе дороже. Ну и гулять можем вместе, я видел, ты же в сталинке живёшь, правильно?

Веня утвердительно мотнул головой.

– А я домов через пять в деревяшке. Батя говорит, скоро дадут нам квартиру где-то в центре, только он так сколько я себя помню говорит. Нам, как семье с двумя детьми, у меня же ещё сестра старшая, положено жильё. Но на положено давно наложено.

Так и началась их дружба.

Макар, приходя к Вени в гости, вёл себя совсем по-другому, нежели во дворе. Видимо, лишаясь публики, переставал на неё работать. А мама, не зная сначала о его школьной репутации, обрадовалась знакомству Вени.

Когда мама первый раз увидела его у себя в квартире, Макар встал, слегка кивнул и представился:

– Здравствуйте. Я Макар. Ну, то есть Николай, но почти все зовут меня Макаром, от фамилии Макаров.

– Здравствуйте. Очень хорошо. Но я, пожалуй, буду вас звать всё-таки Николаем. Вы учитесь вместе с Веней?

– Нет, я с «Б» класса. Но мы дружим с Веней на переменках, ну, и так, вообще.

– Очень хорошо, Николай. Я очень рада что у Вени по-

явился товарищ из школы.

Школу она добавила, чтобы не показать, что у её сына вообще нет друзей.

– Ну, ладно, не буду вам мешать.

И мама ушла копошиться на кухню. Позже опираясь на свой опыт общения с Николаем, защищала она его и на общешкольных собраниях, чем снискала дружбу с его мамой, женщиной простой и немногословной.

Когда мама ушла, Колька ещё прислушался к звукам на кухне и сказал Вене:

– Она у тебя класс. Меня ведь бывает так допрашивают, а бывает и на порог не пускают. У меня же батя, того... сидел.

Макар тяжело вздохнул.

– Он же на севера подался в море устроиться. На рыбаках. Ну, работать начал, поначалу тяжело говорит было, но привык. Он у меня работающий. А потом один чёрт предложил ему пойти с заходом за границу. Там совсем другая житуха, брат. Батя обрадовался, чуть ли не за рейс ему заработок отдал. Сеструха совсем малая была тогда. А тот тип сначала прятался, а когда батя его всё-таки нашёл, сказал ничего не знаю, денег не брал. Батя ему сначала ничего не сказал, а потом как-то выпил, с горя, и говорит: в море идти, а денег мамке даже на хлеб не оставить, ну и нашёл того типа. И пошёл не в рейс, а в тюрьму.

Он остановился, словно вспоминая что-то.

– Но его быстро выпустили, говорят мужики того хитрю-

гана прижали, заставили отказную писать. Не знаю уж, как он там бату с тюрьмы вынимал, но судимость не сняли, а с ней только вон в цеха на промзону и устроиться. А твой батя где? – перевёл разговор Макар.

– А я своего ни разу не видел.

– Да ну? И не хочешь найти? Это же батя!

– Нет. Нам с мамой хорошо. Она его знать не хочет. Никогда о нём не вспоминает, наверно, он не очень хороший человек. Я так думаю. Ну или умер, а мама меня расстраивать не хочет. Зачем оно мне?

– Тоже верно.

– Хочешь я тебе журналы про приключения и путешествия покажу?

– А это интересно? Я почти никогда журналы не читаю. - Добавил, взглянув на ставшую уже внушительной стопку Вениных журналов в углу, Макар.

– Смотрю иногда у бати Крокодил, там картинки смешные бывают. А ещё, слышь, сестра как-то у подружки журнал заграничный брала, магазин называется, со шмотьём забугорным. У той батя в море кажись капитаном ходит. Так вот, – Макар по-заговорщицки понизил голос почти до шёпота. – там, в конце, тётки в одном нижнем белье. А бельё, что та тюль, полупрозрачное. Мне потом Саня, с пятого класса, когда я ему рассказал, рубль дал, чтобы я ему показал, да только сеструха то ли перепрятала, то ли отдала журнал этот. Но тебе я так покажу, ты же мне друг. Если найду...

Через месяц Макар действительно нашёл тот злополучный журнал. Всё бы было хорошо, но при очередном показе друг Сани, который выступил спонсором просмотра, попытался вырвать страницу из того самого журнала. Уж больно ему понравилась одна деваха. Он даже божился, что знает её, будто она продаёт билеты в кинотеатре, в кассах. Он, мол, давно на неё смотреть бегал, а она вон в журнале. А вечером Макара настигла суровая батина кара, да не за порчу журнала, а за какой-то «блуд», слово которое орал батя.

Был он не очень трезвый после работы, так как была пятница - день для злоупотребления законный. В народе так и именуемый – питницей. А потому сестра с матерью в домашних тапках и одежде понесли по холодной осенней улице злощастный журнал его хозяйке. За две остановки от них. А отец орал вслед, что будет следить за ними, а если они попытаются обмануть его, то и ночевать они будут на улице.

Журнал они вернули, а капитанская жена, охая и ругая свою дочь, дала матери и сестре Макара одежду дойти до дому, а потом и вообще сказала оставить себе насовсем или выкинуть. Ну, у них у капитанских, свои замашки. От таких обновок на следующий день женская половина семьи Макаровых была только довольна произошедшим скандалом, а протрезвевший батя, только плюнув, сказал:

– Потаскухи, одна старая дура, а другая малолетка бессовестная!

Но уже так, больше для порядка, и скандала не устраивал.

Короче единственной пострадавшей стороной оказался Макар.

А в тот вечер, у Вени, Макар тоже открыл для себя мир приключений, пиратских странствий, необыкновенных открытий и фантастического будущего. Натура, всей школе известного хулигана, скрывала тягу к неизведанному и опасному, качеству, по сути, позволившему человеку когда-то выбраться из пещер и пойти к горизонту. Но, в современном мире эти же качества приносили их обладателю лишь приключения на пятую точку, которую ему постоянно рекомендовали прижать. И родители, и учителя.

Оторвались новоиспечённые друзья от чтения лишь когда мама позвала их на кухню пить чай с блинами.

– Поешьте, да уже Николаю и домой, наверное, пора. Темнеет уже. Завтра приходи. Журналы никуда не убегут. Вене теперь есть хоть с кем поделиться, а то он от чтения почти и не отрывается. Вышел бы хоть когда на улицу, погулял. Ты Николай любишь гулять?

– Ещё как. Я тут всю округу знаю. Да ты знаешь, Веня, у нас приключения не хуже этих пиратских бывают!

На следующий день на второй перемене Макар жестами позвал Веню на лестничный пролёт.

– Глянь, чё у меня есть.

И он достал красивую бумагу с красными полями и вязью водяных знаков. По краям были две цифры 10, помещённые в круги с орнаментом, на которых висели нарисованные

то ли шкуры пушных животных, то ли гроздь невиданных фруктов. А между десятками был герб с двуглавым орлом. Надпись ниже гласила: «Государственный кредитный билетъ десять рублей».

– Царские деньги! – сказал Макар, он ткнул пальцем в цифру на банкноте. – 1909 год!

– Здорово. Где ты её взял?

– Там больше нет! – Засмеялся юный нумизмат. – А если серьёзно, после школы пошли, покажу где нашёл. Там может ещё чего интересного найти можно.

После школы они пошли за Макаркин дом, где стоял ряд сараев. Использовались они в основном как дровенники, так как в домах было печное отопление.

По дороге Макар поведал, что он, случайно бегая по крышам, провалился в один из них ногой по самую, как говорится, булку. Он вынул ногу и засунул в образовавшуюся дыру голову и увидел, что там были не только дрова, а и сложенные за ними какие-то старые вещи.

Замок на сарае был не закрыт, а лишь повешен для виду. В сарае-то в коробке со старыми бумагами, письмами и документами, юный расхититель сараев и нашёл гербоносную бумагу с подписью кассира Яковлева.

– Тогда уже темно было. Я только мельком глянул. Там ещё стопки книг были, да какие-то шмотки, уже плесенью покрывшиеся. Сарай этот, я узнал потом, вроде бабки одной, Зины. Она уже и из дому не выходит, а живёт одна. В сарай

она уже точно не пойдёт.

– Слушай, но это всё равно, как воровство. – Тихо возразил Веня.

– Да, брось ты! Не мы, так кто другой. Сначала дрова оприходуют, чтобы не пропадали зазря, а потом и до вещей доберутся. А я тебе скажу – сараям этим под сто лет. Там под досками, в полу, может и клад какой запрятан. Представь, мы с тобой золото найдём? Как пираты!

– Главное, чтоб нас с тобой не вздёрнули на рее, как пиратов.

И ребята двинулись на поиски клада. Во дворе, на их удачу, никого не было, и они сразу двинулись к ряду сараев. Почти в самом углу, Макар снял висящий на душеке замок с покосившейся, чёрной от времени двери. Открыв дверь настежь, он повесил замок на ручку и зашёл внутрь.

– Во, гляди.

Глаза Вени ещё не привыкли к темноте, и он с трудом разглядел, что высокая, почти до потолка, стена из дров опершись на одну стену, не доходила до другой, образовав проход к задней стороне сарая.

– Пролазь за мной.

Ребята еле пролезли в узкий проход. Видимо изначально проход был шире, но поленница постепенно теряла свою форму и пыталась опереться на вторую сторону сарая. Именно поэтому любой зашедший в сарай подумал бы, что тут только дрова. И только зашедший, так сказать с чёрного хо-

да, Макар смог увидеть неведомо сколько пролежавшую тут, высотой почти по грудь, стопу бумаг.

Свет почти не проникал сюда, места было недостаточно чтобы подойти вдвоём.

– Погоди. Сейчас.

Макар завалил стопу макулатуры на себя и перебрался на другую сторону, чтобы букинистический клад оказался между ними.

– Темно, как у негра в... – оценил отсутствие света Макар. – И как я в прошлый раз увидел эту деньгу.

– Надо было взять фонарик.

– У бати есть, да только батареек к нему днём с огнём не найдёшь. Может свечу где раздобыть.

– Нет. Мама говорит старая бумага горит, как порох. А вот фонарь у меня есть. Мама подарила на

Новый Год.

– И с батарейками?

– Ему не нужны батарейки, он с динамо машинкой. Пока нажимаешь лампочка горит.

– Ну мама у тебя волшебница! А чего ты сразу не сказал. Давай беги домой, а я тут пока пораскладываю, чтобы удобнее было смотреть потом, сортировать.

– Хорошо, я мигом.

Веня вылез из-за дров, а выходя из сарая, сослепу чуть не врезался в ватник не то деда, не то просто бородатого му-

жика. От него разило куревом, чесноком и несвежим потом. Так что, наверно, всё же дед. Но толком Веня его не рассмотрел.

– Ты что там делал, шельмец? – спросил старик, хватая мальчика за щуплую шею пятернёю, которую, судя по всему, ещё не коснулась старческая дряхлость, потому что Веня почувствовал, будто его шею сковали словно тисками.

– Ай пустите, я сейчас закричу.

Старик чуть ослабил хватку, не ожидав такой наглости, а Веня вывернулся и, отскочив буквально на пару шагов, встал, потирая шею.

– Мы просто хотели почитать книги. А сарай был открыт. Там всё равно макулатура уже, а не книги.

– Мы? – Переспросил дед. – А кто ещё?

Веня подошёл к двери и крикнул в темноту:

– Макар вылезай!

И в этот момент, проявив немислимую для своих лет прыть, дед перекрыл Вене путь назад и толкнул его в сарай так, что тот чуть не врезался в поленья лбом. Хлоп! И ребята услышали, как замок лязгнул о проушины петель.

– Посидите теперь, почитайте! А я за собакой. Пусть сожрёт вас там, ворьё. Чтоб другим неповадно было!

И они услышали удаляющиеся шаркающие шаги.

– Ну, ты Веня и дурак. Бежать тебе надо было. Чего вдвоём-то пропадать!? Да и на помощь позвать бы смог. А теперь что? Сожрёт нас псина. Косточек не останется. Судя по то-

му, какой у этого Мазая голос злой был, у него и зайцы людоеды, не то что собака.

– Как я мог сбежать, мы же друзья!

– Ага, друзья – покойники.

– погоди. Герои в романах никогда не сдаются и находят выход из любых ситуаций! Ты же говорил, что крыша под ногой проломилась, что гнилая она.

– Да я туда еле голову просунул! Да и она в крыше, туда ещё добраться надо.

– Я где-то читал, что если голова пролезет в щель, то и всё тело пролезет. В каком углу дыра-то?

– Вон в том, аккурат самом дальнем. Не забираться.

– Давай свалим туда поленницу и по ней заберёмся.

– Да мы её не сдвинем!

– Давай в такт раскачиваться, она и свалится.

– Ага, а если на нас?

– Ну, тогда хоть собаке будет до нас не так легко добраться. А там глядишь, и кто спохватится. Выручат нас.

Воспоминание о собаке придало Макару уверенности в правильности Вениного плана. Ребята упёрлись в поленья и начали раскачивать. Понадобилось буквально пару минут, чтобы дрова плавно облокотились на стену, став рукотворной горкой и открыв путь к вершине.

– Давай Макар, ты покрепче лезь дыру ломай.

Первопроходец влез наверх, упёрся горбом в потолок, в место, где он проломил доски. И закряхтел, упираясь в

непрочное основание из поленьев.

– Да не так. Ты же доски внутрь проломил? И сейчас внутрь на себя тяни, просто чтобы пролом расширить.

Во дворе послышался яростный лай.

Макар с утроенной энергией рванул доску на себя. Она, хрустнув, сломалась, и Макар, потеряв равновесие, чуть не покотился вниз.

– Есть! – Радостно воскликнул Макар.

Три рывка, и в крыше показалось отверстие достаточное для горе-кладоискателей.

– Лезь первый! – Крикнул Макар. – Я ещё кое-что сделаю.

Веня не стал пререкаться, тем более, что лай раздавался почти у дверей.

Ещё никогда он не радовался так солнечному свету. Как он сейчас понимал узников темниц из романов о средневековье!

Из дыры вылезли на свет две доски, а Макар крикнул:

– Вынимай!

Немного недоумевавший Веня вытащил доски. Следом выскочил Макар, с невесть откуда взявшимся в руках ржавым молотком и несколькими гвоздями-дюймовками. Проворно положив на пробоину доски крест-накрест, он ловко, в несколько ударов, прибил их к крыше. Не успел он закончить, как в щель сунулась оскалившаяся пасть дворняги с явной примесью овчарки, и начала яростно рычать, брызгая пеной.

– Тикаем! – Макар сиганул с сарая на задворки и припустил в сторону забора. Не ориентировавшийся здесь Веня не стал ждать объяснений и побежал так, как никогда в своей жизни ещё не бегал. Позади слышались отборные ругательства старика и злобный переходящий на фальцет лай собаки.

Макар подбежал к забору и отодвинув доску крикнул:

– Сюда!

Через пару минут они уже сидели в подъезде и выглядывали в окно во двор, пытались унять свои рвавшие наружу сердца. Убедившись в отсутствии погони, Макар вдруг хлопнул Веню по плечу и начал истерично смеяться. От этого зрелища Веня тоже начал смеяться.

– Ой, всё! Я больше не могу! – спустя минуту Макар лёг на пол, а голова его ещё продолжала подпрыгивать, чуть не ударяясь затылком об пол. – Я думал всё, кранты нам. Ну ты молодец, как всё придумал и с дровами, как их повалить, и с крышей, с проломом.

– А ты, с досками этими. Я подумал ты совсем чокнулся, когда ты их начал оттуда вытаскивать! Ты где молоток-то взял?

– Да там, в сарае и приметил. Думал пол попробовать вскрыть, а видишь, по-другому пригодился. Я ж сразу смекнул, если мы проскочим, то и собака пролезет. Думал сначала ей по морде дать, когда она зубами в щель-то защёлкала, а потом думаю, она-то чем виновата? Тем что у неё хозяин больной придурок? Не, я животных никогда бить не буду. И

батьа говорит, самый страшный зверь – это человек. Нет лю-
тее зверя!

Спустя ещё полчаса, ребята сидели у Вени дома и обсуж-
дали, что могло быть в той куче макулатуры, когда внезапно
Макар остановился и сказал:

– Знаешь, ты теперь мой самый, самый друг! Другого, кто
вот так бы не испугался и остался со мной на съедение соба-
ке, наверно, и не будет никогда.

– Знаешь, а я тебе боялся сказать, но ты у меня единствен-
ный друг. Ко мне никто вот так не приходил, а в классе все
только смеются.

– Ну если хочешь, только скажи, я любому морду намы-
лю. Я слышал, у нас скоро в секцию по боксу набор будет,
я пойду. Хочешь со мной? Там научат так драться, что хоть
один против пятерых, а то и десятка.

– Нет. Лучше я тебя, если что, попрошу! – Улыбнулся Ве-
ня. – Драки это не по мне. Ты ведь мой друг!

Глава третья. Комер.

*Прошлое растёт, а будущее сокращается. Все меньше
шансов что-нибудь сделать – и все обиднее за то, чего не
успел (с).*

Харуки Мураками.

Годы учёбы в техникуме Вениамин не очень любил вспо-
минать. Он начал своё образование и учился правилу «ко-

пейка рубль бережёт», а страна начала стремительно разваливаться и забывать не только о копейках, но и о самих рублях, в почёте были условные единицы.

Изголодавшаяся по продукции лёгкой промышленности страна, благодаря сначала кооператорам, а потом коммерческим магазинам, наконец увидела разнообразие и обилие одежды, техники и прочих товаров.

Тяжёлая же промышленность, на деле оказавшаяся не такой уж и тяжёлой, начала легко просачиваться через границу, в виде металла, древесины и прочего народного достояния. Обогащая при этом отнюдь не народ, в широком смысле этого слова.

Уже привычный дефицит капитулировал под натиском бартера и челноков, но стремительно нищающая основная масса населения была этому уже не рада. Хорошо, конечно, иметь на прилавках десятки видов колбасы, как на пресловутом загнивающем западе, но фиг ли толку, если зарплата позволяет купить только хлеб, на который её можно было бы положить. Да и то, если эту самую зарплату не задержат на полгода.

Министр финансов во всеуслышание заявлял о желании стать безруким, но спустя некоторое время народ, поверивший было ему, хотел уже не только его руки, но и голову, а самые ретивые говорили и о других его, более интимных, органах.

Пришло новое поколение хозяйственников, у которых вся

бухгалтерия была в голове или, в лучшем случае, в записной книжке. Налоги, учёт, что это вообще? Купил, потом в три раза дороже продал, и на эти два процента живёшь. А в орфографическом словаре самые знакомые слова это – ОППА-зия, ЧИСТАписание и ТИПАграфия.

Кроме того, перспективе нормально работать Вениамину, по только что полученной профессии, после окончания техникума, мешало горячее желание военкома поскорее заполнить его под своё попечительство.

Маму сократили, и она за год поменяла три работы. Сбережений особо не было, помощи ждать не от кого. Поэтому, когда Веня пошёл в армию, она вздохнула с облегчением.

По причине слабого зрения, испорченного, как говорила мама, из-за своей неуёмной любви к чтению, Веня попал в стройбат.

– Стройбат – самые страшные войска! Нам даже оружие не дают! – Так шутили сами о себе его сослуживцы.

Но для Вени отношения в его части были даже лучше. Вопреки всем известному лозунгу, не менее известного рода войск: «Никто кроме нас!», здесь царил принцип: «А с фидали мы?»

Нормально работаешь и никто тебя не замечает. Совмещаем пространство и время: «Копаем отсюда и до обеда». Не умничаешь, и тебе не задают глупых вопросов.

Его воинская часть была под Ленинградом. Вопреки всем ужасам, рассказываемым о службе в армии того периода,

конкретно он отслужил более – менее неплохо, в относительно-ном тепле и сытости.

Его заметил прапорщик Нурмамедов, заведовавший складом. Заинтересовавшись записью в личном деле «бухгалтер», он, оставив при себе молчаливого новобранца, был поражён талантом того знать в любой момент сколько, чего и где находится у них на складе.

Правда, эта же черта имела нехорошую «побочку». Веня с беглого взгляда подмечал любые перемещения хранимого имущества. Он искренне удивлялся, как из-под опечатанной двери склада, ночью, мог запросто быть унесён мышами ящик тушёнки. Ну, по крайней мере, по версии Нурмамедов.

Да, да, Нурмамед. По обычаям своего аула он был Нурмамедом Нурмамедовичем Нурмамедовым. Его отец, его дед и так далее, все были Нурмамедовыми. Когда его смогли каким-то образом завлечь на получение паспорта к единственному своему идентификатору – Нурмамед, он получил фамилию и отчество, а заодно и повестку, и сразу же отpravку в учебку в армию. Всё по стандартному сценарию:

«Как попал в армию? Спустился с гор за солью – забрали служить.»

–Валико! – Так на кавказский манер, он изменил фамилию своего головастого рядового, Валькер.

– Ты не поверишь! Я раз подхожу к складам, смотрю и думаю, откуда-то такса прибудила, лежит у ворот. С руку мою, по плечо. Подошёл ближе, а это крыса! Посмотрела

на меня и так вальяжно пошла, во-о-о-н под тот пандус. Ни капли страха! Вах, боюсь.

Памятуя фразу Суворова: "Любого интенданта после пяти лет службы можно вешать безо всякого суда", Веня делал вид, что верит. Тем более служить здесь было намного лучше, чем под Алакуртти, где находилось одно из их подразделений.

На учения некоторые из ребят ездили туда и, по возвращении, уже никогда не становились прежними. Про самую тамошнюю часть ходили легенды. Говорили, что уйти на дембель с полным комплектом родных зубов, было почти невероятным чудом.

Хотя о том, что не всем легендам можно верить Веня скоро убедился сам, благодаря забавному случаю. Один раз, они на машине поехали на базу, получить кое-что по мелочи. В очереди, в разговоре обычно первый делом узнают, кто откуда. Когда Веня сказал откуда он, его собеседник только и смог сказать:

—Да ну на!.. А ты знаешь там у вас, за южным портом и угольной базой, хабзайка есть, на мотористов учат?

—Ну да. Если с центра едешь вдоль побережья, тогда дорога прямо, а налево, от берега вглубь, отворотка большая на промзону, я там и живу.

И поведал тогда ему служивый этот историю про Венин родной город, где жил-поживал он столько лет, а всей правды жуткой не знал.

Был он как-то у них проездом. И позвал его к себе в гости заехать одноклассник, невесть как попавший учиться в эту самую хабзайку и живший при ней в общежитии. Ехал он к нему днём на автобусе. Вид из окна был невесёлым, но, как говорится в песне «мёртвые с косами вдоль дорог стоят», такого не было.

Встретились они с приятелем, начали они отмечаться, злоупотреблять, а тот его сразу предупреждает: «Если напьемся и кто позовёт догоняться, ты ни-ни, как стемнеет из общаги без меня не ходи». Ну, пока суть да дело, отметили крепко. Начали рано, клюнул он носом и проснулся уже часов в одиннадцать вечера. Друга нет, все спят бухие. И спросить не у кого, как утром автобусы ходят. А утром поезд у него, не то чтобы рано, но и добираться непонятно, как и сколько.

Подумал, вещи схватил, да и почапал. Думает: до вокзала доберусь, там всё веселее, видеосалоны тогда ещё в моде были, да и наливали пассажирам в кафешках не стесняясь, в любой время, в любую тару. Хоть в мыльницу.

Стоит он на остановке значит. Машины едут, но не подбирают. Он вроде и выглядит не как бомж, но и люди, может по делам своим торопятся, а может знают, что наверняка не по пути. Бог их знает, может просто говнюки, и такое бывает. Но потом даже два такси с зелёными огонёчками проехали. Странно.

А в третьем таком такси, дверь метрах в двадцати до него

не доезжая, распахнулась и шофёр крикнул во всё горло, словно духов отгоняя, и не снижая скорость:

– Запрыгивай на ходу, я тут останавливаться не буду!»

Тут рассказчик сделал паузу, словно ещё раз переживая откровение, накатившее на него в тот момент. Запрыгнул он, на автомате почти, в машину и вспомнил предупреждение друга своего, а по спине прошёл нехороший холодок и остаток хмеля вышибло на раз. Изловчился он и дверь захлопнул.

А водила всю дорогу поглядывал на него, словно зомби у кладбища подобрал, а не пассажира на общественной остановке. И по приезду на вокзал взял с него очень по-божески и жест на прощание сделал, как показалось этому бедолаге, будто перекрестил его.

Веня, конечно, хотел убедить его, что всё не так плохо на самом деле. И что просто совпало, может с той самой угольной базы зэка какой сбежал в то самое время. Но даже Нурмагомед, знавший его, как облупленного, посмотрел тогда на него как-то по-особенному, то ли с уважением, то ли даже с опаской.

Такие вот городские легенды.

Но вернёмся на наш склад.

Ещё, например, удивительно было Вене, почему сапоги, не побывавшие в употреблении согласно ведомостям и находящиеся у них на хранении, были в таком состоянии, словно в них отходил уже не один призыв. И самое главное прове-

ряющие, посещавшие склад, как и прапорщик, не замечали этого удивительного факта.

Но это уже относилось к талантам самого прапорщика, а Веня списал это на особенности своего восприятия. Мы же с вами помним садик и беседу с мамой о том, что надо иногда делать вид, что ты что-то забыл.

Ну и, конечно, скидку надо было делать на то, что после радушного приёма Нурмамедом этих самых проверок, в их убогой каптёрке, с режущим глаз и не вяжущимся к обстановке, богатым столом, с яствами неведомо откуда взявшимися у простого прапорщика, редко кто мог уйти на своих двоих.

Был представитель маленького народа гор, название которого Веня так и не запомнил, горячим и вспыльчивым, но на самом деле отходчивым, добрым, и щедрым. Судя по всему, как появлялись у него деньги легко, так же легко и уходили.

Когда срок службы Вени подходил к концу, стал он его уговаривать остаться на сверхсрочную, прапорщиком: «Ты не понимаешь, на гражданке сейчас анархия. А мы с тобой такие дела тут будем делать, вах, всё будет у тебя! Квартиру служебную сделаем тебе, чего ты там на севере своём забыл? Маму сюда перевезёшь.»

Он даже выбил Вене краткосрочный отпуск, чтобы тот посоветовался с мамой. Но Веня вернулся с твёрдым желанием вернуться на гражданку, а Нурмамед, вопреки опасениям Вени, не стал сетовать, что тот обманул его надежды, и ска-

зал только: «Мама это святое, береги её.»

Был он человеком душевным. Пел он песни, когда занимался своими нехитрыми складскими делами, на своём горланном языке в полный голос. Как-то раз, он долго рассказывал о том, как красивы, неведомые Вене горы на его родине. Веня, конечно, знал об альпинистах, о восхождениях, об Эвересте, Килиманджаро и Памире, но никогда не понимал, что заставляет людей забираться, рискуя жизнями, на эти самые горы.

Уходил на дембель он по гражданке. В его гимнастёрке и парадке, да и в сапогах наверняка ещё кто-то походит, подумал он. Нурмамед подарил ему, сняв со своей руки, электронные часы Casio, ставшие модными в то время.

– Будешь в Ленинграде, заходи в гости не стесняйся. Тут тебе всегда рады. А уеду домой, напишу тебе. Приедешь к нам – я тебе покажу, как красивы горы, как гостеприимен наш народ. Вино, шашлык... Минералка прямо из земли ключом!

Двери автобуса закрылись, и Веня проводил взглядом оставшегося на остановке кудесника склада воинской части 40311.

А дома его встречал Макар. Да не просто Макар, а Макар 2.0!

За два года, что Веня топтал, так сказать, кирзовые сапоги, Макар сделал огромные шаги. Но, обо всём по порядку. Бокс!

Это определяющее слово.

При чём ту бокс, скажете вы. И вы, конечно, будете... не правы.

Бокс, бокс и бокс. Три раза бокс, как три раунда в этом самом боксе.

Первый раунд. Бокс.

Макар, как и сказал в тот памятный день, когда они с Веней чуть не стали обедом для собаки, пошёл на занятия по боксу. И делал большие успехи. За год он сделал то, на что другим требовались два, а то и три года тренировок.

Тренер отмечал его раскованность и нацеленность на атаку. В Макаре не было инстинктивного страха. Наставник, конечно, бывало ругался за то, что его ученик нарывался и иногда его даже присаживали "отдохнуть" на настил более опытные спарринг партнёры, но в то же время он понимал, что это всё были ребята, с которыми его ученик, по-хорошему, и не должен был ещё встречаться на ринге. Причём, спустя пару месяцев тот возвращал им должок с лихвой.

Через полтора года, на весеннем чемпионате города среди мальчиков, он занял второе место, уступив лишь перворазряднику с гораздо лучшей техникой. А осенью, после спортивного лагеря, его взяли на соревнования в Ленинград, и он снова проиграл только в финале, и то, явно из-за предвзятости судей.

С ним боксировал тоже Николай, долговязый парень из Ленинграда. Их бой так и прозвали: Два Н. Во-первых: два

Николая, а во-вторых: два нокдауна. Причём сначала на настил присел Макар. Судья отсчитал положенные секунды. Соперник посчитал, что победа над, почти на голову ему проигрывавшим в росте, провинциалом, у него в кармане. И на последних секундах в нокдаун послал своего соперника уже Макар.

Многие говорили, что спас его только финальный гонг, хотя он и прозвучал раньше, чуть ли не на двадцать секунд. Этот бой принёс Макару звание кандидата в мастера спорта.

Второй раунд. Бокс.

Вы не подумали, а почему это Веня пошёл в армию, а Макар его встречал оттуда. Опять же бокс! Ещё не начала утихать радость от серебра на таких крупных соревнованиях, как на комиссии в физдиспансере врач констатировала значительное ухудшение зрения у юного спортсмена. Вердикт был однозначным, занятия прекратить!

Но нет худа без добра. Крепкий и шустрый в повседневной жизни подросток, на комиссии в военкомате с трудом не только видел, но и слышал врачей, а они, увидев записку в медкнижке со страшными словами «разрыв и отслоение», отпускали неудавшегося призывника, перешёптываясь: «Бедный мальчик! Не спорт, а калеки. Такое горе.»

То, что давалось другим за большие деньги или по большому благу, пришло к Макару прямо в руки, практически само.

Своё категорическое нежелание идти в армию, Макар Ве-

не объяснял тем, что начинается время больших возможностей.

– Ты балда, Веня! У тебя же тоже вон лупы, коси! Сейчас начинается новое время. Я на бату хочу точку торговую оформить. Коммерческий магаз открою. «Комер» назову. Ну, типа, с намёком, на «бумер», это машина такая крутая. Я себе обязательно возьму потом! Товар поднаберём, я буду разруливать дела. У бати дружки с отсидки остались, они сейчас все в коммерцию подались. Знаешь какие бабки зарабатывают! А у тебя башка варит, ты ещё и бухгалтер, без пяти минут. Я – то так, мимо проходил. Без тебя и диплома не получил бы.

Третий раунд. Бокс.

По необъяснимой, для Вени, причине, когда он вернулся с армии, именно у боксёров дела в торговле шли лучше всех. Все самые лучшие точки на рынке, самые ходовые магазины, торговые базы, оказались под руководством друзей Макара по спорту. Даже в милиции оказалось множество друзей или, как Макар говорил, братанов – спортсменов. Веня точно помнил, что вся секция, все смены, вместе взятые, со всеми, кто бросил занятия через пару недель и первого разбитого носа, насчитывали от силы полторы сотни учеников. Сейчас же, по скромным подсчётам, их было не меньше тысячи.

Макар быстро определил друга детства в одну из своих точек. Присматривать за хозяйством, вести учёт, развивать

ассортимент. За короткий срок, Веня не только вывел на чистую воду несколько нечистых на руку продавцов, но и значительно расширил рынок.

Потом, чуть въехав в суть происходящего, он сказал Макару то, о чём тот, как оказалось, и сам уже начинал задумываться. Расцвет торговли ширпотребом неминуемо пойдёт на спад, как в своё время торговля с ящиков на остановках или в киосках у продуктовых магазинов. Большие дяди с Москвы, по слухам, начали потихоньку скупать разваливающиеся производства.

Макар начал было подкатывать к цехам на промзоне, родным и близким с детства, думая организовать там складские площади для хранения, но ему быстро дали по рукам. На опустевшие и, казалось бы, никому не нужные, пустующие площади, уже наложена была лапа и по такой цене, что Макар квартиры в своём доме в деревяшке дороже купил, чем было отдано за тысячи «квадратов» цехов.

Кстати, да. В отличии от бывших начальников завода, получавших квартиры рядом с промзоной бесплатно, но предпочитавших переселяться в центр, Макар был патриотом мест своего детства. Его привязанность к своему дому, где прошло его детство, многим была совершенно непонятна. Ну, как бы то не было, когда у него появились деньги, он выкупил сначала все три квартиры на своём этаже. Потом весь подъезд, а потом весь дом.

Хотел организовать офис под одной крышей со своим ро-

довым гнездом и ходить на работу в тапочках, но потом ему подвернулось офисное здание в портовой зоне. Отдали его ему за копейки, так как балансовую стоимость никто не удосужился пересчитать с цен развитого социализма. Главное, здание добротное, кирпичное. Какая никакая, а общая с портовыми властями, охраняемая зона с проходной. Далековато от делового центра, но Макар и не любил светиться. Многих своих знакомых, по дикому бизнесу 90-х, он уже проводил в последний путь.

Так и получилось, что он дал своей «деревяшке» вторую жизнь. Дерево оказалось неплохим и сруб не гнил. Обшить внутри и снаружи, облагородить дом, было делом техники. Так и появилась на окраине города усадьба, с теремом и четырёхметровым забором.

А гости по достоинству оценивали модные, в то время, евроремонт, почти загородную тишину и уют, а спустя какое-то время и дорогу сюда, которая странным образом попала в список на первоочередной ремонт.

Макар первое время частенько буквально затаскивал к себе Вениамина и Нину, благо жил Веня по-прежнему в двух шагах. Ему хотелось и показать, чего он добился, и ввести делового партнёра в круг своих знакомств. Но друг детства был далёк от всего этого. Он с недоумением воспринимал хвастовство друга, а-ля: «Ну, как тебе? Есть теперь к чему стремиться!» Ведь он помнил, как жил Макар в детстве, как они вместе мечтали не о роскоши и застольях, а о приклю-

чениях и дальних странах.

А потом они с Ниной сошлись окончательно и переехали в хрущёвку почти в центре.

Кто такая Нина? Точно, я ж совсем забыл, а Веня и не любил вспоминать годы учёбы.

Нина училась на курсе экономистов в том же техникуме, и сразу же заинтересовалась парочкой поступивших мальчишек. Веня, естественно, этот интерес не заметил, а вот Макар, так же естественно, принял этот интерес на свой счёт.

Макар, вообще, умел привлечь к себе восхищённые перешёптывания девчонок, и не только. Взять хотя бы тот случай, когда на ноябрьских каникулах они группой от техникума поехали в Ленинград на экскурсии.

Поселили их почти за городом. Каждый день, после очередной поездки по трём-четырёх достопримечательностям, они возвращались больше получаса от метро на автобусе до конечной остановки маршрута.

На конечке, прямо лицом к остановке, стояла столовая, привычно разместившаяся в стандартном цоколе хрущёвки, куда они и заходили на свой поздний обед. Высокие ступеньки этого заведения общепита бросались в глаза едва открывались двери автобуса.

Половину предыдущей ночи Макар проболтал с пацанами с Казахстана, приехавшими, как и они, на каникулы на экскурсию и живущими в одном с ними, "люксовом" как они шутили, двадцатиместном номере на турбазе. Весь этот день

Макар был в состоянии «поднять, подняли, а вот разбудить забыли». К тому же, в автобусе, несущем их группу, после особо изнурительных в этот день экскурсий, к долгожданному обеду, было на редкость многолюдно. И Макар всю дорогу ехал почти на подножке у дверей, не продвигаясь в салон.

Когда двери на одной из остановок открылись и он, наконец, увидел долгожданные ступени, он с облегчением ступил на тротуар. Выходящие люди толкали его, и он прошёл несколько шагов вперёд, глядя под ноги, чтобы не утонуть в круглогодичных, питерских лужах. Только после этого он поднял свой взгляд от асфальта.

Вместо столь милой, стандартной надписи: «Столовая», висела вывеска «Хозтовары» и дом был не пятиэтажный, а девятиэтажка! Макар, ещё не понимая до конца такой метаморфозы, обернулся и увидел отходящий от остановки автобус, из которого, с задней площадки, на него глядели застывшие в ужасе девчонки.

Автобус уходил в никуда, а он оставался неизвестно где, и куда ему надо ехать, он не имел никакого понятия. Любой подросток, наверно, в такой момент забился бы в истерику и закричал: «Я отстал, я потерялся!»

Любой, но только не Макар. Не раздумывая ни секунды, Макар побежал за автобусом, набиравшем скорость.

Ерунда. Непонятно зачем вообще автобусы, ведь скорость автобуса и человека равны! Постойте, или всё-таки нет?

Неизвестно, что было в голове у парня в этот момент и на

что он вообще надеялся, но на следующем перекрёстке он действительно догнал автобус, вставший на светофоре. Но дело в том, что догнал он его перед самой сменой красного на зелёный и едва он упёрся руками в колени и согнулся, чтобы унять бешено стучащееся сердце, как автобус рванул дальше и девчонки потеряли его из виду.

А в автобусе, в это время, разъярённая классная руководительница пробиралась, с так удачно занятого сидячего места впереди, к вопящим девчонкам на задней площадке.

–Как отстал? Как вышел? Ну, этот Макаров! Найду его и точно прибью! Я так и знала, от него только одни неприятности! Ведь как я его не хотела брать!

А в это время пассажиры, оккупировавшие самые хорошие места с видом на тротуар, наблюдали, как их обгонял едущий по первой полосе троллейбус. На задней лестнице его, для выхода на крышу к усам, висел Макар, с таким непринуждённым видом глядя на автобус, что даже не верилось, что он снаружи, а не внутри транспорта.

Пешеходы на следующем переходе увидели, как от завернувшего троллейбуса отделился мальчик и, посмотрев на направление автобуса, пересекавшего перекрёсток, прямо, не спеша побежал за ним на остановку на другой стороне. Ну, что ж, бывает...

Людмила Игоревна на задней площадке дала последние инструкции девочкам: «Доехать до конечной и ждать пока я привезу этого охламона, хоть час, хоть два!» и вышла на

остановку.

Из средней двери её вдруг кто-то окликнул: «Людмила Игоревна, вы куда!? Это не наша остановка!»

Из автобуса озадачено выглядывал Николай Макаров!

Забравшись обратно в автобус, преподаватель русского языка так отчихвостила девочек на том самом, великом языке, который она преподаёт, что пассажиры только невольно уткнули глаза в пол. Таков был Макар.

Благодаря этой и другим историям, он в любой компании быстро оказывался в центре внимания. Но в случае с Ниной, система дала сбой.

Нина никогда не западала на шустрых парней. Одна подруга как-то уже в конце учёбы сказала ей: «Почему тебя всегда тянет на этих ботанов? И ты ведь каждый раз разочаровываешься в них после первой же постели, ты не устала от этого?»

На что Нина спокойно ответила: «А почему ты думаешь, что я с ними изначально собиралась встречаться на постоянку? Это ты – дурочка! Ты же вроде на экономиста учишься? Считай это моей инвестицией на будущее. От меня не убудет, а для любого из них, я едва ли не первая и они меня запомнят на всю жизнь.

А для всех этих твоих красавчиков, ты – трофей. И он раструбит о тебе на всю округу, и ты же ещё и прослывёшь потаскухой. А моим ухажёрам и поделиться-то своим свиданием не с кем, а даже если он и расскажет, что я чуть ли не на

первом свидании с ним переспала, то его на смех подымут. Да и тебя сплетницей если что назовут, ты учти.

Я для своих едва ли не лучшее, что будет в их сексуальной жизни. При этом, мой с ним романчик останется нашей тайной. А там посмотрим, лет через пятнадцать он ещё министром станет, а я – тайная любовь всей его жизни. Вот тогда посмотрим, кто из нас дура!»

Правда, ожидание министра затянулось, а тут как-то в городе она увидела Вениамина, одну из своих инвестиций. Он по-прежнему был в окружении раскрутившегося Макара, которого она, согласно своей стратегии, отшила в техникуме, и даже позже, когда он увидел её в их фирме, зайдя по своим каким-то делам, уже весь такой деловой: на малиновом пиджаке и с барсеткой, с ключами от заветной BMW.

У неё даже мелькнула на мгновение мысль, может это её шанс, но она остановилась. Уж очень высок был шанс сгореть в этой самой бэхе, вместе со своим любовником-однокурсником Макаром, после очередной разборки с его поделеньниками. Она посматривала иногда криминальную хронику.

А вот Вениамин, другое дело. От него всегда исходила какая-то тайна. Даже их краткий роман был не таким, как с другими. Она не успела даже начать свою обычную речь – «этому лучше быть нашей тайной» и «мне надо обдумать свои чувства», как он уже сказал: «Наверно этому лучше остаться просто красивой историей. Я ведь понимаю, такая, как ты достойна самого лучшего.»

Если бы это был бы кто другой, она бы даже подумала, что её отшивают. Но в голосе этого молчуна было столько понимания, что она ничего не сказала в ответ, лишь улыбнувшись подумала: «Красивая история? Да тут у нас романтик!»

И вот, спустя более пяти лет, всё такой же таинственный и загадочный, появился Веня на её горизонте. Многие думали, что это за «серый кардинал» при Макаре? Строит из себя бухгалтера, а на деле тот у него не стесняется спрашивать совета и мнения, даже на самых серьёзных стрелках. Поговаривали, что именно благодаря этой тени, Макар не только выскакивал из пирамид типа МММ и Хопёр-инвест сухим, но и сделал там неплохие деньги.

Когда у них начались отношения, Макар пытался открыть Вене глаза, но тот только сказал, что всё понимает. Первый же звоночек Нине звякнул, когда она узнала, что Веня по-прежнему живёт со своей мамой, хоть и в просторной сталинке, но всё равно, в однушке и на промзоне.

Правда и сам Макар жил там недалеко, а потом мама Вени проговорила, что у них есть двушка в центре. Они рассказывали ей какую-то историю, мол, она занималась в месткоме ветеранами и ухаживала за одной одинокой бабулей, и та отписала квартиру.

"Чего только не придумают!" – думала Нина – "Отжали хатку, мне по барабану, главное не с мамой на кухне свидания."

Они съехались в этой хрущёвке, а спустя полгода по-ти-

хому расписались.

А потом, словно передав эстафету, так же тихо ушла мама. О том, что у неё рак, Вениамин не знал до последних дней, да и сгорела она практически за пару месяцев.

Через пару лет они узнали, что у Вениамина не будет детей, а ещё через полгода на горизонте Нины появился очередной инвест-проект. Веня, ничего не говоря, съехал обратно на промзону, погрузился с головой в работу и завёл, как и полагается холостяку, кошку. Сколько не пытался Макар его вывести в свет развеяться, тот неизменно отказывался.

Даже на работу он продолжал ездить на автобусе, через весь город, почти сорок минут, хотя Макар готов был его подбирать или даже предоставлять шофёра – сам он обычно не приезжал на работу так рано.

Веня же говорил, что автобус очень удобен. Ехать от одной конечной до другой – всегда сядешь. И думается в нём хорошо. Медитация.

Про то, что он посчитал количество остановок, столбов и деревьев, он умолчал. Он знал почти всех пассажиров. Кто на какой остановке зайдёт, кто где выйдет и кто где любит садиться. Это были его друзья, знакомые. Хотя они, конечно, об этом не знали.

А фирма «Комер», начав подбирать за копейки, сначала строительную технику, потом бесхозные здания и землю, продолжала развиваться и вышла в одного из лидеров города в строительстве.

Веня правда, постоянно критиковал название:

– Пришёл в Комер – всё равно, что помер. Доверился Комеру – пошёл по миру! Макар, ну, что за название!?

На что Макар лишь смеялся:

– Тебе бы слоганы писать, что-нибудь типа «Дерьмо случается». Кстати, не смотрел фильм, недавно мне попался, не знаю как пропустил раньше, «Форест Гамп» называется? Ну, точь-в-точь про тебя. Не видел? Посмотри обязательно. Один в один ты.

И Веня действительно посмотрел. Фильм тронул его до глубины души. Пару раз он едва не плакал. Он думал о своей матери и вдруг понял, что с её уходом, какая-то частичка его души тоже ушла. Ушла, но при этом словно освободив внутри него что-то другое, словно подарив взамен, какую-то свободу.

Вспомнил он и как она сказала в последний свой день: «А помнишь, как ты маленький хотел сосчитать звёзды? Если все они кроме одной погаснут, это буду я. Я всегда буду смотреть на тебя оттуда, мой мальчик. Я всегда буду с тобой рядом.»

Посмотрел он и момент, где Гамп рождает свой слоган: «Дерьмо случается». А ещё, вспомнил он фразу из любимой маминой книги «Алиса в Стране чудес»: «Если в мире всё бессмысленно, что мешает выдумать какой-нибудь смысл?»

Это был день «Ноль» ...

Глава четвёртая. Хождение по путям.

Вообще-то существует четыре основных пути, чтобы добраться до Бэнгора. (с)

«Короткая дорога миссис Тодд» С. Кинг

День первый. Время в пути: 1 час 3 минуты 44 секунды.

Этим утром Веня проснулся сам, не по будильнику. Причём, не так проснулся, как будто что-то разбудило, оторвало от сладкой дрёмы, и ты ещё думаешь: "ну сейчас, ещё минуточку!" Нет. Он проснулся, словно кто-то щёлкнул выключателем и он открыл глаза. И именно с этим первым взглядом, упёршемся в белый, пустой потолок, он понял, сегодня он начнёт, или даже уже начал, новую жизнь.

На этой грани, когда сон потихоньку сдаёт свои позиции, а реальности ещё не до конца заявила свои права на мысли и ощущения человека, он вдруг вспомнил маму. Почему-то такой, какой она была, когда однажды забирала его из сада. Весной, прямо с прогулки, и чуть раньше, чем забирали других детей. Она была в модном тогда кримпленовом платье, голубом в белую звёздочку. Пятьдесят одну звёздочку, если быть точным.

Вспомнил он почему-то и Катю, которая постоянно плакала, когда её мама каждое утро пыталась оторвать в раздевалке дочку от ноги, чтобы уйти уже, наконец, на работу. Мама долго думала, что в саду дочку обижают. Она слышала рёв Кати в группе, на крыльце сада и почти до самой оста-

новки. Материнское сердце обливалось кровью. Но все эти терзания были резко оборваны в тот день, когда она решила подсмотреть через окошко за тем, как её дочь будет безутешно рыдать.

Каково же было её удивление, когда она увидела, как её Катенька забежала в группу и чуть ли не улыбаясь, но при этом продолжая орать в голос, подбежала к Кириллу, забрала машинку и проехав с метр, кинула машинку обратно мальчишке.

...При этом продолжая орать в голос.

Потом она подбежала к стенду с детскими книжками, взяла одну и сев на пол раскрыла её и начала её неумело листать.

...И при этом продолжая орать в голос!

Уже привыкшие к такому Катиному «Здрасьте!» малыши, не обращали на её рёв ровно никакого внимания.

Первой не выдерживала няня и говорила: «Ну, всё, Катя, хватит уже. Мама ушла и не слышит. Выключай свою шарманку!»

И Катя, не отрываясь от книги, словно по щелчку выключила «шарманку». В группе воцарился привычный средне-статистический шум.

На следующий день, в предверии обычного концерта, мама сказала: «Мне можешь не орать, я тебе больше не верю! Я всё видела. Ты всё время меня обманывала!»

На что Катя притопнула ногой и, поняв, что её обман раскрыт, надулась и, поглядев исподлобья, сказала: «Ну и не на-

до!»

Развернулась и спокойно пошла в группу. На этом её рёв канул в лету. Такие вот дети – манипуляторы родительских сердец.

Вспомнил он и Нурмамеда, который почти весь свой барыш тратил на заметание следов операции по получению этого самого барыша. Движение ради движения? Или невозможность выйти из порочного круга?

Вспомнилась фраза из какого-то популярного чтива: «Игры в которые играют люди, и люди, которые играют в игры».

Что наша жизнь? Игра.

Потом вдруг вспомнился разговор с Ниной о ребёнке, которого у него никогда не будет. Он тогда чётко сформулировал: «Смысл нашей жизни в том, чтобы продолжить себя в наших детях. Если после меня никого не останется, и я тоже точно умру, какой смысл во мне для Вселенной. Я субъект бессмысленный и бесполезный».

Мысль, как это бывает в состоянии между сном и явью, пробежав по извилистой цепочке образов, в конце концов сформировалась в голове Вени в виде резюме: «Да, может я и не могу найти какой-то глубокий смысл в своём существовании, но, как и Гамп, можно хотя бы попытаться заполнить её каким-то, может и бессмысленным, но движением. Движение – жизнь!»

Веня резко поднялся с кровати.

Если любимая мама Алиса сказала: «Если в мире всё

бессмысленно, что мешает выдумать какой-нибудь смысл?», то так тому и быть!

«Нет, как Гамп бежать через всю страну я не буду, он парень спортивный с детства, и в армии не в стройбате служил, а в самой, что ни на есть, войне участвовал. Да и у нас далеко не убежишь, медицинская спецбригада быстро придёт на помощь и доставит по нужному, причём ей, а не тебе, адресу. А вот пройтись до работы пешком, это мне по силам. Надо только одеться как-то более подходяще для пешей прогулки.» Так думал он этим утром.

Веня никогда спортом особо не занимался, за исключением одного учебного года занятий плаванием и уроков физкультуры. Поэтому, спортивной амуниции, с доармейской поры, в его гардеробе не прибавилось. Он вытащил с антресоли старую сумку, в которой нашли, как уже казалось когда-то, вечный покой кроссовки «Кимры».

Примерив их, он ещё раз удивился, как такие могли произвести в самый расцвет застоя. В меру растоптанные, они удобно облегли ногу. Его рабочие туфли легли в пакет, вместе с запасной рубашкой. Штаны он решил оставить, они были в меру свободными и не стесняли шаг, а вот куртку взял тоже и старых запасов. Некогда безумно модную, неизвестно, как её достала тогда мама, «аляску» тёмно-синего цвета.

Глянув в зеркало трюмо, от которого он тоже всё никак не мог избавиться, он улыбнулся и сказал своему отражению: «Назад в СССР».

Маршрут автобуса номер сорок восемь, которым он до сегодняшнего дня пользовался для поездок на работу, соединял две рабочие зоны города, промзону и портовую. На конечной остановке, у Вениного дома, это вообще был единственный маршрут. Раньше, когда цеха давали работу сотням людей, маршрутов было штук пять, но социализм кончился и работа тоже. Автобус же, словно понимая, что везёт в основном людей простых рабочих профессий, огибал весь город по окраинам, делая большой крюк и не заезжая в центр, дабы не смущать пролетариат «огнями большого города». Ну а обитателей Бродвея – запахом рабочей спецовки и, особенно, кирзовой обуви.

Веня прикинул, что, пройдя через центр, он сократит маршрут, по сравнению с автобусной версией, минимум на четверть. Плюс ожидание на остановке, куда он всегда приходил минут за пять до отправления. Именно за столько автобус приходил на конечную и гостеприимно открывал свои двери. Плюс время на остановках по пути следования. Веня заложил оптимистичное отставание от времени движения автобуса с его скоростью, и двинулся в путь за час до начала работы, на пятнадцать минут раньше обычного.

Вениамин не был затворником, но и выходить в город просто погулять не имел привычки. Работа, магазины, коммунальные службы, это практически полный список его перемещений. Его Вселенной был мир книг. Даже телевизор был ему не так интересен. Интернет – другое дело. С его появле-

нием поиск информации стал намного проще, а утолять информационный голод в своей голове он любил.

А этим утром он шёл по городу, хоть и с вполне определённой целью, на работу, но он был частью этой разноликой толпы с её Броуновским движением.

Люди просто шли по своим делам, а кто-то и без дела. Вениамину хотелось кричать: «Здравствуйте! Я тоже иду, просто иду, хотя мог ехать и это было бы логичнее». Он улыбался, на что, в основном, люди либо не отвечали, либо смотрели в ответ недоуменно.

День двадцать пятый. Время в пути: пятьдесят две минуты.

Вениамин начал входить во вкус. Мышцы ног перестали болеть по утрам и начали наливаться приятной энергией, слегка даже пружиня его походку. Он стал проходить маршрут почти на пять минут быстрее и вот, сегодня, Веня решил впервые серьёзно оптимизировать маршрут, сократив время в пути.

Это теперь в каждом телефоне карта, с GPS координатами и построением наилучшего маршрута. А в нулевых, телефон ещё был только для того, чтобы звонить.

Зато была видна, почти с любой возвышенности города, труба портовой котельной, и она указывала на то, что более короткий путь в город лежит через промзону, а не через остановку автобуса и вдоль его пути движения, как он ходил

раньше.

И он решил в это утро опробовать новый маршрут.

Подойдя к шлагбауму на проходной, он спросил:

– Ребят, можно пройти по железке напрямую на проспект Мира. Тут получается срезать и дорога короче, через Переулок Вернадского.

– Ваня, ты что ли?

Из будки выбрался заспанный охранник в телогрейке, перехваченной армейским ремнём. Несвежее лицо, с лёгкой щетиной, светилось счастливой улыбкой пьяницы, почувствовавшего вероятность выпивки за дружбу.

– Вениамин. – Поправил его Веня. – Веня. А кто вы, я не узнаю?

– Да... Последний месяцок жизнь меня подрамотала. Это же я, Лёшка с твоего класса. Мы в пятом или четвёртом классе у Нонны на уроках на соседних партах сидели.

– А! Вроде припоминаю... – сказал внезапный одноклассник, подумав, что жизнь, пожалуй, мотала его школьного соседа, не месяцок, а последних лет пять, а то и десять. – Слушай, я бы рад поболтать, но, как раз решил срезать, потому что опаздываю слегка.

– Проходи, конечно. Да можешь, когда хочешь ходить, всё, что могли, уже распи***ли. А с другого конца, на железке, и поста-то нет, шлагбаум развалившийся.

– Ага, спасибо. Я потому и решил пойти, что знаю, что с той стороны проход свободный. Ладно, рад был поболтать,

Алексей.

Когда Веня отошёл метров пятнадцать, Лёша сказал в дверь, невидимому собеседнику:

– Слышь, в школе начальной помню он был как местным дурачком у нас, нёс всякую околею, училка в а***уе была. До восьмого класса только доучился. А потом, говорят, поднялся. В какой-то фирме бухгалтером, с этим... как его... с самим Макаром с нашей школы. Ну, знаешь, как этих бухгалтеров берут, чтобы они в случае чего, за директора сидели. У нас в бараке один такой бедолага был. Всё плакался, что безвинно срок мотает. А эти говорят, даже когда-то хотели нашу промбазу купить, да! Вот этот самый заморыш! Да-да, зуб даю. Ничего себе!

– Да у тебя каждый кто с тобой где-то пересёкся, миллионер подпольный. Макар рядом с таким и плюнуть побойтся, чтоб не подхватить чего. Этот там, небось, уже смотрит где бы кабель медный откопать, распилить, да на цветмет сдать. – Отвечал невидимый оппонент. – Его приберёт, а нас с тобой потом затаскают. Скоро вообще, говорят, камеры поставят, да не те в которой ты сидел, а те, что на телек показывают. А нам с тобой под зад коленкой. Охранное агентство тут будет заниматься пропусками. Эвоно как.

– Да ну тебя! У тебя все на ентих мерсах должны с часами в золоте кататься. Будь проще и люди потянутся к тебе. Почему не на машине? Так может ближе к народу хочет быть.

Срезав по узкоколейке, Веня сократил время в пути больше чем на пять минут.

В обед Веня поделился с Макаром тем, что начал ходить пешком на работу, а ещё тем, что сегодня впервые прошёл по узкоколейке, той самой, на которой они в детстве катались пацанами.

– Ну ты даёшь, конечно. Оно тебе надо, столько пёшим пилить? А на узкоколейке, вообще, хождение по путям запрещено! Не забыл?

– Да там уже рельсы травой заросли. Путей-то уже сколько лет нет?

– О! Наш Веник шествует по путям. Ты получаешься у нас теперь – Путешест-Веник. Каламбур, однако! – Макар засмеялся.

– Ну, в общем-то да, где-то за одиннадцать лет я пройду расстояние достаточное, чтобы обогнуть землю.

– Давай, ходи, ноги не сотри главное. Да там, на пустырях, собаки тебя чтоб не покусали. – Макар добродушно похлопал друга по плечу. – Завидую я тебе. Ты, как ребёнок, палец покажи и это всё, что тебе для полного счастья надо. Мне б твои заботы.

Как и в автобусе, по дороге Веня начал замечать людей, которые в одно и то же время пересекались с ним на пути. Летом, в хорошую погоду, в одних и тех же местах он замечал спортсменов, наматывающих свои заветные километры,

людей, выгуливающих собак. Встречая таких своих "постоянных знакомых", он мог сказать, опаздывают ли они сегодня, или наоборот, идут раньше обычного.

Сам Веня был точен, как швейцарские часы. В его голове была информация о том, когда будет зелёный свет на светофоре, на каком участке дороги его обгонит маршрутный троллейбус.

На участке у четырнадцатого дома, на улице Павлова, он как-то наметил более короткую тропинку. Она спускалась с неудобной горки. Крапива там была почти по плечо взрослому человеку.

Каждый день он старался хоть немного протоптать тропинку, одну-две ступеньки в мягкой, податливой почве и смять немного крапивы. Потом он заметил, что проложенным им путём начал пользоваться кто-то ещё. Тропинка начала расширяться, и на ней стали чаще появляться новые ступеньки.

Зимой народ уже не давал обильному северному снегу замести эту тропу в любую погоду. Следующим летом, нашёлся пробивной энтузиаст, под его письмом собралось нужное количество подписей, и администрация соорудила обустроенную, хоть и деревянную лестницу с дорожкой, до и после неё.

Погода, время года, непредвиденные встречи естественно влияли на время прохождения дистанции. Были несколько дней в году, когда он всё же ехал в автобусе. Но это было

лишь когда на улице был ад адский, и в тот раз, когда он приболел.

Кстати об этом. С месяцами, проводимыми в этом соревновании с самим собой, незаметно и постепенно он начал выпрямлять спину, скинул пяток килограмм, при том, что никогда не был особо толстым, да и самочувствие его стало просто отличным. Он отказался от очков и ходил сначала, щурясь и напрягая глаза всматриваясь в расплывчатые контуры лиц, идущих навстречу людей, но постепенно добился того, что смог обходиться без «костылей для глаз».

А потом на проходной появились камеры, и одним весенним утром, на входе в промзону Веня упёрся в, больше чем на голову превышающего его, охранника. В результате он опоздал на пять минут, что было не слыханным! И Макара, чисто из интереса, поинтересовался здоровьем самого пунктуального работника и причиной сбоя во всемирном атомном эталоне времени. Узнав причину задержки, он с облегчением сказал: «Фуф, а я уж думал всему офису часы перевести».

Потом позвонил «кому надо», тот рыкнул тем «кто занимается», а те уже вставили тем, кто «отвечает за». Потом был инструктаж обитателям сторожки, в которой им объяснялось, что на узкоколейке может появиться дрезина для уважаемого Вениамина Андреевича, но дрезина эта будет хоть и на чугунных, но на квадратных колёсах и поэтому они будут её носить. И ещё что-то о бренности бытия и о драго-

ценности времени, которое они тратят здесь, на Земле, из-за отсутствия хотя бы малейших зачатков интеллекта в своих никчёмных головах.

Этим же днём на стенке на проходной появился фоторобот, наподобие тех что висят на стендах «Их разыскивает милиция», ну или, в наше время, уже «полиция». На нём был нарисован портрет, по качеству конкурирующий с яркими и геометрично-прекрасными работами Георгия Курасова, уже не продававшегося к тому времени на родине. Сие произведение, проигрывающее вышеуказанным шедеврам разве что только отсутствием эротизма, довершала надпись, достойная пометки «Особая примета».

– Появляется утром. Всегда в одно и тоже время: 7:20, вечером может быть от 16 до 21. Или может, вообще, не появится. Имеет право досматривать любые помещения, проводить любые расспросы.

На следующее утро Веня слегка замедлил шаг, настолько, что время прохождения дистанции увеличилось примерно на восемь секунд, если об этом спросить опять же самого Веню. Он не был до конца уверен, что вопрос с его проходом через КПП решился.

Его сомнения развеялись, когда шлагбаум поднялся и около него появился тот самый переросток – охранник, правда, в этот раз в позе Мерлин Монро с её знаменитой фотографии. Только вот колени его кокетливо сгибались не от того, что ветер играл подолом юбки, а от желания сократить

разницу в росте.

– Здравствуйте, Вениамин Андреевич!.. – улыбка на лице охранника тоже была достойна вышеуказанного секс-символа 1950-х. – Вам, как удобнее? Через турникет или через проезд?

– Спасибо. Мне через будку быстрее.

– Вам спасибо! – И постовой буквально расплылся по асфальту.

В будке, среди несвойственного для данного помещения порядка, затаив дыхание замерли два его коллеги. Они стояли по стойке смирно, умело выбрав дислокацию, чтобы и не попасться на глаза, и чтобы, в случае чего, не показалось, что они прячутся. Важное умение, в мире животных называемое мимикрией.

На столе вместо обычных чая и бутербродов лежала аккуратная папка, свежезаполненных отчётов и журналов.

– Ну, что? Как он?

– Да, кажись, сегодня пронесло. Не злопамятный видать. У меня до сих пор коленки ходуном. Думал всё, обратно на вышку вертухаем.

Придя на работу, на своём рабочем столе он обнаружил несколько свёртков, пакетов и коробку с надписью «Ессо».

Подоспевший Макар тоже смотрел на Веню с загадочной улыбкой.

– Сегодня что, объявлено вознаграждение в миллион дол-

ларов тому, кто слаще мне улыбнётся? – Поинтересовался Веня.

–А! Уже вкусил свою минуту славы, герой пеших походов? Я, конечно, мог бы начать тебя отговаривать от этих твоих прогулок, тем более я тебе говорил, что хождение по путям запрещено, но, зная тебя, просто решил немного окультурировать это твоё действие. Ты, Веня, конечно, с гардеробом своим реально на бомжа похож. Звезда 90-х. Я понимаю тяжёлое детство и всё такое, но...

Он начал распаковывать подарки.

– Сам бы ты пошёл в какой-нибудь «секонд хэнд», поэтому я взял на себя смелость обновки тебе купить. Надеюсь, с размерами угадал. Если что, я девочек там предупредил, что ты придёшь, если размеры не подойдут. Чтоб не получилось, как в «Красотке» с Джулией Робертс.

– Вот. Датское качество. Вибрам, гортекс, все дела. Это, как «БМВ» в спортивной обуви.

К этой марке машин у Макара была особая любовь. Она для него была не просто воплощением немецкого качества. Это было полным нарушением заповеди «Не сотвори себе кумира».

Он, после того, как его спас первый потрёпанный бумер, никаких других машин не признавал. Случилось это, когда он по-пьяни, во времена, когда начал ощущать свою вседозволенность, сел за руль и совершил таран с грузовиком. Спасла его только прочность рамы немецкого автопрома, по-

душка безопасности, безотказно сработавшая через много лет после окончания гарантии, ну и ещё навыки боксёра, сгруппировавшие его тело даже в пьяном состоянии.

Этот случай ещё долго обсуждался при каждом удобном случае. Друзья – спортсмены, съехавшиеся к месту аварии, вспоминали всё новые и новые подробности происшествия.

Про то, как Макар, закупоренный в искорёженной машине, рвал от злости зубами сдувшуюся подушку.

Как он орал бледному водиле грузовика, чтоб тот не уходил, потому что, когда он вылезет, он его порвёт за то, что он так подрезал его и за то, что он сотворил с его бумером.

Как потом объяснили врачи скорой, то, что пострадавший смог на своих ногах выйти из машины, скорее всего связано с количеством спиртного и адреналином в крови. Обычно спасатели вырезают страдальцев из машины, как скульпторы свои шедевры из камня. А врачи сразу после, облачают их в гипсовые одеяния.

После этой аварии, Макар, при любом удобном случае, говорил, что машина может быть любого цвета, главное, чтобы она была чёрная, ну а после всем известной части фразы добавлял своё: «... и обязательно бмв».

Спустя десять лет он поменял уже несколько машин, но все они были этой марки.

Ладно, вернёмся к нашей раздаче подарков. Макар продолжал аттракцион невиданной щедрости.

– Куртка с подкладкой с серебром. Там как-то бактерии

умирают, и запаха пота нет, и мембрана. Короче дышит, воздух проходит, влага наружу тоже, а вот внутрь вода, дождь, например, фиг. Ну, и бельё тоже спортивное, и треники-самосбросы, и шапочка. Ну, короче, всё самое лучшее и рюкзачок на сдачу. Будешь теперь, как щёголь ходить, от девок отбоя не будет.

– Веник – пешеход, по путям ходок. О, путешественник. Точно! Вспомнил. Ты же путе-шест-Веник. Смотри прям идея для собственного бренда туристической одежды. Раскрутишь, дольку зашлёшь! Не благодари.

– Спасибо, дружище! Я подумывал, да всё руки не доходили, честно!

– Ладно, тебе. Помнишь сколько в детстве мы с тобой на-топали. То в город на стройки на котлованах, да на плотах кататься, то на берег, на рыбалку на камбалу, то на свалку. На свалку, помнишь, сколько мы по объездной дороге тогда топали, когда пацаны пустили пулю, что вояки по ошибке патроны вывезли туда. Вот же ж, дебилы. Да... пришли помню обратно, у меня дома все носы позатыкали. Мать хотела меня целиком в машинку стиральную запихать. От бати вле-тело крепко. Да, вот это детство было!

– И не говори, свалка, камбала в нефтяной плёнке, валенки на стройке потопленные. Романтика! – В унисон ему, с подковыркой, ответил путешестВеник.

– Гляньте-ка, у Вениамина Андреевича появляется чувство юмора и сарказм! Старик, идёшь на поправку. Скоро с

тобой можно будет прямо шутить-шутить. Что ещё тебе купить, чтобы с тобой стало возможным ещё и выпить? Вискарик Johnnie Walker Blue label? Почти твой однофамилец, да и девиз тебе подходящий «Keep Walking». Продолжай идти. Бухнёшь?

Однажды, подходя к проходной, Вениамин заметил человека явно определявшегося с направлением движения.

– Вам что-то подсказать?

– Да, не знаю в какую сторону на остановку будет ближе.

– А, вообще, вам куда?

– На Мира, в паспортный.

– Автобус будет через 23 минуты, вы быстрее дойдёте, пойдёте, мне по пути. Если в моём темпе, то минут на двадцать будете раньше автобуса.

– Какая точность! Конечно, пойдёте.

Человек был ещё не пожилым, но лет на десять старше.

Проходя КПП, негласный куратор сказал несущему службу охраннику: «Человеку со мной по пути, под мою ответственность. Мы, прямиком, не задерживаясь, по железке.»

– Конечно, конечно, Вениамин Андреевич. У нас всё по регламенту, территория под полным контролем, проводим вас по камерам визуально.

Отойдя приличное расстояние, мужчина восхищённо сказал:

– Какая у вас тут дисциплина, вы тут типа начальника?

Зря я вас, наверно, отвлекаю, вам же на работу. А придётся провожать меня до выхода.

– Меня здесь по работе знают, но, вообще-то, моя работа в порту. Я просто постоянно пешком здесь прохожу, так что и вас доведу и ещё дальше пойду. Не беспокойтесь.

– Ого, это же сколько идти, час наверно?

– Нет, осталось чуть больше получаса. Вы на Мира идёте, а я во имя мира. – Попытался скаламбурить Веня. Рассказчик анекдотов из него всегда был никудышным, и собеседник, немного прочистив горло, посмотрел недоверчиво на Веню.

Увидев замешательство случайного спутника, Веня засмеялся.

– Да, шучу я. Помните, как Форрест Гамп бегал от одного побережья Америки до другого, и все гадали, зачем он это делает?

– Гамп? – Переспросил собеседник.

– Ну да, кино такое, Форрест Гамп.

– А, да припоминаю. Ну, вы и шутник. Я уж думал вы серьёзно. Раньше-то, помните, марши, митинги, демонстрации, х***ню всякую придумывали, полно было рьяных борцов, да агитаторов за мир. На словах, а на деле выслуживались, явку обеспечивали.

– Сейчас их не меньше, поверьте. Только поменяли поле деятельности.

– Это верно. Да, а темп у вас хороший! Если бы я, до

недавнего времени, по горам, да в походы не ходил, отстал бы уже.

– В горы ходите? Альпинист?

– Да, не то что бы, но было дело. На Алтай ездили, даже на Эльбрус подымался.

– Ну, и как там?

– Вам бы понравилось, судя по всему. Лучше гор могут быть только горы!

– На которых ещё не бывал... Это, как раз про меня. – Подхватил, вспомнив фразу из старой песни, Веня. – Вы сами-то через завод не ходите. А то ребят подставить можете.

– Да я тут случайно оказался... Хорошо. Вижу, не хотите вы, чтобы народ толпой за вами бегал, как за Гампом этим вашим. – Пошутил в ответ несостоявшийся фанат забегов российского Гампа. На выходе с промзоны, он попрощался и свернул в свою сторону,

Путешественик даже остановился, глядя вслед неизвестному ему любителю гор. Вспомнил он и слова Нурмамеда о красоте гор, а вечером этого дня засел в интернет с целью узнать, что же такого в этих горах, что людей так туда тянет.

Не могла не заметить эти перемены в бывшем своём супруге и Нина. Она, после их расставания, имела привычку заходить к нему в гости, по-дружески, ну, и слегка по-хозяйски. Она даже говорила Вене, что дала обещание его матери присматривать за ним. Хотя это было неправдой

Просто он был хорошим собеседником. Ну, для особых случаев. Когда собеседник должен делать вид, что внимателен к тому, что ты говоришь, при этом не перебивая тебя, и не вставляя свои комментарии с ненужными советами, как это любили делать подруги.

Это было нелепым, но Нине показалось, что после смерти матери Веня как-то заметно... поумнел, что ли.

Однажды, она уже не помнила по какому поводу, жалуясь на свою жизнь, продекламировала строчки всем известного произведения: «Отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица». А потом продолжила уже от себя: «... и причём курица, которой башку отрубили, а она всё бегаёт по двору, хотя ведь и курица – не птица».

Веня в это время, по обыкновению уткнулся в какую-то статью в журнале. Не отрывая от чтения, он сказал:

– Весьма вольная интерпретация Островского.

И после этого продекламировал полстраницы текста из «Грозы». Она даже заглянула в журнал, не было ли там заветного текста.

– Я и не знала, что ты такой фанат Островского. Наизусть!

– Просто тебя это никогда не интересовало. Нет, а на самом деле, не самое интересное чтиво, как по мне. Куча рассуждений ни о чём! Чувства, вызванные отсутствием понимания чего же ты хочешь от жизни.

– Да, любовь и чувства – это, пожалуй, не твоё.

Но когда она стала замечать перемены в Вене, сначала в

его внешнем облике, потом ещё этот спортивный, модный гардероб, за который он выложил, наверное, целое состояние. Свежий ремонт в квартире. А где очки? Говорит, решил дать глазам отдохнуть? И не так уж и плохо видит без них, больше привычка? Ага, а раньше в дверные косяки врезался без очков.

Она почувствовала вдруг укол ревности. Её роман, из-за которого они разошлись, так и закончился ничем определённым, а тут человек явно расцвёл. Она потратила на него годы своей жизни, а он боялся попросить у этого жмота Макара денег, просто чтобы нормально жить.

Макар в нём ведь души не чаял, видно было. И Веня ему столько денег сделал, что одного процента хватило бы тому чтобы жить безбедно. А этот тюфяк всё говорил про зарплату. Ну натурально веник! А теперь вот видно отвалил ему друг денег. Наверно спецом, чтобы насолить ей, он ведь не забыл, как она его бортанула, точно теперь злорадствует!

– Ты с кем-то встречаешься?

– Да, я много с кем теперь встречаюсь. На улице, на работе.

– Нет, я имею ввиду у тебя кто-то есть? – И поняв, что вопрос в случае с её благоверным опять-таки не гарантирует, что ответ просветит именно её интересующий аспект, добавила:

– Ты завёл женщину?

– Нет, а ты что ревнуешь? Мы уже не муж и жена, да и

это же ты ушла.

– Нет, конечно! – Вспыхнула Нина. – Я бы даже обрадовалась, если бы ты наладил свою личную жизнь. Просто я заметила, ты как-то поменялся, следишь за собой, приделся, стал вон литературу наизусть читать. Где это всё было, когда мы были вместе.

– Ты знаешь, я тут занялся одной темой и провёл своё исследование. Оно касается гор, и почему люди туда стремятся. Как оказалось, на этот счёт множество теорий и возможно человечество начало своё развитие из Тибета. Возможно, во времена Великого потопа люди выжили там...

Слова Вени превратились в голове Нины в привычное бла-бла-бла, она улыбнулась и подумала: «Ну слава Богу, ёб***шко ты моё, лесное. Я уж испугалась, как бы ты тут, без матери, не связался с какой стервой. Всё встало на свои места. Какая баба выдержит это твоё заумное занудство. Горы, Тибет, линзы времени, монахи. О, Господи, с возрастом у мужчин меняется только стоимость игрушек. погоди, что он там последнее сказал? Китайский язык учит? Ну, блин точно говорят, 20 лет ума нет и не будет, 30 лет жены нет и не будет. Деньги бы до сорока появились».

Уходила она от Вениамина в полном спокойствии.

Китайский язык поразил Веню своей логичность. Он был так похож на цифры. Система разбития значений путём изменения тональности, казалась ему просто гениальной. По-

том он узнал, что само названия языка, в смысле средства общения народности, по китайски# wén, звучит, как его имя – Вень, причём в вопросительной тональности. Это словно был знак судьбы! Через каких-то полтора года он сносно понимал китайскую речь на, ставшем теперь его любимом, канале CCTV.

В детстве он не особо любил сказки. И вот теперь он нашёл свою. Ему попалась фраза «В Тибет не ездят, от него получают приглашение» и он понял, что все события последних лет просто подталкивали его к такой поездке. Он запоем читал рассказы об экспедиции Мулдашева и труды Блаватской, влюбился в фильм «Семь лет в Тибете». Его поглощала мистика, и в нём окончательно утвердилась идея посещения Тибета.

За полгода до намечавшейся поездки, он пошёл получать загранпаспорт. Да, да. Вениамин ещё ни разу не был за границей. Он и по России-то особо не ездил.

В ОВИРе, на кабинете, висела табличка с фамилией Волченко. Сначала отстояв, а потом и отсидев, солидную очередь, Веня, наконец, попал внутрь и убедился, что фамилия, как нельзя кстати, подходила её обладателю, худому и раздражённому типу.

Принимающий документы покрутил анкету и спросил:
– Макаров, известный в криминальных кругах как Макар, ваш начальник? А вы ещё и главный в его махинациях со-

общник – бухгалтер. Вас там ещё не накрыли всем скопом? Бежать собрались? Фиг вам, а не паспорт! Будь моя воля к стенке бы вас всех.

Дверь сзади открылась и человек, заглянувший в кабинет, сказал:

– Волченко, как отпустите товарища, загляните ко мне. На минутку.

– Товарищ уже уходит чтобы подумать, а товарищ ли он нам.

Поняв, что разговор закончен и похоже намечается проблема по пути к его заветной мечте, Веня встал и повернулся к дверям на выход.

– А, это же наш Гамп! – Сказал человек в проёме и зашёл в кабинет. Это был давнишний попутчик Вени и человек, заронивший в его душу зерно интереса к горам.

– Добрый день! Какими судьбами?

– Здравствуйте! Не совсем добрый для меня, но всё же день.

– А что так? Вы меня помните? У меня-то память на лица профессиональная. Мы с вами...

– Да, конечно, я помню! Я, кстати, как раз паспорт делать хотел, в горы собираюсь поехать. А меня вот хотят к стене поставить и отнюдь не к Кангчунгской.

– Вот как? Товарищ Волченко, какие-то проблемы?

– Товарищ полковник. Я вам потом объясню. Тут история с Николаем Макаровым. Ходят сведения, что следствие ин-

тересуется.

– Сведения либо есть, либо нет. А ходят только слухи. Есть официальный запрет на выезд? Если нет, то в течении месяца, чтоб документ был у меня на столе. А вас товарищ, как зовут?

– Вениамин. Вениамин Андреевич Валькер.

– Так, через месяц у нас 25 февраля. Придёте лично ко мне, секретарю скажете для простоты, что пришёл Гамп. А вот теперь, товарищ Волченко, мы точно с вами поговорим наедине! Я давно слышал о вашем некорректном поведении. До свидания, Вениамин Андреевич.

Через месяц у Вениамина в руках была его «пурпурная книжица».

Веня поделился с Макаром откровениями Волченко, а заодно и планами поехать в Тибет.

– Слушай, меня эти влажные мечты мелких злобных кабинетных крыс меньше пугают, чем твой отъезд. Слушай, ты ж знаешь, я без тебя тут, как без рук, точнее, без головы. Давай так, сколько тебе надо на поездку? Впишешься чтобы месяц закрыть, а к закрытию следующего вернуться. Брат, ну ты сам понимаешь, с отчётностью я завалюсь с этими твоими клушами. Ну, никак.

– Ну, если я оставляю чёткие инструкции, то да, я приеду в день окончания приёма документов в налоговую и всё закрою.

– Ну, вот. Можешь же! Ты когда планируешь?

– Ну, теперь получается, что с конца июня по тридцатое июля. Надо ещё визу китайскую сделать.

– Так ты и в Тибет, и в Китай хочешь? Ну, ты путешест-Веник! А ты кстати знаешь, какая разница между Тибетом и минетом?

И, приняв оцепенение от наглости так опозлить почитаемую многими миллионами святыню, да ещё и незнание, что Тибет захвачен Китаем и официально является его территорией, за озадаченность от сложности вопроса, выпалил:

– Ха. Не догадаешься! Один упирается в небо, а другой в нёбо.

– Ну, ты, Макар, совсем, как там у вас говорят, края попутал! Ты хоть немного уважения...

– Да ладно, ладно. Не бузи. Только вот моё мнение, нагнали вы всякой мистики, священности. А поедешь, посмотришь ты и сам мне скажешь, лучше бы на Бали с Макаром полетел. Знаешь там как хорошо зимой, когда у нас морозы?! М-м-м. Давай, паспорт получишь и мотнёмся?

Веня закатил глаза и вылетел из офиса.

И с этим человеком они на пару мечтали о дальних странствиях и морских экспедициях?!

Глава пятая. Шахерезада.

О, мастер, общение с женищинами требует долготерпе-

ния, и тот, кто их любит, должен быть великодушным.

«Тысяча и одна ночь».

Как сказал Лао Цзы: «Даже путь в тысячу ли начинается с первого шага». Поездка, обещавшая быть не самым простым путешествием, началась с забот о снаряжении и билетах. Оставшиеся месяцы до поездки пролетели в стремительной круговерти. Он едва успевал закрывать свои долги по работе.

Макар уже начинал немного нервничать, хотя и помогал во всём без вопросов. Он, как и обещал, сделал визы. Причём Вене даже не пришлось ехать в китайское посольство в Москве, а в графе места выдачи визы почему-то стояла Германия. На вопрос: «Как так?».

Макар только ответил детской, совдеповской присказкой: «Секрет фирмы! Причём фирма эта офшорная и потому действительно секретная, так что не заморачивайся, едь спокойнo.»

Основательно пришлось поколдовать с билетами. Идею ехать в Тибет через весь Китай от какого-либо из крупных городов в восточной части страны, он сразу отмёл. Мало того, что это здоровый крюк, так ещё, и чтобы въехать в Тибет с той стороны надо обойти многочисленные препоны. Тибет зона закрытая, и туристов неорганизованных, одиночек как Веня, не особо приветствующая.

Основной целью была выбрана Гора Кайлас – главная вершина горного хребта Гангдисе, самая священная и самая ми-

стическая гора на планете. Конечно, многие, говоря о Тибете, первым делом вспомнят о Лхасе, с её реликвиями тибетской культуры и домом Далай-ламы до 1959 года. Но сами тибетцы считают именно Кайлас пристанищем всех Богов и центром Вселенной.

Да и не только у них это святыня. Для приверженцев джайнизма Кайлас – место, где великий святой Ришабхадатта, первый из двадцати четырех вероучителей джайнизма, достиг просветления. Индусы считают Кайлас мистическим раем, где медитирует Шива вместе со своей супругой Парвати, дочерью Гималаев. Для последователей религии бон Кай-

лас является местом, куда основатель религии бон Шенраб спустился на землю с небес.

Для тибетских буддистов Канг Ринпоче (тибетское название горы Кайлас, что означает «Драгоценная ледниковая гора») является пристанищем божеств Чакрасамвары и Ваджраварахи, так же это место ассоциируется с Буддой Шакьямуни и буддистским проповедником Падмасамбхавой.

Гора Кайлас является традиционным местом паломничества. Вокруг неё совершаются обходы, по протяжённости примерно равны пятидесяти трем километрам. Буддисты это называют – кора, индуисты же – парикрама.

И буддисты, и индуисты обходят гору по часовой стрелке, а последователи религии Бон – против. Настоящие, самые ярые паломники должны сделать сто восемь обхождений вокруг горы, что, как считается, гарантирует просветление.

Поскольку, основной целью своей поездки Веня определил посещение Кайласа, чтобы сделать кору вокруг него, он решил въезжать в Тибет с запада, по кратчайшему, как к тому всегда стремилась его натура, пути через Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая. Рассматривал вариант въезда через Казахстан, вернее, через его пешую границу, но потом нашёл спецпредложение от S7 на перелёт из Новосибирска в Урумчи за смешные семьдесят евро.

Герман Иванович, его внезапный знакомый из ОВИРа и, по совместительству, в прошлом путешественник и турист, не только дал советы по экипировке и маршруту, но сделал сопроводительное письмо, по совету своих более продвину-

тых друзей, любителей путешествовать автостопом и дикарями. Он составил его на русском, а потом они перевели ещё и на английский, и на китайский. Поставили несколько важных печатей красного цвета, в Китае такие, опять же по советам знатоков, более уважаемы.

"Официальная просьба о содействии туристу.

Ко всем правительственным, официальным организациям, владельцам и работникам коммерческих структур, гражданам Китайской Народной Республики.

Настоящий документ даётся в сопровождение Валькер Вениамину Андреевичу, 1976 года рождения направляющемуся в туристическую поездку КНР.

Цель поездки: в рамках Года Китая в России, (принятого лидерами двух государств-председателем КНР Ху Цзиньтао и президентом России Владимиром Путиным), в целях развития российско-китайских отношений и интереса к Китаю в России, а также, с целью популяризации активного отдыха и спортивного туризма, совершить поездку с самого северного региона России в самую южную провинцию Китая.

Интерес и содействие данному проекту оказано информационными и культурными организациями города и региона.

Поездка проводится на личный, ограниченный бюджет участника и в его личное свободное время короткого отпуска. Его сложное и подчас опасное путешествие подразумевает посещение отдалённых и малонаселённых регионов, изу-

чение культуры китайского народа, проживание в суровых природных условиях под открытым небом. Пожалуйста, помогите ему, в его долгом пути поиска знаний, взаимопониманием и дружбой."

Такая вот охранная грамота.

Вениамин так до конца и не понимал, какую цель он преследует и что хочет найти. Поездка являлась для него логичным продолжением его идей: ходить пешком на работу и наполнить свою жизнь каким-то смыслом. Желание перестать ждать и начать идти.

Как любимый им Форрест Гамп говорил: "Я просто переставляю одну ногу за другой. Когда я устаю – я сплю. Когда я голоден – я ем. Когда мне нужно в туалет – я иду."

Но к концу сборов, он стал настолько одержим идеей поездки, что начал видеть сны. В них он беседовал с каким-то старцем, сидящим на камне у дороги. Старец провожал взглядом людей и почему-то не говорил по-китайски, но взгляд его был мудрым и всепонимающим. Была в нём какая-то печать знания и даже жалость, по отношению к этим людям.

Началось путешествие в знаменательную дату. В пятницу, двадцать второго июня, почти как в известной песне, только не ровно в четыре часа, а в час дня, Веня стартовал рейсом авиакомпании Sky Express. Прилетел в Москву, в аэропорт Внуково ровно по расписанию. Стоимость билета всего пятьсот рублей.

Авиакомпания эта была молодая и многие недоверчиво смотрели на такие дешёвые цены, с мыслями, что все равно где-нибудь да обманут! И рейсы, мол, всегда задерживают и переносят.

Но, в его случае все было по расписанию. Простенько, но придраться не к чему, хотя он и доплатил триста рублей за перевес багажа (это и есть часть их коварного плана, багаж всего 15 кг на человека!..). В самолёте отпраздновал дешёвизну билетов, купив сэндвич и кофе, хотя с собой пришлось забрать всё, что оставалось в холодильнике перед отъездом, но в салон продукты не пустили и они поехали в багаже, с той целью, чтобы быть съеденными в парке, у памятника Пушкину.

Он погулял по Москве, в которой был только в детстве, отметил на Красной площади и на нулевой точке России. Потом были рейсы авиакомпанией Сибирь из Москвы в Новосибирск, а из Новосибирска в Урумчи.

Урумчи... Или Вулумучи, как его произносили китайцы, его поразил и буквально оглушил.

Во-первых, это был его первый выезд за границу, само по себе шок и трепет. Он конечно, готовился к этому, но, к такому нельзя было быть полностью готовым. Одно то, что провинциальный городок Китая вмещал в себя полуторамиллионное население, было способно ошеломить жителя любого крупного российского мегаполиса. И кстати, Урумчи является наиболее отдалённым от моря крупным городом в мире.

Во-вторых, после новосибирского Толмачева, где во всём аэропорту было, наверно, меньше сотни человек, здесь на него обрушился гул многотысячной толпы, самой разношёр-

стой и спящей, как муравьи в муравейнике.

Пробыл в аэропорту он недолго. Сдал багаж, получил распечатку своего электронного билета, всё-таки на бумаге оно роднее, как ни крути, чудом обменял в аэропорту сто баксов и съездил часа на три в город, в район местной достопримечательности – Красной горы. Основная цель была пообщаться и побороть первоначальный страх общения на новом языке.

Вечером того же дня, чуть не опоздав на регистрацию,

он вылетел рейсом южно – китайских авиалиний (China Southern Airlines) в Кашгар. Билеты также были взяты заранее, что позволило преодолеть расстояние, на которое поезду потребовалось бы тридцать часов, за смешные четыреста семьдесят юаней.

Дело в том, что поезд долго едет одном направлении, а потом в обратную сторону, так как железная дорога идёт через Турфанскую впадину, оазис в пустыне Джунгарская Гоби, дабы обогнуть горы.

Прилетел в Кашгар, или опять-же, как говорят китайцы, Каши, поздно вечером, практически ночью. На этом его перелёты наконец-то закончились. В аэропорту пассажиров встречала масса микроавтобусов, один из которых отправлялся в отель Семан, который в произношении местных звучал, как Сэма. Название отеля Веня вроде как запомнил ещё с дома и, долго не думая, выбрал его. Надо сказать, что воскресенье в Кашгаре базарный день и заранее забронировать номер ему не удалось. Номеров дешёвых уже не было, пришлось выложить двести тридцать юаней, цена для Китая просто баснословная, и заодно укрепиться в решении на следующий день держать путь дальше.

Утром в отеле проходил какой-то фольклорный фестиваль и он стал свидетелями настоящих среднеазиатских танцев. Номер был за ним до двенадцати, и он решил в город с самого утра не ехать, а до выселения погулять поблизости, поесть, а уже выселившись из номера, пристроить рюкзак и

погулять до вечера, а на ночь глядя выехать дальше по маршруту.

Семан, вообще, очень интересный отель, со своей особой историей. В здании гостиницы до 1890 года располагалось русское консульство, а ныне в нем находится музей прикладных искусств, в котором даже сохранились многие вещи из интерьера консульства: старинная мебель, зеркала, гобелены, картина Версальских, с подписью по-русски «Тесей – победитель марафонского быка».

Внутренний двор консульства был переоборудован под музей местных промыслов. Правда, в суматохе беготни по городу, толком музей Веня не посмотрел. Утром он ещё был закрыт, а вечером уезжал он в спешке.

Кашгар, в отличие от Урумчи, был более самобытным. Да, были островки чисто китайской стилистики с флагами, плакатами, портретами Мао во всю стену и транспарантами о партии и правительстве, но они были скорее исключением.

Арабский стиль кафешек, плов, шашлык, лепёшки из тандыра.

В одной из таких кафешек, напротив отеля, Веня ожидал свой завтрак, наблюдая, как на улочке оживает арабская сказка. Казалось, что вот-вот появится джинн, ну, не напиток, с одной буквой Н, а из бутылки или, точнее, из лампы. Но пока, в основном, он лицезрел Алладинов и принцесс Будур. Это среднестатистический россиянин, к тому времени, хоть раз да побывал в Египте, а для него это действительно была сказка.

И тут появилась она!

По законам сказки, это должна была быть Шахерезада, но она была слишком юной для неё, да и явно неместная. Хотя он толком и не знал, кем была Шахерезада, за исключением того, что она рассказала тысячу сказок. Она шла, упёршись взглядом в, по всей видимости, путеводитель.

По всем законам вероятностей, за то время, что она попала в его поле зрения, она должна была пару раз упасть,

как минимум разок попасть под повозку и один раз врезаться лбом в столб. Но всегда, в последнее мгновение, она исправляла ситуацию, ловко уворачиваясь или делая лёгкий полупрыжок на шаг в сторону. Она поравнялась со столиком Вениамина, уже почти не скрывающего, что его внимание полностью поглощено ожиданием неизбежной катастрофы, и подняла взгляд на вывеску, а затем удовлетворённо захлопнула глянцевою книгу и шагнула внутрь.

Перехватив взгляд Вени, она, нисколько не смутившись, улыбнулась, сделала приветственный взмах ладонью и сказала:

– Хай!

Тут наблюдатель понял, насколько нелепо он, наверное, выглядит и понял, что невежливо так вот, положив челюсть на стол, сверлить взглядом незнакомого человека, а тем более девушку. Но ещё хуже не отвечать на её явно приветствие. Он помнил из фильмов, что немцы говорили: «Хайль» приветствуя друг друга.

«Надеюсь так здоровались не только фашисты» – подумал он и не нашёл ничего лучшего, как ответить:

– Привет!

– Oh, you must be Russian.

Уровень его английского хорошо описывала фраза советского школьника: «Май инглиш вери пур, ай лёрн ит ин зе скул», поэтому единственное, что он уловил было «рашин», на что он утвердительно закивал и вспомнив почему-то по-

другу детства соседку Веру, сказал:

– Йес! – и сделал знак «V», как это делала Вера.

«Какой же я debil!» – подумал он – «Даже для меня это слишком! Она, наверно, подумала, что я полный имбецил.»

Она обвела взглядом кафешку и, хотя места были, спросила:

– Could I? – и жестом указала на стул за его столом.

– Йес, йес! – сказаал он и чуть не добавил: «ОБХСС».

«Так всё! Надо прекращать это. Разволновался, как пацан на дискотеке. Считаю до десяти! Нет, до двадцати, пока не начал молоть, что ни попадя.»

Ей принесли, как здесь заведено, не после еды, а до, стакан зелёного чая. Она начала смотреть на улицу. Веня уже досчитал до пятидесяти и решил прервать неловкую, по крайней мере для него, паузу.

– Ай рашин! – сказал он, приложив ладонь к своей груди. – Ю?

И он указал пальцем на неё.

– Инглиш. Ландан.

– О! Лондон из зе кэпитал оф грейт Британ! – скороговоркой сказал ввевшуюся в мозг фразу троечник по английскому языку и даже не школы, а техникума. И она засмеялась, но вроде по-доброму. А он вдруг почувствовал, что сейчас покраснеет. Ужас!

Выручил официант, который принёс ему блюдо, что-то типа плова, с курицей и овощами. По приходу в кафе, Веня

хотел заказать традиционные для Китая пельмени, но официант мягко посоветовал выбрать что-то из их меню, либо идти в ресторан традиционной китайской кухни. Веня, не особо раздумывая, ткнул пальцем в ламинированное меню с фотографиями блюд. Удобное кстати изобретение китайских официантов.

Официант поставил тарелку на стол и всунул в руки Вене палочки, а девушка начала, было, заказывать что-то, используя английский, но, поняв что это затруднительно для собеседника, перешла на китайский.

Она, не являясь носителем языка, говорила медленно, подбирая слова и тщательно соблюдая тональность, в отличие от местных жителей, строчащих как из пулемёта, сколько не проси их говорить медленно. В её речи, как иностранки, были в основном простые слова, и Веня вдруг осознал, что он понимает её «правильный» китайский намного лучше, чем то, что он слышал до сих пор от жителей этой провинции. Истинных носителей языка.

Ему не терпелось дождаться, когда официант уйдёт, чтобы поделиться своим наблюдением с таинственной незнакомкой. Таковой она стала, как только заговорила на "великом и могучем". Неизвестно даже, удивился ли бы он больше, если она вдруг заговорила на русском.

Когда она закончила с официантом, то практически без паузы и даже немного с вызовом, видимо заметив, что он не приступил к еде, а вместо этого смотрел на неё словно на

заговорившую обезьянку, сказала по-китайски:

– Вы так смотрите, словно я говорящий каменный лев, откройте уже пасть и положите в неё еду!

– Я действительно окаменел, ведь мне и в голову не пришло спросить вас говорите ли вы по-китайски, хотя мы же находимся в Китае!

– Ой, простите, я думала вы просто веселились над звучанием китайской речи. Я тоже никак не могла подумать, что вы говорите по-китайски!

И они начали практиковать китайский. Местным казалось забавно, что два туриста, даже в разговоре между собой, используют их язык. При этом, эти двое ненормальных часто переходили к объяснениям терминов, знаками или же прибегая к английскому, хотя он, в их случае, помогал меньше языка жестов. Было похоже, что они играют в какую-то игру «угадайку». Конечно, многое каждый понимал по-своему, и они понимали друг друга не дословно, но, хотя бы, общий смысл.

Например, отвечая на вопрос, как она выучила язык, девушка рассказала, что её родители работали в Индии, причём Индию её пришлось на ум показать на карте в путеводителе, так как она не знала, как китайцы называют своего южного соседа. И только когда он сказал, увидев на карте страну, Индия, она поняла, что это слово стопроцентно интернационально. Потом она немного задумалась, видимо не зная, как объяснить Вене, не уверенная в произношении на китайском слова "посол", что она жила с родителями в посольстве и в этот раз решила сказать по-английски слово *ambassador*. Может оно тоже звучит одинаково в их родных языках.

Веня вспомнил, как Макар, приехав из тайской Паттайя нахваливал отель с таким названием:

«Понятно, её родители видимо работали в отеле, и она там выучила языки. А, хотя, почему языки? Скорее язык. Английский-то она не учила. Она ж англичанка, а в Индии вроде английский это второй государственный язык. Наверное,

китайский учила, как иностранный.»

Но, данное его ложное умозаключение, переселившее родителей англичанки из посольства в отель, порождало нестыковку, которую Венин пытливым ум не мог не отметить: «Почему в индийском отеле она учила китайский?»

– В вашем отеле, наверно, было много китайцев?

Теперь уже в её мозгу по нейронам, нёсшим тёплые воспоминания о детстве, прошлось цунами, сбивающее стройную, до этого момента, логику.

«Странные эти русские! Как-то грубовато он, на полуслове, завершил тему о моём детстве и начал разговор о моём отеле.» – подумала девушка.

Поэтому она, немного обиженно, сказала:

– Вообще-то, китайцев там поголовное большинство, и это естественно. А персонал так и вообще, на сто процентов китайцы. А в вашем разве не так?

«Наверно, я что-то не знаю об отелях в Индии, или она не хочет вспоминать о своём детстве» – подумал Веня, озадаченный некоторым раздражением в её интонации, а также тем, что отель её родителей в Индии даже в прислугу нанимал исключительно китайцев. Но ей же это казалось естественным! Так тому и быть.

– Я здесь остановился в «Семане». – решил он перевести разговор на дела насущные.

– И в нём, наверно, сплошь китайцы? – язвительно сказала она.

Веня посмотрел на собеседницу, но в ней не было ни капли иронии. Она даже, как будто немного со злостью ждала ответа.

«А ведь ей, наверно, не реже моего говорят, что она куку! На всю голову!» – почти восхищённо подумал он. Вслух же он, в тон ей, совершенно серьёзно ответил:

– А ты знаешь, пожалуй, я сейчас пойду поспрашиваю. Может они все индусы?

«Что-то не так! Не может человек быть настолько ненормальным!» – подумала она. «Он выглядит сейчас настолько тупым, что хочется быть рядом, чтобы понять в чём прикол или дождаться, когда он скажет "Та-дам, ты что и правда купилась?"»

– Наверняка у нас возникли трудности перевода. – Сказала она вслух.

– Слушай, я в двенадцать освобождаю номер и переносу вещи в лобби, если ты не против, минут в пятнадцать можем встретиться и прогуляться в старый город, вместе. Если, конечно, ты один.

– Отлично, в пятнадцать минут первого! Я, кстати, Венямин, Веня.

– Я Натали! Натали Домини.

Она точно сумасшедшая если после того, как я здесь тупил, она захотела встретиться со мной на своём пути ещё раз!

Они вдоволь находились по городу, посмотрев кое-какие достопримечательности. Рынок и старый город были с чисто

среднеазиатским колоритом.

Ковры, повозки с осликами, мечети и минареты. Но самое важное дело – это была покупка газа для горелки, ведь в самолёт с газом не пускают...

Они дважды оценили местную кулинарию, в кафе Интизар (Intizar), о котором узнала из знаменитого путеводителя "Lonely Planet" Натали.

Как оказалось, она тоже ехала в Тибет, правда пока без особого плана и, поняв, что им по пути, по крайней мере какое-то время, в половине девятого, последним рейсом автобуса, они выдвинулись в Каргалык. Билет обошелся в двадцать восемь юаней.

Кашгар выше Дели, над уровнем моря, почти на километр. В не очень высокогорном, но всё же имеющем все признаки горного климата Кашгаре, в июне было жарко, но сухо. А вот в Дели, который совсем недавно упоминала Натали, было не только гораздо жарче, но и ужасно влажно. Настолько, что господин Бхат твёрдо решил – до вечера его из кабинета, с приятной прохладой кондиционера, сегодня не вытащит никакая сила.

Генеральские столы в разных странах могут быть сделаны из разных пород дерева или даже не из дерева вовсе. Они могут быть полукруглыми, прямоугольными, п- или г-образными, но на любом из них должно быть несколько телефонов. Особенно, если этому генералу приходится говорить о чём-либо, что не должна знать ни одна душа, кроме абонентов на двух концах линии из этого самого кабинета.

Смотря в абсолютно шумонепроницаемое окно, хозяин

кабинета погрузился в свои мысли. В воспоминания о том, как он молоденьким солдатом получил боевое крещение в бою, на границе с Пакистаном. Как сложилась бы его судьба если бы не война? И хотя семья его была с богатым прошлым, он первый связал свою судьбу с армией. И с каким успехом! Как отговарила его мать, когда он решил продолжить учёбу по военной линии, да ещё и в холодной России, или СССР, как она тогда называлась.

Резкий звук вырвал его из воспоминаний. Такой звонок был редкостью, и поэтому хозяин сразу, безошибочно, определил источник.

– Господин Бхат, есть новости по операции «Чандра». Вы просили докладывать вам незамедлительно.

– Конечно, только лучше не по телефону. Вы в Дели? Как насчёт чашечки чая в «Веде» в обед?

Пустыня, она и есть пустыня. Смотря в окно, Веня вспоминал советские фильмы о басмачах. За весь рейс была всего одна остановка, потом стемнело.

В микроавтобусе было относительно комфортно, но постоянно, на всю громкость, работал телевизор. Хорошо, что они с Натали забрались на самый задний ряд. Какой-то китаец, на соседнем кресле, услышав, что они говорят по-китайски, хотел было завязать разговор ни о чём, но на сегодня китайского был уже перебор. Голова уже просто разрывалась, и Веня мягко слил собеседника.

На единственной остановке он вышел и Натали, не секунды не сомневаясь, улеглась на три места. Она вообще, чувствовала себя, судя по всему, в дороге весьма органично.

Сказала, что она "бэкпэкер", это такое движение молодёжи, на подобии дикого туризма, объяснив, похлопала по своему рюкзаку, что "пэк" – это её вещи и, сделав круг руками, пояснила, что это, вообще, все её вещи.

Она предпринимала всё-таки попытки общаться с ним и по-английски. И иногда не безуспешно. Так, например, второе слово «бэк» он даже припомнил. Она похлопала себя по спине и показала движением будто забрасывает рюкзак за спину повторяя:

– Бэк, пэк. Пэк – бэк.

– Да, да. Бэк, камбэк. – Выудил троечник английское слово из памяти, чем вызвал бурю радостных эмоций у своей юной преподавательницы.

– Да, Да. Не такой уж горький я пропойца. Скоро с тобой и весь курс английского, который прошёл в техникуме, причём прошёл мимо, вспомню. – Улыбнулся Веня.

– Да, да! – Повторила она. Девушка уже знала, что это подтверждение.

«Молодцы» – подумал Веня – «У нас школа, потом завод, фабрика, ну, может ещё ВУЗ. Потом работа, работа, дети, заботы, а уже на пенсии туризм на электричке на свои шесть соток, всё лето. Ну, мужики может ещё на рыбалку, а мироеды и к ним присоседившееся на курорты египтщины и турляндии, и там, организованным строем, за гидом, разве что без политработника, как раньше. А потом вожделенный "оллинклюзив". Бассейн, бар, номер, дискотека. А они вон, с

молодых лет, ни гроша за душой, шарятся по всему миру и не боятся приехать, без работы остаться, без родного завода.»

Ехал автобус ужасно долгие пять с лишним часов, вместо обещанных четырёх. Отель, если его можно так назвать, оказался прям рядом с автовокзалом, что было очень кстати, поскольку прибыл автобус в Каргалык в начале второго ночи.

Путешествовать одному приятно и удобно. Не надо ни с кем согласовывать свои планы, зависеть от настроения и прихотей попутчика. Но и есть и минусы. Например, придётся больше платить за номер, одноместное размещение стоит дороже. И ещё, некому подсказать, придётся в одиночку нести ответственность за все.

Натали, словно это было уже решено, оплатила двухместный номер, правда, у входа в номер сказала:

– Я хоть и хрупкая на вид, но в поездках давно и постоять за себя смогу. Не подумай себе, чего! Это чисто экономия на проживании. Думаю, это понятно?

– Думать, вообще, вредно! – Парировал, чисто русской поговоркой, Веня.

«Ну, да.» – Подумала она. «Хорошо хоть, что ты сам понимаешь, что это твой стиль жизни», а вслух сказала:

– Ты первый мыться. Я выспалась, да и хочу помокнуть подольше.

Веня, ополаскиваясь с дороги, сильно засомневался, что она захочет в этой ванной находится дольше, чем необходи-

мо девушке для того, чтобы издать визг поднимающий весь отель взять под ружьё. Только бы клопов не было! Так хочется выспаться. Выйдя и не обнаружив в номере спутницы, он коснулся ухом, собственно поэтому так и называемой, подушки, и вырубился.

Путешествуя в одиночку, намного проще найти друзей, но и так же просто встретиться с мошенниками. Нужно лишь улыбнуться попутчику и непринуждённое общение может перерасти в длительное знакомство. От новых товарищей можно узнать много интересного, но не стоит терять бдительности.

Проснувшись в темноте, он, своей более-менее освежившейся головой, вдруг совершенно чётко понял: «Вот я баран, я ж её совершенно не знаю. Паспорт, деньги, вещи! Как он мог быть настолько беспечным? Неужели все эти случаи, над которыми периодически смеялись все парни, а потом и мужики, о том, что мужчины теряют рассудок и перестают думать головой под воздействием женских чар, заимеют теперь одним из своих фигурантов и его, человека холодного рассудка и твёрдой памяти!»

Он в ужасе резко развернулся и, в темноте, хлопнул по пустой, как он теперь понял, кровати. В одно мгновение комната озарилась светом... от искр из его левого глаза.

– Что за?! Ой, извини. Ты меня до смерти напугал, а я спросонья. Ты живой?

– Всё нормально. – Ответил он, падая на подушку. – Это

моя вина, я случайно! Тоже во сне. Извини.

«Да, она не преувеличивала, говоря про то, что может постоять за себя!» – Думал он, потирая в темноте глаз. – «Как она в темноте так точно попала? По-хорошему, льда бы приложить, но где его в этой дыре найдёшь. Да и она проснётся...»

И он снова погрузился в сон.

Во сне он снова увидел горы и старика. Дул сильный ветер, но старик был наг по пояс и расставил руки, словно пытаясь охватить несущиеся под порывами ветра хлопья снега. Потом он наклонился и достал из ручья, в котором он, как оказалось, стоял по щиколотку, простынь. Отжав её, он обмотался ею и, через буквально минуту, от него пошёл пар. Ещё через пять, Веня увидел по снегу, падающему на белую материю, что она сухая, и тёмные, мокрые пятнышки, оставляемые снежинками, тоже становились почти моментально сухими.

На устах старика заиграла улыбка. Старик открыл глаза и посмотрел прямо на него: «Не дело это – мёрзнуть. В каждой частичке твоего тела энергия, которая может растопить ледник.»

Он проснулся от хлопнувшей двери и одновременно от холода, который резко ощутил, вывалившись из сна. Натали прошла с пакетом к столу и начала выкладывать фрукты, свежий лаваш, моментально наполнивший уютным запахом номер, и что-то ещё, видимо их завтрак.

– Вставай, спящий царевич. Я вышла вечером, а ты уже храпел, как дизель нашего вчерашнего автобуса. Мог бы, хоть для приличия, сделать вид, что я тебе интересна, как девушка. Даже обидно! Ты кстати не из этих?

Видимо о маленькой ночной потасовке она не помнила.

– Из каких из этих?

– Ну, которым интересны особи своего пола.

– Я самый нормальный, уставший мужчина и, вообще-то, я даже был женат.

– И? Это кому-то мешало когда-нибудь.

– Ладно, давай закроем тему. Это у вас там... – Веня подумал, как бы он мог развить тему про "загнивающий Запад" и всё в таком роде, общайся они на его родном, великом и могучем, но потом только махнул рукой.

«Сначала "не вздумай полезть", потом кулаком или чем там, пяткой даже быть может, в глаз, а теперь ещё и заднеприводным обзовут. Фиг поймёшь!»

Утром, разница в обще-китайском и местном времени, позволила пробыть в отеле до двух часов, затем они выдвинулись на вокзал, предварительно перекусив курицей с рисом в ближайшей забегаловке. Благо, завтрак очень даже легко провалился за полтора часика.

Это был переломный момент путешествия. Здесь закончился прогнозируемый транспорт и начался, так сказать, автостоп. Нет, транспорт, конечно, отсюда ещё исправно ходит, но не для иностранцев. Тем более, без специального разре-

шения властей – пермита, виза тут не катит, да и район выдающийся во многом, тут и приграничный район, и зона спорных территорий с Индией и Пакистаном, да и внутренние беспорядки с коренными уйгурами и тибетцами бывают.

К тому же район высокогорья, а иностранцы-то хлипкие, не ровен час не выдержат, горную болезнь подхватят, а район безлюдный, с медициной плохо...

Потеревшись немного на вокзале и поняв безуспешность попыток купить билет на автобус в сторону Мазара, да и ещё привлёкши нездоровое внимание людей в униформе, не то грузчиков, не то охранников, Веня со своей ночной обидчицей, ретировался на стоянку такси.

Дело в том, что Каргалык ещё не находится на единственной трассе, и впереди есть развилка. Объяснять, остановившемуся автостопом водиле, что через пять километров, или двадцать, будет поворот на южно-тибетскую трассу и надо именно туда, а не в Голмуд, проблематично. К тому же, незадолго до поездки, в интернете начали появляться сообщения об ужесточении правил для проезда иностранцев по Тибету.

Началось это после акции, проведённой западными активистами в базовом лагере Эвереста. Цель у них была, конечно, благородная – Свободу Тибету! А результатом стало то,

что множество людей, планировавших в этот период поездки в этот район, столкнулись с большими трудностями. Зачастую поворачивали назад, так и не добравшись до своей цели.

Одна группа на сайте, в форуме, рассказывала, что они провели месяц, пытаясь проехать к Кайлашу, сначала со стороны Лхасы, а потом по дороге, на которой теперь стояли наши путешественники, но так и не смогли этого сделать, в цейтноте сначала временном, а потом и в финансовом.

Оценив все за и против, они сели в такси и поехали до посёлка Кокъяр (61 км). Заплатил он целых сто пятьдесят юаней, но преодолел важный психологический рубеж и таки попал на трассу G219, ведущую, уже без особой возможности сбиться с пути, сначала в Али, где есть надежда получить пермиты, ну, а потом и гора Кайлас. Здравствуй, Тибет!

Водитель, высадив их в Кокьяре, даже не стал ждать пассажиров, дабы не ехать порожняком. В его кармане лежала тысяча, данная ему неизвестным человеком, за то, чтобы он помог уехать парочке голосующих на выезде из Каргалыка, туристов. Ещё этот человек обещал подождать его с отчётом о том, как всё прошло, и может о чём-либо услышанном. Был у него какой-то акцент, но едва уловимый. А эти двое говорили немного и, в основном, о какой-то ерунде. Правда, они ещё обсуждали где бы лучше сегодня остановится и о том, что скоро уже будет чувствоваться высота. Значит едут да-

леко.

– «Можно будет попросить ещё, сказав, что ехать пришлось дальше! Человек этот был, судя по всему, очень заинтересован в информации об этих пассажирах.» – Подумал Ван Ли, но потом его вдруг осенила догадка – «А вдруг это проверка!? И получается, он её провалил!»

Он даже немного притормозил, а потом снова нажал педаль до пола и продолжил рассуждения сам с собой:

– Нет, пожалуй, сегодня я отработал свой план. К вокзалу не поеду. Конечно, если захотят найдут, но хоть так. Уж очень этот человек похож на переодетого в штатское, сам знаешь кого. Или, точнее, не знаешь кого. Да и знать не хочу. Моё дело перевозить пассажиров! Больше ничего не знаю!..

Глава шестая. Высота.

Мне надо принять мои капли. От головы... Нет, для головы. (с) Фрекен Бок.

«Мальши и Карлсон, который живёт на крыше». Астрид Линдгрен

В то время, когда мысли в голове таксиста беспорядочно метались, у Вени они ложились чётко, словно путевые заметки или страницы ежедневника.

Дома он уже приучил себя не пытаться запоминать дорогу, подобно самописцу, а находить красоту в пейзаже, который она ему открывала. Но здесь другое дело, он хотел как губка впитать в себя каждый вид, каждый ракурс дороги по которой они ехали. Его не покидало ощущение, что кто-то ведёт его по строго намеченному плану, а он наблюдает со стороны, складывая события, как тогда, когда считал прутья в заборе садика.

Кокъяр оказался типичным кишлаком, раскинувшимся рукотворным оазисом с одной улицей, которой являлась дорога, проходящая через него. Глинобитные мазанки, канава вдоль дороги с пересохшим ручейком, колоритные местные аксакалы, да ватага пацанвы, кричащая вслед: «Хало, хало!» Ну, и вам того же!

Мы идём не спеша, я и моя попутчица, иногда даже уходя с дороги в тенистую аллею вдоль ручейка. Тут прохладней, да и машин пока особо не видно.

Таксист, что привёз нас сюда, уверял, что попутного транспорта не бывает здесь: «Поехали до Шицуаньхэ! Всего то две тысячи юаней!» Для западного туриста это и не деньги, по их понятиям. Но судя по тому, что он даже не пытался найти пассажиров на обратную дорогу, чтобы не гонять машину порожняком, тут действительно с транспортом всё довольно печально.

Купив бутылку чая, замороженного в холодильнике до состояния льда, насладился ледяной свежестью. Мы, понимая,

что приятно в жаркий полдень испить прохладного напитка, не забываем, во всем нужна мера, к тому же горлышко начало похрипывать ещё после кашгарского коктейля со льдом!

Дело в том, что в Кашгаре, в одном из кафе, мы попробовали местный специальный напиток. Ну, как напиток...

В кафе на стол кладут здоровую глыбу льда, даже думать не хочется из какой она воды, и несколько работников начинают скоблить этот лёд пиалами. Набрал ледяную шугу, они заливают её йогуртом, ну, или чем-то вроде того, и далее на-

чинается специальное действо.

Как наши бармены кидают и жонглируют шейкерами, так эти ребята подкидывали содержимое пиал струёй вверх, а потом ловили его обратно в пиалу. И так, пока не получался взбитый ледяной йогурт. Мы, как парочка романтиков в каком-то ресторанчике в Париже, конечно же, не могли удержаться и не попробовать. На тридцати пяти градусной жаре, с потными спинами. Безумству храбрых поём мы песню.

Второе коварное зло – это такси в жаркое время. Да, это кайф! И дело не в том, что дешёво или быстро. Кондиционер! Кондишин!!! Прохлада. Ты садишься в такси, и будто погружаешься в оазис. Сначала ты наслаждаешься, вдыхая прохладный воздух, потом ты ощущаешь его действие на всю свою распаренную природной сауной кожу, а потом... лучше выходить, а то уже будет не важно куда ехать, лишь бы не вылезать обратно в жару.

На следующее утро мы оба сипели. У меня к тому же болел правый глаз. Фингала я избежал, но ощущение неловкости в глазу не проходило.

А теперь, не наученный горьким опытом, уже очень скоро, я буду жалеть о столь пренебрежительном отношении к простуде, перед походом на высоту четырех тысяч пятиста метров и выше. Стоило быть поосмотрительней!

Пройдя пару километров в поисках удобного места для голосования по оазису, мы упёрлись в дорогу, идущую в гору, хоть и достаточно пологую, но посреди действительно пу-

стынного пейзажа. Решили ждать транспорта здесь. Не прошло и получаса, как рядом остановился микрик.

Он действительно, буквально микрик, неизвестно, как в Англии, но у нас аналогов нет – он реально не больше уазика по объёму. К тому же, внутри уже едут трое и забит он овощами, зелёным луком и тому подобным. Но ребята смеются, знаками показывая, мол, ничего страшного, уедем.

Да я и медлил только потому, что до конца не верил своему счастью – так быстро поймали машину! Первый автостоп! Утрамбовав посредством двадцатикилограммового рюкзака, сонного мужика, лежащего в салоне на куче зелёного лука, я разместился на самом рюкзаке так, чтоб видеть дорогу. Натали, как даме, освободили место спереди.

Тронулись.

Натали, сидя рядом с водителем, потихоньку начала прощупывать, куда, собственно говоря, едем. Их объяснения, названия населённого пункта, непонятны нам. Их местные названия и названия в наших картах, практически не совпадают, поэтому называем большие пункты по удалению от нашей точки.

– Акмечит?

– Да! – машут головами и показывают пальцами вперёд.

– О, как здорово! – отвечаю я.

Пару фраз, настраивающих на дружелюбный лад, рассказываем, кто мы, куда едем. Не знаю правда, понимают они до конца или нет, но иногда даже их ответные вопросы бо-

лее-менеe в тему. Вопросов про деньги пока нет. Продолжаем перебор известных крупных точек на трассе G292.

– Мазар?

– Да! – опять машут головами и восторженно показывают пальцами вперёд.

– О, совсем здорово! – ликуем мы.

Надо же, как повезло. Делаем фотографии новых друзей, они тоже в восторге. Не каждый день у них такая развлекуха, живые иностранцы. Надеюсь, с мёртвыми иностранцами они не развлекаются.

До Мазара сто восемьдесят километров, высота там уже три тысячи семьсот, дальше перевал под пятёрку, хотя потом, конечно, будет спуск опять до трех тысяч пятиста, в Шахидулле, но для первого дня многовато, или спросить их: не едут ли они до туда и рискнуть своим здоровьем?

Эти мои размышления прерываются остановкой у магазинчика, выгружаемся. Начинают выгружать товар, осторожно спрашиваю, когда дальше едем, а они показывают, мол, мы потом в обратном направлении, а вам, в Акмечит и Мазар, туда, машут головами и показывают пальцами вперёд.

Вот блин, а я-то размечтался! Проехали, наверно, десять километров максимум. Ну, да ладно, покупаем пару бутылок чаю, солнце палит не по-детски, и держим путь дальше.

Через километр, на краю этого безымянного села, снова встаём. Дорога идёт вверх, что не удивительно, она теперь всегда вверх будет идти, ведь мы в самом начале тибетского плато, Натали чуть отстаёт, а мне, с увесистым рюкзаком, лучше идти быстро, но с частыми остановками со снятием рюкзака с натруженных плечей. Потом мы уселись на рюкзак в тени дерева.

К этому времени мы уже делали пару попыток остановить грузовики, с одним даже о цене пытались договориться. Запросил пятьсот юаней до Мазара, вроде и ничего ценник, но боязно чего-то первый же день на такой высоте так долго ехать. Да и есть ещё время попытать судьбу на халявный транспорт. Вяло предложили двести, но они не согласились и уехали, хотя и достаточно неторопливо. Как бы предлагая продолжить торг, но, что сделано, то сделано.

Посидели минут десять, едет мотоцикл с открытой повозкой, такая моторикша. За рулём паренёк, которому у нас и прав-то не выдали бы ещё. На платформе два джигита постарше, но, учитывая как взросло выглядят южные юноши, лет по 20 с небольшим.

Останавливаются, с таким видом, словно увидели мираж в пустыне. Думаю, даже махать не надо было, в их глазах

горит восторг детей, увидевших впервые аэропорт или зоопарк. Радостно галдят. Начинаем знакомиться.

Рассказали, что сами они из Кокъяра, едут по хозяйственным делам. Следующий населённый пункт километров со-рока, Акмечит, но им туда не надо. Предложили денег, сторговались за восемьдесят юаней. Садимся с вещами, но они разворачиваются в обратном направлении, оказывается, что нет бензина. Кататься туда-сюда желания нет, ещё накатаем-ся, слезаем. Мотоцикл уезжает в деревню.

Два джигита постарше остаются с нами. Предложили залезть в сад на обочине, насколько я понял, там полно абрикосов, но мы вежливо отказываемся лазать по кустам, оставлять рюкзак в одиночестве у дороги не хочется. С Натали оставить, так ещё и за неё боязно! Края здесь, как я уже сказал, больше напоминают земли басмачей, как-то я к китайцам с их буддизмом более доверчиво отношусь, чем к их среднеазиатским братьям. Шариат, паранджа, все дела. Всё как-то душманы на ум приходят, а не мудрый и весёлый Ходжа Нассредин...

Тут я достаю фотоаппарат и начинается настоящий цирк. Фотографируемся в разных позах и составах, с маленькими ягнятами, с проходящими рядом местными девушками, потом с подъехавшим юным водителем. Кстати, при более детальном знакомстве, оказавшимся самым серьёзным и грамотным из этой тройцы. Потом они загрустили, адреса, на который мы бы могли выслать им фото, ни у кого из них нет.

Когда они вспомнили все-таки какой-то адрес, оказалось, что писать толком никто из них не умеет. Всё это занимает никак не меньше часа, и мы с облегчением выдыхаем, когда все-таки усаживаемся в повозку и уезжаем в Акмечит вторым, я, Натали и наш юный водитель. Ребята остались:

– Боливар не вывезет пятерых!

Дорога идёт практически все время вверх, мой GPS показывает скорость чуть больше двадцати километров в час. Зато, начинаются настоящие горные ущелья, пришедшие на смену пустынным барханам горы, пусть пока и не очень вы-

сокие (впервые преодолеваем две тысячи метров). Допиваем лимонад. Да, водой надо приучаться запасаться впрок.

Много фотографируемся. Пару раз останавливались охлаждать движок нашего железного коня, но это было очень кстати, так как зубы иногда звенели даже сидя на рюкзаке. Дорога и впрямь пустынна, за все время от Кокъяра проехало от силы три грузовика и ни одной легковушки, начинаю склоняться к мысли, что самый реальный для нас транспорт скорее всего будет грузовой, а ведь так хотелось на джипе, с ветерком!..

Ехали часа полтора. Акмечит оказался деревней, раскиданной вдоль дороги на километр. Пару строений типа казарм, охватывающих квадратом двор, да магазинчик в две полки с продуктами и, что не может не радовать, с холодными напитками. Заправка, в виде припаркованного бензовозом цистерны.

Вдалеке виден какой-то карьер, с выезжающими оттуда самосвалами. По нашему высотному графику трассы, дальше идёт перевал, хотя паренёк начинает намекать, что готов отвезти нас и дальше, я с его оптимизмом не соглашусь. Грузовики, по его завереньям, местные, возят что-то для строительства неподалёку, так что, на них по трассе не уехать.

Спустя некоторое время к нам подходит старичок. Ни дать, ни взять оживший аксакал из «Белого солнца пустыни». Вникнув в суть проблемы, тоже говорит о невозможности проехать перевал на имеющимся мотоприводе. Зато, говорит, у него есть транспорт, вернее, у его сына.

Идём во двор, слева от дороги, и видим машину типа нашей девятки, в результате недолгих торгов стовариваемся за сто пятьдесят юаней доехать до Куды.

Меня это устраивает, поскольку день уже перевалил на свою вторую половину. Ехать дальше, и соответственно выше Куды, сегодня нецелесообразно, а устроиться на ночлег пораньше, совсем неплохо. Да акклиматизироваться начать пораньше. Куды, по высоте, почти как Лхаса, а по рассказам

в Лхасе уже прилично по голове даёт высота.

Как водится, заправились бензином и парой бутылок холодного чая, и двинулись дальше. Дорога хорошая, но пыльная. Причём пыль лезет в машину через все щели и, порой, довольно досаждают. Окна машины затонированы, как у наших братков, поэтому люблюсь перевалом через лобовое стекло, к тому же в одиночку, Натали к перевалу уже уснула. Я, вообще, потом жутко завидовал этой её способности, засыпать в транспорте, буквально в любом положении и практически сразу, после начала движения.

После перевала, миновали сначала деревеньку из пары домов. Потом военную базу, с флагом и шлагбаумом, правда поднятым. Никого рядом видно не было, зато прямо по центру базы начинался шикарный асфальт, прямо европейского качества.

Собираясь в поездку, я понимал, что времени у меня в обрез, но была большая надежда на то, что китайцы в 2007 году вроде как собирались закончить модернизацию трассы G219. Забегая вперёд, скажу, что тем, кто поедет в следующем году, это практически гарантировано, темпы строительства и размах, с каким она строится, поражают. Покрытие строится капитально, с учётом возможности сетей, водоотводами и всеми положенными мелиоративными сооружениями.

Едем временами до восьмидесяти километров в час, но тут начинаются проблемы с движком. Проблемы с компрес-

сией у машин здесь не редкость, «железные коняшки» тоже ловят горную болезнь. Но, с парой вынужденных остановок, все-таки добираемся до Куды.

Высаживаемся у шлагбаума, делящего посёлок примерно пополам. Пространство слева от дороги занимает большая войсковая часть. Довольно оживлённый, надо сказать, посёлок, нас сразу окружает толпа зевак. Народ уже по большей части китаевидный. Видно, что посёлок развивается, благодаря китайской экспансии в Тибет. Метров в двадцати после шлагбаума, нас заводят в местную ночлежку. Гостиницей, данное заведение не назовёшь.

Переночевать вдвоём стоит тридцать юаней. При входе столовка на три столика, с телевизором, правда электричество только ночью, от дизель-генератора. Кстати, в этой столовке мы на редкость вкусно покушали пару раз. Не знаю почему, но такого удовольствия от помидорно-яичного супа и риса с яйцом, да ещё закусывая злым чесноком в немереном количестве, я нигде потом не получал. Да ещё и за двадцать юаней на двоих.

Комнатки представляли собой помещения, размером с купе в поезде, с двумя полками, на одной из которых мы разложили вещи, а на другой сразу же легла Натали в спальнике, ей к этому времени слегка поплохело, то ли укачало, то ли высотная акклиматизации началась.

Я провёл небольшую разведку. Обнаружил на заднем дворе туалет. Потом познакомился с постояльцем, говорящим на английском, причём очень прилично. Судя по тому, что у него в камерке был ноутбук, образованный китаец. Ехал он тоже в Али, и убедил нас, что завтра транспорта будет в ту

сторону навалом.

Я показал ему свою охранную грамоту. Он долго расспрашивал меня о том, как я решил ехать. Постепенно его расспросы начали меня немного беспокоить, а когда его заинтересовало, что на ксерокопии паспортов место выдачи китайской визы Германия, уже насторожился. Его же взгляд стал таким холодным, что я до сих пор думаю, что он был, наверняка, особистом или гэбистом.

Все мои объяснения, что мой знакомый имеет бизнес в Германии и получить визу через него легче, чем в родной России, на него не произвели успокаивающего действия. Он так и остался подозрительным и менее разговорчивым до конца вечера. После появления электричества, мы зарядили все наши аккумуляторы, посмотрели недолго телевизор, при этом ещё слегка перекусив, чем-то из своих запасов.

Легли спать пораньше. Спалось удивительно хорошо...

Тогда я ещё не знал, что завтрашнее утро будет самым нервным для меня, пожалуй, за всю поездку...

Утром проснулись довольно рано, в восьмом часу. Дома, правда, на четыре часа раньше. Хотя, даже покупая билеты на перелёты до Кашгара, я пытался учитывать этот сдвиг, подгадывал под лучшее сочетание с внутренними часами, на деле разница совершенно сгладилась. Думаю, под потоком новых ощущений мозг забыл о такой мелочи, как сдвиг в четыре часа.

Дома, сидя перед телевизором, даже часовой переход с

летнего времени давит на веки. Усни мол, вчера мы с тобой в это время уже сладко посапывали в предвкушении очередной сколькототысячной серии снов в стране Морфея...

Транспорта, по словам вчерашних наших новых друзей, будет столько, что "клыент забудет об усем". Действительно, чистил зубы я под грохот выдвигающейся с военной базы нескончаемой колонны. Через минуты двадцать установилась гробовая тишина. Я прошёл в столовку. Наш хозяин, как это водится в Китае, спал прямо в подсобке на диване. Скоротали время незамысловатым завтраком из своих запасов. Часам к десяти ночлежка начала потихоньку оживать.

Первым сюрпризом было то, что наш англоговорящий друг уже уехал. Когда он успел, для меня так и осталось загадкой.

Вторым сюрпризом стало то, что, простояв где-то полчаса, мы не заметили какого-либо значительного движения транспорта. Хозяин какого-либо внятного желания помочь нам в деле транспортировки дальше не показал, вообще, потеряв какой-либо интерес к нам.

Третьим сюрпризом стал наоборот повышенный интерес со стороны тусующихся вокруг военных. Сначала, вроде как просто интересовались, что да как, кто такие. Почитали мою охранную грамоту. Потом начали объяснять, что ехать дальше нельзя, едите назад.

Я начал косить под дурака, но они, выяснив у хозяина ночлега, что ночевали мы именно здесь, наехали до кучи и на

него. Потом куда-то ушли. В этот момент останавливаю бензовоз, начинаю объяснять и торговаться. Хозяин, почуяв, что пахнет жареным, тоже подключается. Сторговались на четыреста юаней до Али. Вроде нормально, учитывая, что, если я правильно понял, ехать он будет дня три. Но уже лишь бы уехать!

Собираемся залезать, машет руками, оказывается, двоих он не везёт. Тут же что-то объясняет, речь беглая, мы в стрессе, я уже ничего, практически, не понимаю. Зовёт в соседнюю забегаловку, объясняет все время что-то... Потом машет рукой вперёд и уезжает. Садимся на рюкзак.

Идут вояки. Подбегает хозяин, лопочет что-то. Встаём, идём за ним в сторону вояк. Ну, думаю, сдавать нас ведёт, с***а... Подходим к воякам. С ними уже чин постарше, чем был до этого, со звёздами на погонах, а не с лычками. Надо сказать, что самым зловредным, в расспросах до этого, был сержант, в полураспахнутой гимнастёрке, очень неопрятный и прыщавый. Типичный дембель.

И тут удивительно повёл себя хозяин, встав на середину дороги, он стал переругиваться с военными, а нам, почти прогоняющими жестами, стал грозно указывать вперёд. И тут я увидел метрах в ста впереди стоянку с бензовозом, который проезжал, и ещё с какими-то грузовиками. Вон оно что! Стояли мы не там! Видать дальнобойщики стоят особняком, дальше по трассе. Уже не обращая внимание на крики и перебранки позади нас, рысью идём на стоянку к води-

ле, с которым я уже имел торг.

Он адресует нас к другому водителю. Может тот говорит по-английски? Нет. Он выглядит более интеллигентно и видимо является наиболее авторитетным из группы водителей.

И тут происходит эффект, с которым я неоднократно сталкивался впоследствии и воспринимал это потом, как вещь обыденную. Разные китайцы мало того, что понимают наш скудный китайский порой совершенно по-разному, то есть, если точнее, одни совсем не понимают, а другие то же самое понимают с пол-оборота, так ещё и я, от одних совсем не схватываю смысл, а других понимаю, полу-угадываю, полу-додумываю, но прихожу к решению языкового барьера, легко и ненапряжно.

Короче, этот водитель объяснил наконец-то мне, что дальнобойщики ездят по двое в машине, а мест в кабине три. Поэтому им разрешается брать только одного пассажира. Сразу за поселком стоит чекпойнт – полицейский пункт проверки и досмотра автотранспорта. Пересечь его мы сможем только если разобьёмся на две машины, а после проезда, уже можно будет снова сесть вместе. На том и договорились. Восемьсот юаней за двоих до Али. Но, как же я был рад убраться с этого, чуть не ставшего конечным пунктом нашей поездки, посёлка Куды с его военной базой. Такого гостеприимного в первый день и такого недружелюбного на второй!

На полицейском пункте мы перешли пешком шлагбаум и, заинтересовав офицеров, которые, не в пример военным, были дружелюбны и улыбки, практически лишь на пару минут, двинулись по прекрасной асфальтированной дороге дальше на юг.

Бензовозы, а именно на двух представителях этого вида китайского автопрома мы двинулись в путь, ехали со скоростью чуть более двадцати километров час. Рекорд за все три дня, если мне не изменяет память, сорок пять километров в час. Едут неспешно, с частыми остановками, периодически

ски умудряясь ещё и обгонять друг друга. Пользуясь такими обгонами, снимаем с Натали друг друга со стороны, она на фотоаппарат, я на камеру. Потом всё-таки садимся в одну машину, к руководителю этого маленького тандема с его сменщиком Джибулой, имя которого я запомнил благодаря созвучности с именем политика Наджибуллы.

Окружающий пейзаж круто меняется, появляются заснеженные вершины, блестящие на солнце необычайно ярко, воздух тут прозрачный, облачности почти нет, да и неуди-

тельно, через пятьдесят километров мы преодолели первый серьёзный перевал около четырех тысяч девятиста метров, Chiragsaldi-Pass.

Говорят, если забраться ещё чуть выше, то можно увидеть К2, практически на пакистанской границе. Не знаю, не видели. Натали ещё и потому, что к перевалу уже уснула, следуя своей системе акклиматизации к условиям высокогорья.

Надо сказать, что дорога до Али особым разнообразием не баловала, и по большей части напоминала кадры военной

хроники Афгана, когда-то запавшие в голову по программе: «Служу Советскому Союзу!». Зато она побаловала несколькими перевалами до пяти с половиной километров. Сколько-либо значимыми пунктами здесь были Мазар, Шахидулла, Дахуньлуньтань, Домар и Рутог. На ночлег останавливались только раз, в Шахидулле.

Наш следующий важный пункт – Шицюаньхэ (##), он же Али, он же Гар – административный центр Западного Тибета, в трёхстах километрах на Запад от Кайласа.

Автобусы из Лхасы ходят только летом, идут по Северной трассе, которая длиннее, но надёжнее Южной, идущей через Кайлас. Тот же Кайлас иначе, как Канг Римпоче местными не называется, и, соответственно, слово Кайлас ими не понимается категорично.

Шахидулла в китайской версии тоже звучит по-другому: Сансылиинфа, видимо что-то от цифры триста сорок семь. Вообще, в тибетско-китайских названиях немудрено запутаться. Многие населённые пункты для нас имеют по два, три, а то и четыре названия. Они, в большинстве своём, различаются на русских и англоязычных картах, но ни то, ни другое обычно не понимается местными жителями.

Дома я купил самую подробную русскую карту (1:6000000), но, по-моему, с 60-х годов никаких изменений туда не вносилось. На карте отмечен населённый пункт Барга. Довольно крупным населённым пунктом. Жирной такой точкой...

Зато Дарчен, находящийся в каких-то пятнадцати километрах от него, начисто отсутствует на карте.

Ещё дома, изучая отчёты и натываясь на упоминания данного населённого пункта, я удивлялся, почему практически нет описаний столь значимого пункта. Все ведь должны были проезжать его! Впоследствии, данное картографическое чудо сыграло с нами злую шутку. Барга оказалась перекрёстком с десятком домов, парой лавок и воинской частью. От знака начала населённого пункта до знака конца, от силы метров пятьдесят! Дарчен, по сравнению с ним, просто мегаполис!

Ехать вчетвером было достаточно тесно. Кресло посере́дке убирали почти все время, и таким образом на лежанке все время полуспало, или просто проводило время два члена нашей тесной компании. Если первый день кого-то ещё смущало лежать валетом с незнакомым человеком, то к прибытию в Али, разве что водилы ни разу не совместили койку.

Рассказывать о маршруте Кашгар – Шицунаньхэ – Кайлас и говорить о проявлениях горной болезни только "типа голова болела жутко", это как рассказать о кулинарных качествах какой-либо пищи, и ограничится только количеством кало-

рий. С необычными свойствами тибетского воздуха, вернее со свойствами его отсутствия, сталкиваются даже те, кто едут через Лхасу и все правила высотной акклиматизации строго выполняют.

А ведь даже там, если у вас слабое здоровье, в первый день подняться на третий этаж гостиницы, да что там третий этаж, нагнуться натянуть ботинок на ногу, достаточно напряжно, но после пары дней акклиматизации в Лхасе, четырёхдневная поездка в джипе в Дарчен проходит более-менее безболезненно.

Мы въезжали с более приподнятой стороны тибетского плато, к тому же, времени у нас было гораздо меньше. Прode- лать маршрут, задуманный нами, можно было только изрядно поторопившись. Прoштудировав несколько альпинистских сайтов, я почерпнул для себя целую программу профилактики, в виде легкой витаминно- лекарственной превентивной атаки на высокогорную болезнь, чаще именуемой сведущими людьми просто «горнячкой». Помимо «Витрума», «Мезима», «Карсила», «Линекса» и «Глицина», рекомендованных в данной статье, вместо сахара мы ели Гематоген и, чтобы не кусать в условиях нехватки железа металлические части транспорта, пили немецкий бальзам Doppel Hertz. Правда мои запасы теперь распределили на двоих, но я и брал с запасом.

Прикольно было обнаружить, что пакетики с быстрорастворимыми кашами, купленными к тому же в Кашгаре, ко-

торый тоже не на равнине, а на полутора тысячах метрах над уровнем моря, на третий день у нас из плоских пакетиков превратились в надутые шарики!

А ведь тоже самое происходит и с нашей головой.

Короче, благодаря моей форме, я надеялся проскочить легко и с ходу. С ходу получилось, а вот со вторым, перефразируя фразу Миши Евдокимова из монолога о мужике после бани, "хорошо, что мы попались, другие бы сдохли наверно". Не знаю, что было бы, будь мы менее здоровы, но пик аккли-

матизации, видимо, пришёл на вторую ночь нашей поездки на бензовозах, и было очень несладко.

Водители, где-то в два часа ночи, остановились на генеральный перекур с посещением кафешки. Я ещё толком не засыпал, состояние было среднее, в основном беспокоила только общая слабость.

Надо отметить, что нехватка кислорода на всех сказывается по-разному: кому по мозгам даёт, кому по животу, кому спать охота, а кто, наоборот, от бессонницы изнемогает.

Натали проспала практически весь день, но, как это часто бывает, человек просыпается не от какого-либо конкретного раздражителя (привыкаешь ко всему), а от смены окружающей обстановки.

Короче, Натали проснулась минут через десять после начала стоянки оттого, что мы так долго стоим, и видимо всё то, что я бодрствуя ощущал на каждом перевале днём, навалилось на неё разом... Плюс ко всему, её видимо укачивает в машинах и, хотя она принимала таблетки от укачивания, весь свой нехитрый дневной рацион она оставила за цистерной, куда еле успела доковылять.

Ночь, звезды, прохлада...

Вода в рюкзаке, рюкзак в мешке, мешок на крыше бензовоза, а Джибула, который может туда залезть, в кафешке.

Взял я пару стаканов кипятка, пополоскали мы с Натали на пару горлышки, сели обратно в тёплую машину, всплакнула Натали на моем ослабевшем плече и уснула. Молодой

организм, закалённый бэкпэкерством.

Пятнадцать минут кризисной ситуации, и я вновь сижу, в полном одиночестве, посреди "нигде", в десяти метрах от забегаловки, где рубятся наши шофёры в карты и смотрят видик. Выходили, звали поесть, удивились, что "нам что-то не хочется". Ноги ватные, голова мутная, сон начисто отшибло...

Стоим ждём уже полчаса неизвестно чего... Все плохо короче. Бывают и такие моменты в любом путешествии, но вскоре всё встаёт на свои места, водилы шумной ватагой вываливают из кафешки, весело рассаживаются «по коням» и мы движемся дальше.

Я вдруг чувствую голод, нахожу початую пачку русского печенья. С удивительным аппетитом, к недоумению водил, доедаю её и, отправив Натали назад на лежанку, проваливаюсь в долгожданный сон, свернувшись в очередную позу на кресле, обвив ногами радиатор печки.

Вот такая горная болезнь!

Рассказал и понимаю, что все равно как-то не страшно получилось! Поэтому добавлю, что, как пишут западные издания, на этой дороге Xinjiang Highway Kashgar-Shiquanhe-Kailash практически ежегодно погибают туристы, правда, в основном в возрасте, и, в большинстве случаев, от недооценки роли высокогорной акклиматизации.

Как я уже сказал, на ночлег останавливались только раз, в Шахидулле. Остановились уже затемно. Водила сказал, что

утром будет чекпойнт. Я предложил ему авантюру, с тем, чтоб мы прошли его ночью и заночевали на той стороне в палатке, а с утра спокойненько подсели бы к ним, но оказалось, что там все серьёзно: шлагбаум, забор и возможно вояки, не дай Бог на них нарваться, потом и утром не пропустят ни за какие коврижки. Ну, да ладно, останавливаемся в ночлежке справа от дороги.

Хозяин оказался очень радушным, то ли туркменом, то ли узбеком. Что-то рассказывал и про Ташкент, и про Ашхабад. Был очень любезен, а я и рад бы был поддержать с ним нашу незамысловатую беседу, тем более, что в китайской глубинке, человек хотя бы побывавший в СНГ, уже практически земляк, но он постоянно забывался и переходил на обычный для китайцев темп речи, просто непостижимый для меня.

Поужинать решили тушёными овощами, которые я выбрал прямо на кухне, ткнув пальцем в понравившиеся. Сначала подали сладкие пампушки, традиционные для Китая, но несколько непривычные для нас. Тесто на пару, по мне так, практически тоже самое, что варёные блины, аккуратно скомканные в комочек... Но вроде как, угостили, поэтому жуём, старательно слизывая тесто с зубов.

Кстати, ещё одна традиция кулинарная, непривычная для нас. Сразу по приходу в любую кафешку посетителю наливают чай, точнее кипяток с щепоткой заварки, чаще всего зелёного или цветочного, жасминового чая. С ним ты и коротаешь время, пока готовят твоё блюдо. Периодически, по

мере опустошения чашки, тебе добавляют кипятка. Заварки при этом уже не добавляют. Поэтому после еды, когда, мы русские, и пьём обычно чай, ты пьёшь уже просто кипяток, и то если чашку не уволокли проворные официанты.

С овощами дали ещё и какое-то мясо со специями. За все взяли двадцать пять юаней. У меня сложилось впечатление, что шофёр понял моё предложение завезти нас за чекпойнт и оставить там на ночлег, как то, что в палатке я хочу ночевать из экономии.

Рассказывая про нас, он видимо представлял нас, как бедных туристов, в погоне за жаждой знаний, вынужденных путешествовать с палаткой и впроголодь. В итоге, за ночлег за двоих с нас взяли тридцать юаней. Правда кровать тоже была одна и верблюжье одеяло, тёплое, как печка, тоже одно.

Во всех ночлежках хозяева, проводя в комнату, обязательно покажут одеяла, которые везде очень тёплые и мохнатые, может верблюжьи, а может и ячьи? Зато простыней нет, как класса. По первой поре я думал, что они так выражают что-то типа – "вот у нас одеяла есть, не хухры-мухры". Позже пришёл к мысли, что многие иностранцы недооценивают уровень суточных перепадов температур в Тибете и хозяева, зная это, акцентируют внимание на этом. Можно с вечера запросто лечь слегка, укрывшись покрывалом, а ночью проснуться, лязгая зубами.

На этот раз Натали во сне не дралась, а даже наоборот прижималась ко мне, чем почти лишила меня сна, помогла

только зверская усталость.

Вообще, моя охранная грамота производила на китайцев, а водители везде её упоминали и просили меня её предъявить, должное впечатление. Очень часто я ловил сочувственные взгляды, оплачивая какой-нибудь ночлег или обед. Также, нас всегда пытались устроить по самому экономичному варианту, при этом извиняясь и убеждая, что это самый дешёвый вариант.

Этим утром в Шахидулле мы спали безмятежно, практически в обнимку, и проснулись последними. Шофёры уже чистят зубы, это у них железное правило, может быть одежда пыльной, но зубы чистят тщательно и регулярно.

Мы тоже присоединяемся к утреннему моциону, кроме того обогатив утренние процедуры полосканием горла молоком, разведённым мною в термосе из сухого, с йодом. У нас то детям все лечат ангину, а Натали о таком способе не знала, и едва не выпила данное мною полоскание. Начинаем лечить последствия нашего беспечного отношение к ледяным, буквально, напиткам.

Слегка перекусив, садимся по "коням". Немного нервничаю. Чекпойнт в Шахидулле, китайцами упоминался неоднократно и, хотя по посёлку особо не видно какой-либо ключевой роли сего пункта в обороне Тибета от неизвестных захватчиков, не хотелось бы иметь долгих объяснений с властями (отправить назад, отсюда, мне кажется уже нереальным, это станет уже большей проблемой для них, а не для

нас).

Выезжаем за посёлок. Невнятное строение с закрытым шлагбаумом, большой табличкой и съезд вправо на временную дорогу. Короче ремонт и объезд! Джибулла радостно тычет указательным пальцем снизу в ладонь, что этот жест значит у них, я не знаю, но выражение его лица однозначно – проблемы с полицией закончились! По-моему, он рад больше чем мы. Это КПП действительно было тем случаем, когда черт не так страшен, как его малюют.

Вообще, сведения о доступности проезда по данному маршруту очень противоречивы. Причём общаясь на форумах, я все больше сталкивался с крайне пессимистическими взглядами и мнением, что на этой трассе толпами отлавливают туристов и посылают их назад. Недалече, как в мае, в одном топике «Кто хочет в Тибет?» была дискуссия на эту тему...

С другой стороны, на западных сайтах, множество примеров поездок данным маршрутом, причём уже все налажено чуть ли не конвейером, публикуют расписания автобусов, хотя и редких, стоимость билетов, возможность автостопа, местонахождение всех необходимых пунктов, как то, автобусные остановки, стоянки грузовиков, полицейские участки.

Мы – русские, несколько выделяемся поведением, отстав от организованного турфирмами стада, обращаем на себя внимание извечным русским "авось". И конечно, какой-нибудь китайский полицейский, увидев невменяемого человека, не владеющего языком и абсолютно потерявшего ориентацию, но твёрдо желающего покорить китайскую глубинку, отправит сего бедолагу взад, в цивилизацию, от греха подальше, и будет абсолютно прав! Шанс быть повёрнутым назад есть, но с таким же успехом можно не сесть в самолёт в московском аэропорту, из-за каких-нибудь бумажных мелочей, типа неоплаченного вовремя штрафа по списку от судебных приставов.

Ещё, из приключений по дороге в Али, было местечко Домар, в котором находится армейская база. Въезжали в него на разных грузовиках, водилы все ещё шифруются. Видимо, все-таки они могут попасть на бакшиш воякам, если попадутся на подвозе иностранцев. Я валялся сзади на койке. На КПП кто-то заглянул в кабину, не особо прилежно, про меня Джибулла сказал: "спит!", на чем досмотр и закончился. В машину Натали никто даже не заглядывал.

В посёлке плотно перекусили. Купили с Натали полуторалитровую бутылку Seven Up (соскучились по газировке) и, хотя в горной местности не советуют её употреблять, выдули её за полчаса и купили ещё одну на запас.

Водители занялись то ли профилактикой, то ли мелким ремонтом. Вытянули из кафешки шланги. Заливали ёмкости, подняли кабины, таким образом отрезав нам доступ к вещам. Стояли часа два. От нечего делать, мы, счастливо-сытые и свежепомытые (из тех же шлангов, что и машины), чуть позагоравшие, время было, как раз полдень, пошли поразмять ноги. Посёлок, как и большинство здешних транспортных узлов, стоит на повороте дороги и состоит из строений по обе стороны площади, образованной расширением все той же дороги. За домами полукруглый забор, образующий туалет с видом на бескрайнюю степь, обдуваемый степным же ветром.

Перед поездкой я набрался умных туристических правил. Путешествуя в одиночку, не стоит полностью рвать связи

с миром. Нужно договориться с родственниками или друзьями, в какое время будете выходить на связь, а также оставить им свой маршрут (да ещё с экстренными телефонами полиции и российских консульств в странах пребывания). Ведь, чем раньше начнут искать пропавшего туриста, тем больше шансов на успех.

На родине, у надёжных людей, необходимо оставить копии всех основных документов: паспорта, страхового полиса, билетов, номера телефонов «горячей линии» банков, в которых оформлены пластиковые карты. Несколько копий нужно взять с собой, оригиналы следует хранить подальше, а поближе носить дубликаты. Можно также разместить все необходимые бумаги в интернете, в своём почтовом ящике, доступ к которому можно получить с любого компьютера.

В дороге, между отелями, нельзя класть все документы и деньги в одну сумку. Часть суммы, копию паспорта и резервную пластиковую карту, нужно положить в потайной карман расположенный, например, подмышкой или на ноге под штаниной, или, банально, в трусах, благо есть специальные пояса.

На улице мой взгляд упал на надпись на английском «International calls». Дёрнули дверь, закрыто...

И нет же, чтоб внять гласу судьбы, начали спрашивать местных, что да как. Минут через десять появился паренёк, который, кстати, сидел в той же кафешке, где мы обедали, и открыл нам.

Оказалось, это просто магазин, в котором есть телефон. Поскольку мы уже дня четыре не были на связи (наши мобильники начиная с Каргалыка показывают "только 112"), я решила позвонить домой, сообщить, что живой. Написал номер на бумажке. Спрашиваю сколько стоит минута? Не знает. Я достал бумажник, показал десять юаней, мол, на столько хочу поговорить.

Набирает номер. Даёт трубку мне. Слушаю, там что-то на китайском, но по интонации чувствуется, что автосообщение. Даю ему обратно, мол: «джунгоу, твоя понимай, моя плохо». Набирает снова и сразу даёт трубку мне. Ага, оказывается сначала идёт сообщение по-английски, потом по-китайски. Но мне-то и по-английски не понятно. Благо, есть носитель языка. Прошу Натали. Парень уже немного не понимает, чего мы хотим, но набирает ещё раз. Суть одна, соединить не может, в чем причина, не объясняется. То ли номер неправильно набран, то ли связи нет. Пробую все варианты, первую цифру 7, потом 07, потом 007. Пробуем подождать, в перерывах осматривая нехитрый ассортимент магазина.

Минут через десять решили бросить эту затею, тем более через сутки (как мы тогда думали) уже будем в Али. Пересекли площадь, но не успели присесть у кафешки, водилы закончили ремонт.

По коням!!!

Заскочили быстро в кабину. Минут через десять, лёгкое

чувство тревоги заставляет проверить карман. Блин, так и есть, бумажник больше не оттягивает карман. Какая это была своя, не тянущая ноша! Последний раз я его доставал его на переговорном! Более того, я мог его положить там на стол, когда набирал номер! Наверное, где-то там, позади нас, бежит китайский паренёк с кошельком, вздымая руки к небу с мольбой помочь ему вернуть мне мою вещь.

Говорю водителям о своей вере в людскую честность. Даже достаю свой самоучитель, где, как нельзя кстати, есть рассказ о потерянном кошельке и честном мальчике (тоже перст судьбы!). Водители менее оптимистичны... Говорят, даже если бы отпустил кошелёк в Китае и на секунду отвернулся, то уже искать его малоперспективное и глупое занятие.

Складывая руки ладонями к сердцу, подобно девочке из сказки Ганса Христиана Андерсена, греющейся в рождественскую ночь, сжигая драгоценные спички, они читают мне краткую лекцию по обращению с кошельками в Китае.

Ну, я тоже подготовлен сайтом Жарова. Кошелёк этот был, так сказать внешним, по совету бывалого путешественника в нем лежат только деньги на текущие расходы. Основная сумма лежит в поясном кошельке, а он за поясом в штанах оберегается даже круче, чем у сердца.

На том и порешили, а возвращаться смысла нет. А я, прикинув, что последний раз клал в потерянный кошелёк пятьсот юаней, и с тех пор потратил порядка сотни, даже решил для себя особо не расстраиваться. Конечно, чувствовать се-

бя ослом неприятно, но не смертельно. В кошельке были ещё важные визитки, ну и Бог с ними! Позже я вспомнил ещё о паре потерь, не бросившихся поначалу в глаза. Мозг, видимо, решил погружать меня в негатив постепенно.

Спустя полчаса я вспомнил о своих водительских правах, которые переключались в кошелёк буквально за пару часов до остановки, когда в ходе нашей нехитрой беседы с водителями, зашла речь о машинах, правилах вождения и такое прочее...

Да-а-а! Лучше бы о гонках на верблюдах потрепались! Затем, ещё через часик, вспоминаю о карточке Visa, правда, неосновной, и слава Богу, дебетовой, и с всего четырьмя тысячами рублей на счету, но все равно потери растут!

Легко отделался. И даже карточку потом заблокировали и с неё никто не снял деньги. Но все же невесёлое это занятие – терять что-либо, не советую проверять это на своём опыте!

...Третий день в пути на бензовозе. По первоначальному плану, сегодня должны быть в Али. В первой половине дня несколько часов ехали вдоль огромного озера. Снимал больше на камеру. Очумел от вида своей небритой физиономии! Надо, иногда, и в зеркало смотреться, не только на дисплее камеры. Ладно, в Али уже побреюсь. И когда водилы успевают бриться?! Хотя говорят у китайцев щетина растёт существенно медленней. Везёт же! Для меня бриться, вообще, нелюбимое занятие, а в походных условиях, да холодной водой...

Часам к четырем дня, приезжаем в Рутог, или, в произношении китайцев, Жито. Въезд в город оформлен тибетской аркой. Первый, по-настоящему тибетский, городок. Хотя есть ещё кафешки среднеазиатского вида, с мангалами на улицах (в одной из которых мы и перекусили шашлычками на шпажках), но уже чувствуется присутствие тибетского колорита. Остаётся двести с небольшими километров до Али, но водители останавливаются на основательный перекур часа на два.

Вернувшись к машине, обнаруживаем её запертой. То ли потеря мною кошелька заставляет быть начеку, то ли, вообще, место такое. Водилы то ли обедают, то ли просто сидят в кафешке с другой стороны дороги. Короче полная неопределённость. Когда впереди два-три дня пути как-то нет ещё ощущения «Ну, быстрее бы, осталось то чуть- чуть!»

А тут в пяти шагах от ключевого пункта нашего путешествия, подобная медлительность просто убивает. К тому же, разместится бы в отеле... Растянуться на нормальной кровати на целую ночь... Поест в нормальной кафешке, неспешно и со вкусом. В Али, говорят, даже горячий душ есть в наличии. М- м- м...

А мы, вместо всех этих благ цивилизации, два часа разминаем ноги перед завершающим броском в Али.

Выехали только после шести. Сразу же попадаем на грандиозную стройку дороги. Возможно, водилы ждали конца рабочего дня. Новая трасса просто сказка, но нас на неё не

пускают, едем по временке, проложенной в десятке метров от дороги.

На ухабах здорово качает, скорость меньше двадцати километров в час. Завидую тем, кто поедет по новой трассе. Моментами временка заворачивает на основную трассу, но только чтобы перекочевать с одной стороны на другую, камни перегораживают путь на свежеуложенный асфальт.

Периодически нас радостно приветствуют бригады чумазых, тибетских дорожестроителей. Они неизменно улыбаются и, завидев нас в кабине, приветственно машут руками, хотя видок у них довольно измождённый. Ну, что ж, и вам не хворать, так сказать: «Таши далэй!», это приветствие по-тибетски.

Вскоре темнеет. Временная трасса едва угадывается в темноте. Временами видны машины совсем в стороне, видно плюнув на все, некоторые водители просто гонят по целине. Наши же, в одном месте, даже не сумели разъехаться с тибетским грузовиком, с неизменной для них свастикой среди прочих элементов ритуальной раскраски. Постояв минут пятнадцать (никто не хотел сдавать назад) и поругавшись вдоволь, всё-таки разъехались.

Я люблюсь полной луной до полуночи. В очередной раз думаю о совпадениях, подбрасываемых судьбой. По ходу ко-ру вокруг Кайласа мы будем делать ровно в полнолуние, а это, по буддистским канонам, особенно благотворно. Натали уже давно спит на лежанке. Я тоже понимаю, что с такой

скоростью и дорогой, мы будем в Али только к утру, пытаюсь свернуться для сна на сидении, вокруг радиатора.

Кстати, в эту ночь в кабине было как никогда прохладно, а мне опять снился мой старец.

– Ты всё считаешь дни, луны, километры. Только слепой цепляется за шкуру яка, чтобы не потерять тропу и удержаться если споткнулся. Зрячий лишь изредка погладит шерсть, чтобы ощутить тепло или похвалить навьюченное животное. Перестань торопиться, насладись тем, что имеешь.

– Но я должен успеть найти тебя. Увидеть, поговорить. У меня так много вопросов! Кто ты? Почему мне так надо сюда и что меня направляет?

– Ты уже говоришь со мной. Что изменится, когда ты придёшь? Ты коснёшься меня и что? Время ничто, оно приходит из ниоткуда и уходит в никуда. Только ты наполняешь его в тот миг, когда соприкасаясь с его мгновением, вдыхаешь в него жизнь. Ты хозяин своего времени, своей жизни, своего пространства.

Он развёл руки, делая приглашающий жест посмотреть вокруг и исчез. А я проснулся. От графика, составленного дома, я отстал на сутки, да, по здешним дорогам прогнозы вещь неблагодарная! Хорошо говорить время ничто, а меня с визой на месяц, выгонят ни днём позже, даже, может быть раньше.

В четыре утра водилы будят нас. Приехали...

Высадили у самого дешёвого отеля, на въезде в город. Но-

мер тридцать юаней. Само собой, без вожделенного горячего душа!

Но искать ночью от добра добра, выраженного двуспальной, мягкой кроватью, электричеством и даже телевизором, не отважмся. Кроватью, на которой я могу вытянуться! За четыре ночи нашего бензовозового турне, я спал в вытянутом положении меньше восьми часов. Наскоро разобрав вещи, поставив многочисленные аккумуляторы на зарядку, завалились спать.

Утро выдалось хмурым, не в смысле погоды, а в смысле самочувствия. Опять немного гудела башка, восьмичасовой сон, вопреки ожиданиям, не принёс особой свежести, к тому же горло болит по-прежнему. К обеду, по идее, надо освобождать номера по международным правилам, хотя в подобных забегаловках это правило наверняка не столь строго.

Я встал пораньше, раздобыл кипятка, заварил бульончика. Кстати, очень помогает в подобных условиях, с утра – кружка горячего бульона или молока, не зря тибетцы в горячий чай добавляют ячье масло или молоко, жирная плёнка благотворно влияет на горло и дыхательный тракт, вообще, не давая живительной влаге через жирную плёнку улетучиваться.

Принёс Натали тазик с горячей водой в номер, умываться в тамошнем дворе дамам не очень комфортно. Сам во дворе провёл полный моцион, с чисткой зубов до самых гланд. Полегчало! Как будто заново родился.

Пакуем вещи и налегке выдвигаемся. Большой рюкзак оставляю в холле у стойки. Вещи мы кстати перетусовали, поскольку ехать вместе. Те, что не нужны пока, или нужны редко, в моём большом, те, что под рукой, в рюкзаке Натали с собой, на мне. У Натали самое нужное и ценное, в маленьком, пятнадцатилитровом.

У нас три задачи – найти интернет, получить пермиты и поесть. После обеда выдвинуться к горячим источникам Меньши. Натали настаивает на посещении этого места – must see! Ну ладно, всё равно по пути.

Интернет нашли быстро, благо до него от гостиницы метров сто максимум. Помогли девушки из офиса мобильной компании, немного понимающие по-английски, хотя бы слово интернет, сопровождаемое жестом, рисующим перед собой прямоугольник воображаемого монитора и затем клацая усердно по воображаемой клавиатуре.

В интернет клубе пишу небольшое сообщение на сайте и пару смсок беспокоящимся обо мне. Макар и Нина, на форуме прочитав мой отчёт из Кашгара, уже начали спрашивать куда пропал. Конечно, тут же связь на каждом столбе. Только столбов нет!

Сам иду искать полицейский участок, сдаваться и получить пермиты вкупе со штрафом, за проезд дикарём в закрытый Тибет. На входе в участок останавливают два кренделя в штатском и показывают на микрик, мол, садись, поехали. Видя недоумение на моем лице один достаёт ксиву полицей-

ского. Ну, деваться некуда, поехали. Приезжаем к большому зданию, на котором уже есть вывески по-английски. Ага, понятно, есть отдел по работе с визами и иностранцами.

Захожу, показываю охранную грамоту, начинаю что-то объяснять, но это оказывается ненужным. Такое ощущение, что обо мне уже знали. Процедура выписки штрафа и оформления пермита тут нередка и стандартна. Загвоздка только в том, что нужна Натали лично. Пользуясь тем, что у работника отличный английский, расспрашиваю немного об Али, что да как. Карт города нет, смотреть особо нечего, автовокзал за мостом налево, есть банк. Прошу его написать адрес участка по-китайски для таксиста на обратной дороге.

Выхожу, ловлю такси (по городу пять юаней минимум и обычно этого хватает на не очень длительную поездку), показываю фото интернет клуба на дисплее фотоаппарата и без проблем доезжаю до Натали. Досиживаем оплаченный час, и едем на такси за пермитами. Они, кстати, уже почти готовы, нас только спросили о маршруте. Указываем Меньши, Дарчен и Лхасу.

Спрашивают, не едем ли мы в развалины королевства Гугэ, но у нас просто нет времени, да и информации о тамошних достопримечательностях я не собирал, а ехать наобум, нет желания. Благодарим офицера, платим семьсот юаней, по пятьдесят за пермит, и по триста штрафа, и идём своей дорогой. Все оказалось даже слишком просто!

Выходим с твёрдым намерением оккупировать первую же

попавшуюся кафешку, отпраздновать. По дороге фотографируемся у местного памятника на площади.

Кафешка не заставляет себя долго искать, благо с общепитом в Китае все в порядке. С помощью их табличек с фото, помимо описания блюд в иероглифах, заказываю мясо с овощами и рис. После того, как меня не поняли в одной из придорожных кафешек и вместо плова дали две плоски просто варёного риса, больше не рискую, и тыкаю в фотографии на карточках. Натали всё же рискнула объяснить официанту на словах.

Тут мы впервые заговорили, а что дальше, не в смысле после горы, Лхаса и эта поездка, вообще. Кто чем занимается и как живёт.

– Ну, я вернусь домой. Там у меня хороший друг, у нас с ним дело. Подумаю о том, куда ещё съездить. Ты вот была в Индии, даже жила там. Я с детства знаю об этой стране по сказкам. Маугли.

– Ты читал Киплинга? – Натали смеётся.

– Мама водила меня в библиотеку, и там читала мне. Это одна из моих первых книг. Кроме наверно...

Тут я крепко задумываюсь, как по-китайски или по-английски сказать хоть что-либо из «Репка», «Колобок» и, вообще, скажет это хоть что-либо Натали.

– Короче, рассказов для самых маленьких.

Для понятности показываю ладонью уровень ниже стола.

– Если соберёшься в Индию, напиши. Я наверняка смогу в это время быть там. А я, если соберусь в Россию, могу заехать к тебе.

– Не, не! – как-то слишком поспешно говорю я. Болван! Спыхватываюсь и объясняю:

– Мой городок на самом Севере, и там ничего интересного, я с удовольствием погулял бы с тобой по Питеру, я там был на экскурсиях в школе, это очень интересно.

– У тебя там дома кто-то есть? Мы ведь просто знакомые.

Я с улыбкой подумал: «Ну, наверно, у вас это так просто.

Если бы я был действительно с кем-то, и ты такая на пороге: "Не подумайте, ради Бога, чего плохого, мы просто знакомые. Ехали вместе, спали в обнимку, но ничего не было. Он один раз случайно хлопнул меня по заднице через одеяло, а я ему в глаз как, на! И всё, этот ваш тюфяк, как евнух всю поездку, стыдливо отводил глазки, едва я куртку прираспахивала в номере. А мы ж ещё и не мылись по несколько суток, запах у вашего Вени, м-м-м, просто самец. Я вся прям дрожала от страсти, после двух суток без душа. А он..."»

Из ступора меня вывел энергичный тычок пальцем в грудь. Ух, уже не в первый раз удивляюсь, как у неё так получается, прям меж рёбер. Маленькая, а жёсткая.

– Да всё в порядке, мне всё равно, кто у тебя там, твой друг, жена, Питер или Москва. Ты главное здесь, за этим столиком от меня не уходи! – Она улыбалась, как в тот день, в Кашгаре. Боже, прошла максимум неделя, а мне кажется, что я знаю её уже вечность. Эта улыбка, эти подколы, толчки локтем под ребро: «Не спи, тормоз! Я рядом.» Тот удар в глаз...

Что-то вдруг накатило, и я сказал фразу, которую знает каждый школьник в России, даже если он учил немецкий: «Ай лав ю».

– Это, само собой. Кстати, хорошее произношение, но, если ты ещё помнишь, нам надо ехать.

И она добавила ещё какие-то «Йоки-токи», я так понял, какой-то аналог «Цигель, цигель!»

Она поднялась, а у меня само собой сорвалось с губ:

– Идиот!

И ведь не дурак, не придурок, а самое, что ни на есть, интернациональное слово! Дважды идиот.

– Ноу, ю нот!

Она быстро пригнулась ко мне и поцеловала в губы, мимолётно, но при этом достаточно долго, чтобы кровь прилила к моим голодающим от нехватки кислорода мозгам. Повернулась уходить, но вдруг притормозила и развернулась. Я уже понадеялся на повтор, но она сказала:

– М-м-м, вкусненько! Надо было брать то же, что и у тебя. Летс гоу, май лав!

И она пошла, а разряженный воздух вокруг неё играл фейерверками и радугой...

Глава седьмая. Нельзя сказать, что вода необходима для жизни.

*Чей разум был достаточно силён,
Чтобы, восторгом дивным ослеплён,
Не затуманился и не признал хоть раз
Могущество и власть прекрасных глаз?(с)
Джордж Гордон Байрон.*

– Привет, Герман!

Человек, чей голос собеседник узнал бы и через пятнадцать лет, так же, как если бы говорил с ним только вчера, намеренно сделал паузу.

– Здравия желаю! Звания вашего теперь не знаю, поскольку

ку в ведомство ваше давно не вхож.

– Ну, ты и сам знаешь, иначе мы ни тогда, ни сейчас, поступить с тобой не могли.

– Ладно, со мной я поверю, а с Риммой?

– Ты не владеешь всей картиной, того что... Ладно. Я собственно, как раз по этому поводу. Знаю, ты там этому мальчику помог. Это самое малое, что мы могли бы для него сделать, ну, в память о его матери. А у меня весточка про него. Он же нелегалом проник в, сам знаешь, как оберегаемую ТАМ, зону. Пришлось мне китайских товарищей просить слово за него замолвить. Выдали ему документы официально, на пребывание там, в особом порядке. Только, там одна интересная деталь всплыла. Попутчица у него там. Пробили её, вроде просто молодая девчонка, подданная королевы, а потом родителей её пробили. Отец в посольстве в Дели служил, а мать, в своё время, была выслана на родину. А теперь слушай, не уподи. Выехала она потому, что была попытка её завербовать. А провалил эту самую попытку никто иной, как наш алиментщик. И похоже, это его единственный провал. И теперь, даже, не совсем понятно, был это провал или многоходовка?

Вот я и думаю, это просто совпадение, или он знает о Риммином сыне? Ну, и, по совместительству, о своём или о твоём. Я уже в вашу Санта Барбару не лезу. Короче, я попросил за ними приглядывать, но сам понимаешь, горы, районы безлюдные по большей части, наружку не подключишь. Но,

надеюсь, помогут. А как там ситуация с напарницей этой, Мата Хари, развиваться будет и какие у неё цели, это только время покажет.

Лучше путешествовать налегке. Избавьтесь от вещей, которые "может быть понадобятся". Средства гигиены выдадут в отеле, если вдруг потребуется что-то ещё, можно купить на месте. Только учитывайте специфику страны. В мусульманских государствах бывают проблемы с презервативами, а в законопослушной Европе, в аптеке, на все потребуют рецепт, даже на самые безобидные антигистаминные таблетки, которые у нас продаются чуть ли не в супермаркетах, но без которых аллергику не выжить.

После обеда мы ходили по магазинчикам. Дело в том, что экипировка Натали была для похода средней тяжести. Кроссовки и ветровка. И хотя для того, чтобы лазить в окрестностях Кайласа альпинистской экипировки не надо, всё-таки обувь получше, да и куртку потеплее, хотелось бы. Всё-таки, как я понял, она ехала наобум, куда кривая вынесет. Конкретной задачи сделать кору вокруг Кайласа у неё не было. Возможно, если бы не я, она сразу промчала бы в Лхасу и Шигатсе, а может и в Индию свернула.

Палатки моей, решили, хватит, горелка и, главное, газ к ней теперь есть. Коврики и спальники есть у обоих. Я дома тоже решил особо экипировкой не заниматься, все ж что продаётся – китайское, кто ж в Тулу с самоваром и пряником

едет. Одед что похуже, чтоб не жалко было выкинуть потом, особо тёплых вещей, что касается одежды и обуви, тоже не брал.

Такие вещи, как палатка, спальник, коврики, горелка, дающие полную автономность в походе, были отобраны, куплены и опробованы заранее. Ходить искать специализированные магазины в Китае, а потом надеяться, что разберёшься сходу со всеми премудростями, да ещё и на китайском, слишком рискованно.

К тому же, опыт поиска газа для горелки в Кашгаре, когда мы убили на это пару часов, облазив пешком полгорода и посетив несколько десятков магазинов, доказал правильность такого подхода. К тому же, оказалось, что и с одеждой все не так просто. Вопрос о трекинговых зимних ботинках и тёплой непромокаемой куртке в Кашгаре, где было под сорок жары, вызывал искреннее удивление продавцов обычных магазинов, а вот в специализированном магазине для западных туристов, который мы нашли по наводке гида из путеводителя Натали, ценник был откровенно не китайский, и даже не московский.

Мы тогда все же купили Натали неплохие трекинговые боты, за двести семьдесят юаней в магазине, в подземном переходе под перекрёстком в Кашгаре (причём площадь этого магазина сравнима с московскими гипермаркетами, в отличие от наших подземных переходов, с киосками, меж которых еле протискиваются пешеходы), но моего размера не

оказалось, да и себе хотел я найти по возможности, что-нибудь серьёзное, с горным профилем, в надежде на будущие, более высотные, подъёмы.

Немного побродив по Али, мы нашли-таки куртку на гортексе, для Натали, за сто восемьдесят юшек. Для себя же я решил, что, если вдруг будет время остановиться вблизи Эвереста, если мы доберёмся до тех краёв в приемлемое время, сделав все дела у Кайласа, то купить можно будет сей ассортимент значительно легче, а кору я пройду и в старых кроссовках и курточке.

Забрав в отеле рюкзак и выдвинувшись в путь к Кайласу, мы столкнулись с проблемой: а в какую сторону собственно ехать? Решили сесть в такси и выехать из города на нем, как мы сделали это в Каргалыке, а там уже поймать какой-либо междугородний транспорт. Минут пять объяснял водителю чего мы хотим. В итоге, он привёз нас к автобусной станции. Она находится на развилке, и так и не решает вопрос о правильном направлении. Автобусов, к тому же, сегодня уже не будет.

Снова принимаюсь объяснять водителю, что надо ехать в сторону Кайласа за город. Он объясняет, что так далеко не ездит. Да нам ведь этого и не надо, милый ты наш человек, мы не миллионеры. Достаю купюру пять юаней, рисую на листке нехитрую схему: машинка едет к горе, но стрелка упирается в черту пять юаней. Машинка едет обратно, а человечки идут своей дорогой.

После этого нехитрого анимационного приёма, он, наконец, понимает, что от него хотят и мы едем. Проехав несколько сот метров за городом, он останавливается. Да, короткие у него пять юаней, но нам это и не принципиально. Главное, что тут только два направления, туда и обратно.

Некоторое время стоим, голосуем. Едут в основном грузовики, и всего пару раз такси. Решаем пройтись до какого поворота или развилки, может там ловить будет удобнее. Через километр убеждаемся, что дорога эта для пешехода про-

сто безгранична, а горизонт в горах очень обманчив, кажется вот горы прямо по курсу, а на деле до них километров пятьдесят, а то и больше.

Снова голосуем. Через несколько минут останавливается моторикша с двумя молодыми тибетцами. Немного поговорив, ничего не поняв, садимся в кузов. Через какое-то время сворачиваем с дороги на едва видимую на пустынном ландшафте грунтовку... "Срезают наверно!? Впереди горы, значит должен быть поворот. Да и электролинии на горизонте виднеются." Правда, через какое-то время видны блестящие полосы воды, сразу за юртой вдалеке и пасущимся стадом овец, как они через реку – то поедут?

Да никак! Остановились они аккуратно у этой самой юрты, встречает их девушка и какой-то малолетний сорванец. Приглашают вроде. Но нам – то некогда! Спрашиваю: «а что с дорогой?»

Они говорят всё, сегодня никуда не поедут. Блин, вот же попадос! Конечно, сами виноваты, сильно мы упрашивали нас подвезти... Но не до такой же степени, чтоб сидеть теперь посреди степи.

Делать нечего, надеваем рюкзаки, выдвигаемся в сторону виднеющихся столбов линии электропередач. А путь туда идёт через реку, вернее, речушку. Мелко, по колено. Но ни вправо, ни влево мест, где можно перепрыгнуть или переправиться, не замочив ноги, не видно.

Покручинившись чуток, перехожу в самом приемлемом месте, сначала с Натали на горбе, потом с рюкзаками. Двоим – то ноги мочить совсем не с руки. Потом было, правда, ещё пара рукавов этой же речушки. Но ничего. Вспоминаю старца из своего сна, сушащего простынь теплом своего те-

ла. Включаю йоговский внутренний огонь – сушу кроссовки на ходу. Потом одену сухие, свежие носки и буду лучше прежнего.

Выходим, спустя полчасика, на дорогу с линией электропередач. Дорога грунтовая и не похоже, чтобы очень оживлённая. Идём в гору и выходим на т-образную развилку. Рядом несколько строений. Подходим. Нас замечает собака и, радостно виляя хвостом, бежит к нам. У меня появляется мысль, а ведь ротвейлеры, по-моему, родом отсюда. Помню что-то про их селекцию на свирепость. Если бы такие встретили нас?

Вслед за собакой из дома выходит старуха. Спрашиваю: «Канг Римпоче?» И показываю рукой вправо и влево. Показывает вправо, как раз в ту сторону, откуда мы, благодаря "друзьям", петляли. Теперь, с возвышенности, и правда видно, как в той стороне в гору взбирается асфальтная дорога, и даже машинки поблёскивают в лучах, уже стремящегося к горизонту, солнца.

Сколько же до туда километров? Ругнув крепким словом себя и ребят с моторикиши, отправляемся в путь. Тут, судя по всему, движения не дождёшься.

Придя обратно к шоссе, констатирую по GPS, что прошли мы пешком девять километров. Хорошая разминка перед корой! К тому же, уже вечерееет, хочется есть, а дорога идёт вверх. Располагаемся прямо здесь. Натали валится на рюкзак, я пытаюсь ловить машину. Пока мы шли, их проехало с десятков. Теперь, как назло, затишьё.

Через десять минут решаю начинать готовить еду, через часик уже стемнеет совсем и шансов поймать попутку будет мало, но всё-таки, решаем пока палатку не доставать, ограничится кухней.

Ветер завывает прилично. Закрывая горелку рюкзаком, готовим пшённую кашу, из моих запасов, с остатками копчёной колбасы Натали. Восток – Запад, так сказать. Мир – дружба – жвачка!

Кипит все это лениво, пламя еле видно. Высота, да ещё и сильный ветер. Надо было в кафе ещё пару порций мяса взять, сейчас бы не воевали с кашей! Хорошая мысль – всегда опосля! Даже через тридцать минут крупа ещё жёсткая. Уже стемнело. Натали спрашивает про обычность пшённой

каши для рациона в России и про то, как мы вообще выживаем.

Вдруг, вижу фары в темноте. Выскакиваю на авось. Машина останавливается. И не мудрено, это же такси! Едет пустой, начинаю переговоры. Объясняет, что уже закончил работу и что, вообще, едет домой. Я, в свою очередь, аргументирую, что с нами, или без нас, он все равно поедет. К тому моменту, когда договариваемся на тридцать юаней, он чуть не плачет. Хватаю рюкзаки, у Натали в руках недоваренная каша. Но возможность продвинутся до Намру, а это больше ста километров, воодушевляет.

Едем быстро, очень быстро. Благо, дорога в этом районе идеальная. Правда мы это увидели только утром, так как едем в кромешной темноте. Скорость на спидометре сто двадцать километров в час, нас на заднем сидении болтает из стороны в сторону. Через час в темноте появились многочисленные огни большого посёлка, но находится он, что необычно для тибетских поселков, не вдоль дороги, а на расстоянии почти километра. Водитель нас высаживает на отворотке в посёлок.

Тут оказывается, что у меня нет мелочью тридцать юаней, а у него семидесяти, чтоб сдать сдачу с сотки. После ещё одного театрального представления, соглашаюсь взять тридцать с мелочью юаней сдачи. Ещё одна хорошая привычка для путешественников: всегда иметь мелочь.

Особенно это важно в китайских автобусах. Система у них

хитрая, без кондукторов, и водители к деньгам не прикасаются. Просто вход в автобус осуществляется строго через переднюю дверь (правда, такое сейчас и у нас внедряется), а там стоит подобие копилки с прорезью, то есть "размен денег у кассы запрещён", как в совдепе. И вот есть у тебя юань одной купюрой – поедешь, а нет, так разменивай, как хочешь.

Ну, короче, проехали по обычному тарифу такси, авто-стопщики блин. Стемнело уже полностью. Насыпь у дороги высокая, метра два. Отошли метров на десять, от греха подальше. Дальше ничего не видно. Откопал свой налобный фонарик, расставили палатку, доварили кашу, поужинали и легли спать. Это была наша первая ночёвка в палатке. Лучше бы, конечно, заканчивать движение пораньше, чтоб раньше лечь и раньше встать. Активность транспорта с утра максимальная, надо ловить момент. Но в этот раз встаём уже когда рассвело полностью.

Глядя, с надеждой, на дорогу, чтоб не прозевать неожиданное счастье, пакуем вещи. Есть будем готовить позже, главный приоритет поймать попутку. Если уж совсем не пойдёт, через полчаса будем распаковывать кухню и готовить, при этом будучи готовыми быстро свернутся, если представится возможность уехать.

Погода выдалась замечательная, ясная и безветренная. Большинство машин, не доезжая до нас, сворачивают в посёлок. Кстати, судя по нашим бумагам, тут два посёлка, старый и новый Намру. Расстояние между ними три километра, поскольку они стоят на километровом отдалении от дороги предполагаю, что это военные базы, и соваться туда не стоит. Не любят военные пришлых иностранцев.

Через несколько километров отсюда перевал четыре тысячи шестьсот семьдесят метров продвигаться пешком смысла нет, будем стоять до победного.

Пару машин проезжает мимо, уже почти собираемся есть, как проезжающий мимо микроавтобус, с молодыми тибетцами, останавливается. Водитель, пользуясь остановкой, меняет колесо, я же договариваюсь с их вожаком на сто юаней ехать до места их конечной остановки. Название нам ничего не сказало.

Показывая на километровые столбики, пытаюсь узнать сколько километров они нас провезут. Тоже толком не знают, но говорят, что оттуда близко до Менши, как оно иначе называется, я не совсем уверен. В путеводителе Натали пишется как Moincer/Misar/Mensi. Произносят и она, и местные вроде как Менши, с вариациями мягкости «н» и вариантами «е» как «ё», «и», и «э». Ну, да ладно, главное, чтоб не как вчера, заехать неизвестно куда и потом кругалю давать.

Нам освобождают переднее сидение рядом с водилой, сами же, а их четверо, усаживаются сзади. Угощают нас бутылкой чая. Улыбаются... Вроде все хорошо, едем дальше. До Менши сто десять километров, по такой дороге это пустяк. От Менши до горячих источников еще несколько километров. Если все так пойдёт, сможем сегодня покупаться. А уже так хочется нормального отдыха, так сказать "принять ванну, выпить чашечку кофе и какавы, с чаем вместе". А потом уже рвануть в Дарчен, а завтра, с утра, на кору. Отставание от моего графика движения нарастает, уже два дня. По первоначальному замыслу, я уже должен был идти кору сегодня.

Словно услышав мои оптимистически настроенные мыс-

ли, дорога опять переходит в стадию ремонта. Периодически, а затем и все чаще, съезжаем на временки, объезды, пока, наконец, не едем совсем метрах в ста от дороги, которая уже совсем, казалось бы, готова! Скорость падает в два раза, и мой оптимизм угасает. В одном месте, почти в голом поле, стоит чекпойнт, в виде палатки армейского образца и шлагбаума. Заведует им парень лет двадцати, а в помощниках у него ещё пара совсем мальчишек.

Здесь впервые проверяют наши пермиты. Все в порядке. Закончив с документами, юные КППшники начинают кланчить сигареты у водителя. Минут через пять он сдаётся, и выдаёт из снеди пару подарков.

Через пару часов мы все-таки добираемся до их конечного пункта. Водитель повёл себя неожиданно робко. Стоял мялся, так что, на какой-то момент, мне показалось, что он захочет запросить цену побольше, но, когда я отдал ранее обговорённую сотку, он обрадовался. Из чего я понял, что он попросту сомневался в нашей честности.

Мы зашли в кафешку, в которую наши друзья выгрузили товар, видимо, они что-то типа службы доставки, поскольку, закончив, они сразу же уехали назад. К нашему сожалению, кухни там не было, и нам пришлось довольствоваться супами, типа Доширака, и чаем. Минут через двадцать, залив термос кипятком, выдвигаемся.

Сразу за поселком начинается подъём, преодолев который, мы останавливаемся на прямом участке дороги для лов-

ли попутки. Минут через пятнадцать останавливаем самосвал, в кузове которого едут трое строителей с лопатами. Начинают что-то объяснять, то ли что едут недалеко, то ли что нам будет неудобно.

Пофиг! Закидываем рюкзаки, усаживаемся на них и едем. Начинаю понимать, что долгие объяснения тут ни к чему. Минут через десять водитель нашего самосвала сам останавливает обгоняющий нас микроавтобус и нас пересаживают в него. Я, при этом, вообще не участвовал в переговорах. Так бы почаще!

Водилы едут в Лхасу, даже предлагают нам с ними, но у нас пока другие планы. Денег с нас они не взяли, прям "пруха" пошла!

Прибыв в Менши, начинаем определяться с дальнейшим направлением движения, с тем расчетом, чтобы попасть к горячим источникам Тиртапури. Дело в том, что подробной карты этого района дома я так и не нашёл.

В «Lonely Planet» Натали инфа небогатая. Она знает, что у многих индусов это место как святыня, и они едут туда, так же, как и к Кайласу, даже кору обходят вокруг. Как и где там омываются паломники, она слабо представляла, предполагая, что угодно, от грязной лужи с горячей жижей, до некоего подобия турецкого Памукале, хотя мне и это ни о чём не говорило.

Но, к тому моменту, идея понежиться в горячей воде стала и мне казаться волшебной. Может у неё есть способность гипноза? В запасе у нас ещё полдня, расстояние известно, смешные восемь километров, в Дарчене делать особо нечего, а если повезёт, то мы запросто можем туда вечером добраться и утром выдвинуться на кору.

Решено, посещаем горячие источники.

Менши оказался достаточно большим поселком. Высадили нас на центральном пяточке, образованном расширением дороги на повороте и кучкой лавок, харчевен и постоянных дворишков. Есть неизменная, для подобных посёлков, то ли

воинская часть, то ли просто административный двор, короче, огороженная стеной песчаного цвета группа зданий, с возвышающимся над ними флагом, видимым со всех концов посёлка.

Справа несколько свежевостроенных улочек с одноэтажными зданиями, но они пустынные, только строители копошатся, довершая свою дневную нехитрую работу.

В одном из постоянных дворов видим пару джипов, явно туристических. Заходим внутрь, находим группу немцев,

вольготно развалившихся на дворовой мебелишке и потягивающих пиво.

Натали спрашивает их о чём-то, наверно, в каком направлении горячие источники. Они что-то говорят, но даже ткнуть пальцем в сторону, показывая направление, никто не может. Их везут, они едут. Всё просто. Смотрят с интересом на меня, о чём-то шутят с Натали. Глаза сальные. Я, вообще, воспитанный фильмами о войне, реагирую на немецкую речь неоднозначно. А тут такие морды! Стою, как чурка, пару минут, хлопая глазами. Зову Натали, но она говорит мне возвращаться на площадь, поспрашивать там. Она, мол, сейчас их гида подождёт, и вернётся.

Выйдя, вспоминаю, что лучше взять её путеводитель, может ещё кто англоязычный попадётся, хоть пальцем в слова ткну. Уже у входа во двор слышу, даже не слышу, а чувствую, что-то происходит. Вздохи, охи, шум, треск мебели. Твою ж мать! Сбрасываю на ходу рюкзак, и с холодным ужасом припоминаю, их трое, все под сотню кило, если при виде меня не одумаются сами, без помощи не уйти.

Врываюсь во двор. Всё как в кино, в замедленной съёмке. Кадр за кадром. Слайд шоу. Я слышал о таком эффекте от шока. А картина действительно шоковая.

Натали поднимает с земли рюкзак и, удивлённо, замечает меня. Бюргер, стоявший ещё минуту назад с банкой пива, облокотившись на столб подпирающий кровлю, лежит неудобно упёршись головой в стену. Пыль от его падения ещё не

поднялась полностью, но уже видно, что падал он в жуткой спешке. Надо отдать должное, банку с пивом он не выпустил, и оно, с бульканьем, образовывало лужу на земле.

Двое его друзей так и остались на стульях, которые разъехались по земле, оставив борозды и поменяв вертикальное положение на горизонтальное. Разъехались, словно от взрыва, в эпицентре которого стояла Натали.

– О, ты чего вернулся? Пойдём, нет тут гида.

Она тянет меня за рукав, а я поворачиваю шею не в силах оторваться от картины во дворе. Потом она помогает мне надеть рюкзак и даже отряхивает с него пыль. Я иду как во сне. Они там хоть живые вообще? Что это было, и кто она? Эта её нехорошая улыбочка, когда я уходил. Я сейчас даже вспомнил укол ревности. Ведь мне тогда показалось в ней даже было какое-то кокетство, какое-то обещание и предвкушение. Сексуальность даже. Если быть до конца честным, то это именно ревность вернула меня, а не путеводитель. Я это осознал только сейчас.

Мы пересекли посёлок и вышли на грунтовку.

– Что это там было.

– Ничего. Не люблю хамов.

– Но как?

– Как? – в её глазах слёзы. – Они едут к святым, для тибетцев, местам, оплатив дорогой джип, везущий кусочек их развратного мира, с роскошью и алкоголем. Они наняли местную девушку – гида, которая подрабатывает, обслуживая их

за сто долларов на каждой стоянке, потому что на сто долларов её семья сможет прожить месяц. Именно поэтому она отдыхала, и присоединится к ней они мне предложили. Есть ещё вопросы?

Я молчу, понимая, что с моей тупостью в вопросах, связанных с чувствами, лучше помолчать.

— А если по делу, то сказали, что делать там, по их словам, нечего, просто горячая вода и ничего больше. Это не бэкпэ-керы, это туристы.

Теперь, зная направление, выходим на дорогу. Попутку может и поймаем, а нет, так восемь километров не такое уж и большое расстояние. Идём в нужном направлении, через стройку. Ещё раз поверяемся, по-ленински: "Верной дорогой идём, товарищи?"

По дороге спрашиваю у водителя трактора с прицепом: не подвезет ли? Сначала просит сто пятьдесят, потом сбрасывает до ста двадцати, уже ближе к делу, но по мне, так тут полтинник максимум платить стоит.

Выйдя, наконец, из посёлка, почти сразу попадаем на роскошный вид долины, огибаемой справа дорогой. Вдалеке виднеются полосы воды. Может это и есть Тиртапури? Идём не спеша. За всё время проезжает пара джипов, да смешной местный рокер в ковбойской шляпе и кожанке на мотоцикле. Чёрный, как негр!

Через километров пять, приходим к развилке. Да, неожиданно. "Пойдёшь направо..." – как в сказке прямо. Но жизнь не сказка. Блин, куда джипы свернули, видно не было, а мотоциклист свернул направо, да и там, вдалеке, видятся уже какие-то строения, к тому же, над водой подымается пар. Опять же налево, вдоль дороги, идёт линия электропередач. Но вчера, после Али, такая примета сыграла с нами злую шутку. Выйдя к линии электропередач, мы обнаружили грунтовку, ведущую то ли в Пакистан, то ли в Индию. Короче, совсем не та оказалась дорожка-то. Немного посовещав-

шись и передохнув, выдвигаемся в сторону строений, по дороге направо.

Минут через пятнадцать едет обратно этот черт рокерский. Белоснежная улыбка от уха до уха. Останавливаем. Говорит не туда нам надо было свернуть. Спрашиваю, тут если подняться, выйдем на ту дорогу? Нет, объясняет, ставя ладони одну к другой, но на разном уровне, мол, перепад, обрыв. Прошу подкинуть хотя бы до развилки, тоже не соглашается, показывая на мой рюкзак, который сейчас килограмм двадцать пять и, сокрушаясь, покачивает головой. ну, да, я с рюкзаком – сотня, да Натали – шестьдесят. Боливар не выдержит.

Договариваемся, что Натали до развилки на нем доедет и пойдёт в нужную нам сторону, а я пехом постараюсь, срезая, по возможности её догнать.

С одной стороны, страшно за Натали. Немцы знают куда мы собираемся и могут затеять, что-нибудь нехорошее.

С другой стороны, мне теперь стоит больше за себя, наверно, бояться, а возможно и её бояться больше, чем немцев.

Бреду, с этими мыслями в голове по пыльному следу от мотоцикла, постепенно забирая вправо и вверх. Надо сказать, что на развилке дорога уходила влево слегка вверх, а вправо вниз, как бы разделяемая начинающимся пологим холмом. И это тоже внесло свою лепту, вниз-то идти легче!

Минут через десять взбираюсь наверх, срезав с полкилометра пути к развилке. Вижу Натали возвращающуюся об-

ратно в сторону точки, где мы расстались. Сверху кстати видно, что забраться там на гору не составило бы на самом деле труда, можно было сразу напрямую. Кричу её, благо между нами метров сто от силы, она оборачивается, идёт ко мне. Идя от развилки, она вышла на горочку и, не увидев ничего примечательного, свернула мне навстречу. Начинало темнеть, а искать в темноте друг друга дело далеко не первой необходимости.

Ладно, утро вечера мудрёнее. Решаем, что завтра утром

я налегке сбегаю до посёлка, к которому мы шли пока нас не развернул мотоциклист, который по-видимому оказался, таким же приколистом, что и ребята после Али. Видимо, не все здесь любят путешественников.

Раскладываем палатку, делаем несколько фото на лунном пейзаже. Небо скоро становится ярко-звёздным, каким оно бывает только в горах.

Холодает. Залезаем в палатку, ужинаем всухомятку, благо вода в термосе ещё горячая. Отставание от графика нарастает... Тибетскому рокеру в этот вечер очень сильно икалось...

Встаём рано. Солнце светит ярко. Камни блестят ярким вспышками, отражая солнечный свет поверхностями, ещё недавно, по-видимому, покрытыми инеем.

Вместо утренней зарядки, бегу в посёлок. В одном месте дороге идёт по мостику над речушкой, которую мы видели вчера в виде блестящих полосок. Под мостом умываюсь в ледяной бодрящей воде. Неа, нифига не горячие это были источники! В посёлке общаюсь в палатке с аксакалом, он выводит меня и показывает на строения вдальке – "вон твои источники!" Как мы их не увидели вчера с горы, непонятно. Но отсюда они, как на ладони, даже если бы я оглянулся, когда бежал сюда, сразу выйдя из тени горки, по которой проложена дорога, то непременно бы увидел.

Когда вернулся, Натали ещё даже не закончила паковать вещи. Быстро грузимся. Дорога приводит нас к участку с проволочной оградой, местами поваленной. Местечко, вообще, изрядно потрёпано туристами. Несколько горячих ключей образуют озерко с сероводородными илистыми бело-жёлтыми берегами. Ширина озера метров десять, потом оно сбегает вниз в речку.

Там местные купают чудных жеребцов. Температура воды в самом озере очень высокая, реально окунуть руку в воду можно только на середины ручья. Мы правда, сполоснули

посуду и постирали брюки, но большего применения столь горячей воде, не найдёшь.

В часовенке рядом я обнаружил лишь дряхлого старичка. О том, чтоб найти там какой-либо общепит, пришлось забыть. Сбоку к озеру пристроен бетонный водосток. Передохнув, мы двинулись по нему, видимо на другом конце должно быть более цивилизованное применение такого количества воды.

Через сотню метров мы и правда, пришли к современно-

му зданию. Хозяин, или точнее смотритель, показал нам своё хозяйство. Сервис делится на два направления: номера с ванной, их там штук восемь и два бассейна, каждый с раздевалкой человек на пятнадцать.

И то, и другое, стоит по шестьдесят юаней, с той лишь разницей, что номер на сутки, а бассейн пока не надоест, но без спального места. Остаться ночевать мы точно не будем, и мы выбираем второе. Ночевать тут – только время терять, а я его не намерен тратить. Заваливаемся в раздевалку со всеми вещами. Натали там ещё что-то копается, говорит, что имеет смысл что-то постирать. Дармовая горячая вода!

Мне без разницы! Как змея вылезает из линяющей шкуры, вылезая из своих шмоток, и заныриваю в, кажущийся кипятком, бассейн. Вода, кстати, ещё набирается, и можно лечь затылком на дно так, чтобы нос был над поверхностью. Полный расслабон... Тело чувствует всю нереальность происходящего, а мозг уже не различает где верх, где низ. Почти ошпаренная кожа, высушенная до этого высокогорным воздухом, словно отделяется от мяса. Даже пробивает озноб, и ты уже не понимаешь, жара или холод обжигает тебя. Вода дарит невесомость. Усталость последних дней наваливается всей своей силой. В ушах побулькало, и они наполнились водой, слышу только низкочастотный шум льющейся воды и отдалённые гулкие звуки, отвлекаться на которые нет сил.

Уровень воды чуть поднимается, но голова ещё всплывает, и я по-прежнему парю в невесомости, едва касаясь дна

задом.

Вроде хлопнула дверь. Натали, что-то говорит. Начинаю говорить, и мой собственный голос гулом раздаётся в голове:

– Меня нет, я растворился! Когда сольёшь воду, собери остатки меня и отнеси пожалуйста на кору, будь другом.

Она смеётся, что-то кричит в ответ. Поняв, что я ничего не слышу, заходит в воду. Пара всплесков и она вдруг садится на меня. Пытаюсь подняться, но она удерживает, а я уже знаю, что силы ей не занимать. Она даёт мне ровно столько свободы, чтобы я поднял голову и смог слышать и видеть.

– Я говорю, стираться надо было в душевом отделении. Здесь вам не прачечная, свои труханы в бассейне не полоскать.

Она абсолютно обнажена и настроена явно воинственно.

Антуан де Сент-Экзюпери написал проникновенные строки о воде, которые могут как нельзя более точно выразить мои чувства сегодня.

«Вода! У тебя нет ни вкуса, ни цвета, ни запаха, тебя не опишешь, тобой наслаждаешься, не понимая, что ты такое. Ты не просто необходима для жизни, ты и есть жизнь. С тобой во всём существе разливается блаженство, которое не объяснить только нашими пятью чувствами. Ты возвращаешь нам силы и свойства, на которые мы поставили уже было крест. Твоим милосердием снова отворяются иссякшие родники сердца».

Любовь, настоящая и чистая, не имеет ни вкуса, ни запаха, как и вода. Ты не можешь точно сказать, что в ней тебя пленит. Красота, страсть, запах, но познав её, ты понимаешь, что именно она дарит тебе жизнь.

Соседей в бассейн, столь ранним утром, тут даже при желании не найдёшь. Таким образом, в нашем распоряжении оказался бассейн горячей воды, с забаррикадированной скамьёй дверью. Распарившись, мы бултыхались в нём часа три, выпили пару термосов чаю, заваренного прямо из-под крана. Высушили постиранные вещи и даже немного позагорали.

К полудню лица округлились, как у алкашей с перепоя, и мы потяжелевшие, как губки, впитавшие воду, и нереально отдохнувшие, двинулись в обратный путь в Менши.

Часом ранее сюда заезжали индусы на паре джипов, и я уж думал сесть им на хвост, но они, видимо испугавшись нас, уехали почти сразу. Наверно, от нас за версту несло их родной Кама Сутрой.

Таким образом, путь назад мы тоже проделали пехом. В Менши стояла целая куча машин, но попутку с ходу найти не удалось, и мы зашли перекусить в кафешку. К моему облегчению, немцев тоже не было. Поболтали с велотуристом из Гонконга. Отдохнули, в ожидании своего мяса с овощами, получили разгоняй от хозяйки за то, что умыли руки видимо питьевой водой и двинули дальше, теперь уже к Кайласу.

Прямо на выходе из посёлка видим джип и колоритного мужика, одетого в сомбреро, улыбающегося золотым оscalом и садящегося в машину. Салон машины тоже украшен в мексикано-индейском стиле, всякие амулетики и косички.

Скорее всего, у тибетцев есть определённая мода на индейскую тематику, сомбреро повсеместны, разные лохматушки на одежде, разве что, мокасин и томагавков не видел.

Помню, в детстве, нас тоже попотчевали вдоволь ГДРовскими фильмами про справедливую борьбу Чингачгука и Виннету за свободу индейского народа. После них, наделав копий и томагавков, детворой носились мы с дикими крика-

ми «у- у- у- у- у!!!» по дворам. Может, и здесь, в то время, тоже немецкие сериалы были в моде?

Спрашиваю:

– Канг Римпоче?

Улыбаясь кивает.

– Подкинешь?

– Нет, бесплатно нет.

Просит двести юаней. Ссылаясь на дружбу Мао и Сталина, договариваемся на стошку за проезд до Дарчена.

Дорога извивается по склонам, через мосты над речушками, которые, видимо, становятся в период дождей бурными потоками, так как размер мостов никак не вяжется с их сегодняшним руслом.

Практически везде идёт стройка. Асфальта нет, но свежеложенный гравий позволяет ехать довольно быстро.

На одном из подъёмов наш железный конь начинает захлёбываться. Картина здесь нередкая, на высоту четыре с половиной километров даже надежные лэндкрузеры не рассчитаны.

Но у нашего водителя всё рассчитано, имеется даже помпа для продувки топливного насоса. В течении пяти минут реанимационные мероприятия приводят к нужному результату, правда, нам придётся ещё пару раз вставать и вновь проделывать всю процедуру с начала.

Ехать тут меньше семидесяти километров и, в принципе, при удачном раскладе, можно выйти сегодня на кору. Отставание от моего графика у нас уже трое суток, но, исходя из предыдущего опыта, я думаю, что нам вполне по силам пройти кору за сутки-полтора, как это делают местные паломники, а не за трое и больше суток, как европейцы.

Глава восьмая. Кора.

С крыши, разумеется, звёзды видны лучше, чем из окон,

и поэтому можно только удивляться, что так мало людей живёт на крышах. (с)

«Мальши и Карлсон, который живёт на крыше». Астрид Линдгрен.

Где-то на полпути из Менши в Дарчен, справа, открывается вид на величественную гору Гурла Мандхата. Она, не в пример Кайласу, одинаково называется, как европейцами, так и местными, и мой водитель радостно тычет пальцем в сторону огромного массива гор, покрытых снежными шапками: «Гурла Мандхата!»

Чуть позже, он тычет пальцем в другую сторону, туда, где видна лишь куча туч и грозовые разряды. В редкие моменты, в просветах туч виднеется, характерная для Кайласа, слоистая структура треугольной шапки. Так и вырывается вздох из груди: «Ничего себе, что это там над Кайласом творится!? Не хотел бы я там, сейчас, на коре оказаться!»

Через полчаса водитель останавливается. Кайлас хорошо виден, но до Дарчена ещё далековато. «Друг, мы так не договаривались!»

Но он знаками объясняет, что дорога в посёлок закрыта. «Я-то знаю, что ты, друг, лукавишь! Шлагбаум действительно есть, но он у самого посёлка, просто за машину там, наверняка, надо платить, и тебя, даже если ты внутрь не поедешь, могут прихватить!»

Пытаюсь даже пригрозить не заплатить, но тут уже он вспоминает о порядочности и исполнительности, машет го-

ловой и готов серьёзно стоять на своём, грозит пальцем. Показывает рукой, что нам лучше обойти дорогу стороной, заходя слева и обходя посёлок, в сторону виднеющейся вдалеке строительной техники. Там мы сразу выйдем на второй километр коры.

Ладно, черт с тобой, неохота ругаться, уж больно ты на шамана похож! Только что черепов в машине не развешано... Нашлёшь ещё напасть какую, в виде морока, район-то мистический – «...там чудеса, там леший бродит!»

Расходимся по-хорошему. Причём, он расходится, а точнее разъезжается, по хорошей дороге и на машине, а мы идём в долину на подступах к Дарчену, пересечённую многочисленными, после ливней на склонах Кайласа, ручьями.

Вспоминаю в связи с этим, что в окрестностях Кайласа располагаются истоки четырёх великих рек Азии. Инд на севере, Брахмапутра на востоке, Ганг на юге и Сатледж на западе. Так что, чего-чего, а воды здесь хватает.

Обходя эти многочисленные водные препятствия, несколько раз поворачивая назад, упираясь в непроходимые участки широких и стремительных разливов, идём, кругами, к посёлку.

В нескольких местах перепрыгиваем неширокие протоки, предварительно перекинув рюкзаки. Где-то, скинув несколько крупных глыб, делаю переправы для того, чтобы в несколько шагов, по заливаемым водою камням перейти туда, откуда, как уже кажется, рукой подать до хорошей тропы. Но нет, в конце концов упираемся в непреодолимые, по

крайней мере для прохода посуху, участка.

Плюю на всё, щедро одаривая всё подряд крепким словом, перехожу несколько протоков почти по пояс в воде, сначала с рюкзаками, потом с Натали на закорках, всё-таки сушить одну пару обуви, вместо двух, хоть маленький, но плюс. Благо не впервой. Назад поворачивать и возвращаться на дорогу просто сил нет.

На предпоследней переправе течение ручья настолько сильное, что все-таки у самого берега сбивает меня с ног, и мы полу-садимся, полу-ложимся на кромку воды, намочив даже брюки и вещи Натали. Досаду не скрашивают даже первые фотографии на фоне открывшегося от облачности Кайласа.

– Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт! – так гласит народная поговорка. Я, весь в предвкушении поступить, как умный и пройти кору вокруг Кайласа. Хотя может всё так сложилось лишь потому, что я должен был встретить Натали. И судьба заманила меня сюда с этой благородной целью. В любом случае, сегодня выдвигаться на кору уже поздно.

Промокнув и устав, потеряв кучу времени, меняем наши первоначальные планы. Решаем на ночёвку встать в Дарчене, а завтра, оставив все вещи у хозяев ночлежки, в которой я надеюсь устроится на ночёвку, попытаюсь налегке пройти

кору за день.

Мой восьмидесятилитровый рюкзак хоть и худеет постепенно, но изрядно меня утомил. Поход к горячим источникам составил двадцать километров и с отдыхом, но этот дом на горбе давил тогда с каждым километром сильнее и сильнее.

Акклиматизировались мы уже по полной программе и, если налегке, готовы к очень быстрому маршу. Конечно, кора – это не место для соревнований на время, но так хочется быстрее всё осмотреть, а потом уже, не спеша, проникаться атмосферой местных монастырей и искать места силы.

Дело в том, что существует ещё и внутренняя кора к монастырю у стены Кайласа. Но заходить в эту внутреннюю область разрешено только тем, кто уже прошёл внешнюю кору, и, вроде даже, не один раз. Пройдя кору за день, да ещё и в полнолуние, мы заработаем себе такой пропуск. Может, конечно, и кажется чушью, но в чужой монастырь со своим уставом не лезь.

Подошли мы чуть поближе к посёлку, разложили палатку. Натали как-то выглядит настороженно. Может, немцев остерегается снова побить? Может, просто устала. Переоделись в сухое. Я – поверх сухих носков пакеты, а уже потом в обувь. А то кроссовки совсем сырые, носки промокнули снова, не успев дать ногам согреться и насладиться сухостью. Может, в посёлке какую обувь куплю, воспользуюсь-таки благами цивилизации, а то, понадеявшись на качество «Ессо», я по-

ехал без запасной пары обуви.

Вообще, это закон для любого уважающего себя туриста. У тебя всегда должны быть, припрятанные в надёжное место и сухие, спички и носки.

Забраться бы на возвышающуюся над поселком гору, вид оттуда на Гурла Мандхата красивый, панорамный, но погода не очень, да и вечер уже надвигается. Натали, как я уже сказал, не горит желанием идти в посёлок. Будь погода чуть получше, она, пожалуй, потащила бы меня сразу на кору, но

у меня рюкзак побольше, да и промок я основательнее. А погода над горой – мрак. Оставляю её отдыхать с вещами, налегке иду на разведку в посёлок.

– Аккуратнее там. Возвращайся до темноты.

Дарчен быстро меняется последние годы. Из маленькой деревеньки кочевников он разросся до посёлка, где появились целые улочки однотипных домиков, пока незаселённых, с магазинчиками, кафе и автомастерскими. Экспансия Китая даёт о себе знать. Прямо под горой вижу новую гостиницу. Она ближе всего к нам и тропе, начинающей кору. Иду туда.

В самом отеле признаков жизни нет, иду вниз к посёлку, навстречу идут европейка и местного вида молодой человек. Обращаюсь к нему по-китайски, где, мол, персонал отеля, мне нужна комната. Оказалось, он непалец, а женщина рядом с ним, не туристка, каковой она по идее должна быть, а хозяйка этого отеля. Натали, с её английским, пригодилась бы сейчас.

Спрашиваю, через него, о возможности устроиться на ночлег. Говорит, что номеров нет, но есть койки в шестиместном номере, а соседи вполне приличные интеллигентные гиды и шофёра.

Так сразу и представил себе белоснежные перчатки и манишки. Стоит одно койко-место восемьдесят юаней. В Шанхае, в отеле «Астория» такое место может и сто юаней стоить, но это Астория! Там останавливались Чарли Чаплин,

Эйнштейн, кто-то из штатовских президентов! Да и, вообще, Шанхай – один из самых дорогих китайских городов.

Высказываюсь по поводу явной дороговизны их отеля по тибетским меркам. Да и будь я один, я ещё бы рассмотрел такой вариант, а вот нам, парой, четверо соседей совсем некстати. Точно ситуация, когда «с милым, и в шалаше рай».

На моё замечание она очень темпераментно начинает меня зазывать посмотреть, как они всё тут устроили на европейском уровне, и душ у них с горячей водой, и кровати удобные. А я просто в шоке...

Ответил ей лишь, что если она считает, что люди приезжают сюда за тысячи километров от цивилизации для того, чтоб посмотреть, как они похабят самую идею стремления людей очистить себя во время прохождения коры, чуточку вырасти в духовном плане, то она явно ошибается.

Живущие здесь верят, что долгий путь к святым местам очищает их от сотворённого ими зла. Они верят, что чем трудней дорога, тем глубже очищение. Здесь время стоит на месте, а всё остальное движется, и поэтому, они не торопятся к благам нашего мира.

Буддисты считают, что основное отличие нашей культуры от их в том, что мы славим тех, кто покоряет вершины, а они поклоняются тому, кто отрёкся от всего.

В глазах непальца, переводящего мои попытки устыдить необуддистку, искрятся смешинки – не в те уши ты, простачок, воду льёшь! Но я продолжаю, лишь сожалея, что эта

нелепая цепочка перевода не передаст моего посыла на сто процентов.

Миллионы ни о чем не заботящихся, кроме себя, своих привилегий, равнодушных паразитов, без совести, морали, долга, в своём праздном безделье потянулись к восточной культуре. Но при этом, они уклоняются от своих прямых обязанностей по улучшению окружающего их мира и берут себе в сотни раз больше, чем даётся человеку здесь.

Слышу, почему-то знакомое слово, на английском:

– Crazy!

Но пройдя дальше, вглубь посёлка, понимаю, что это была лишь частичка всеобщей картины туристической бизнес-интервенции. Посёлок забит джипами, от стареньких лэндкрузеров, до новейших тойот, хонд и лексусов. Такое увидишь, у нас, только у банков или администраций.

Посёлок просто кишит индусами, европейцами и прочими туристами. Думаю, о том, что тут могут быть и наши немецкие "друзья". Первые десять километров коры такие паломники проезжают на машинах, а за семь километров до Дарчена их уже снова встречают. Их вещи несут непрофессиональные носильщики, именующие себя шерпами.

Правда, в основном, эти носильщики преклонного возраста и не имеющие никакого отношения к настоящим шерпам. Я представляю, какого мнения об европейцах местное население, среди которых есть уникамы, проделывающие кору

протираниями, то есть ложаешь, простирая руки вперёд, затем подымаясь на место до куда дотянулись руки, и так далее, и далее, две-три недели...

Конечно, это может быть перебор, но тот уровень комфорта, который теперь предлагает проникший в эти края туристический бизнес, делает из самой идеи коры нелепицу. Я не удивлюсь, если через несколько лет будет проложено шоссе, по которому можно будет непринуждённо, под рассказ гида, проехать кору за пару часов. Остановившись, разве что пару раз, на площадках для фотосессий с красивыми панорамами.

По легенде человек, проделавший сто восемь кор, мгновенно попадает в нирвану, но местные говорят, что есть среди них проделавшие по две-три сотни кор с вещами туристов на горбу, но всё же не покинувшие наши плотные ряды грешников...

Сунувшись ещё в пару дворов, я убедился, что ловить особо нечего, туристический сезон в разгаре – мест нет, и решил возвращаться к Натали. Шёл я назад не то чтобы в подавленном настроении, но в не самом весёлом уж точно.

Ощущение было такое, как если бы ты пришёл к старому другу в гости, несколько лет не видя его. А на пороге тебя встречает его сварливая жена, типа пол помыт, да и, вообще, евроремонт. А друг оказывается серьёзно болен, и семье не особо понятен со своими разговорами о душе и стремлениях к лучшему. Да и друзья уже надоели его семье – ходят тут, топчут.

И вот, ты сидишь с ним на кухне, и полушёпотом вспоминаешь, как мечтали о путешествиях в старые добрые времена, приободряешь его, а сам думаешь уже о том, как неудобно получилось. И друга вроде жалко, и уйти бы как-нибудь по-тихому, чтоб никогда больше не возвращаться...

Возвращаясь, слышу в палатке оживлённый разговор. Странно, за всю нашу совместную поездку не помню, чтобы она с кем-то шла на контакт без крайней необходимости. А

тем более, чтобы пригласила кого-то к себе. Разве, когда я её просил и нужен был её английский для получения информации, и то, один из редких случаев её общения закончился невербальным контактом, а попросту, памятным мне мордобоем.

Разговор идёт на английском, приблизившись, слышу это уже чётко. И только у самой палатки понимаю, что говорит только Натали.

Одичал я совсем, забыл, что в мире существует телефонная связь! Надо и свой включить, наверно пропущенных звонков от... А от кого собственно? Макар по работе, если какие-то проблемы. Ну и Нина, её сердце наверняка почувало угрозу. Уж очень в ней укоренилось чувство собственности на мою скромную персону, даже после развода.

А вот о том, что у Натали есть семья, родные, друзья, а может и кто-то ближе, я только сейчас задумался всерьёз.

Я же понимаю, что у столь неординарной, красивой и... Да, чего там говорить, я до сих пор не понимаю, как, вообще, такая девушка как она, в принципе, могла хотя бы обратить на меня внимание. Не говоря уже о чувствах, в которых я ничего не понимаю. Конечно, народная мудрость гласит, что любовь зла...

Нет, в своих-то чувствах я уверен. Всё, что я сейчас переживаю, можно описать только цитатой из «Фауста»: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!»

А если серьёзно, что дальше? Для меня.

Допустим, ну чисто гипотетически, что я действительно стал объектом её внимания. Даже желания. Язык не поворачивается, а мозг отказывается воспринимать всерьёз слово любовь, когда речь идёт о ней и обо мне.

Ну ладно, предположим, звёзды так сошлись. Есть ведь гипоксия, солнечный удар, культурный шок. Спасибо тебе, Тибет, с твоим высокогорным климатом.

Опять же, надо признать, элемент шизанутости в ней есть. Для меня, как для человека, принадлежащего к этой же немногочисленной человеческой группе, это предельно ясно.

И да, не надо скидывать со счетов тот факт, а теперь я знаю точно, что, когда касается дела помахать руками, ногами или... А кстати, я же так до сих пор не знаю, чем она там валила этих бургеров.

Как бы то ни было, возможно, она накануне встречи со мной была менее удачлива в схватке со злом и получила сотрясение мозга средней тяжести.

Это, в принципе, может логически объяснить факт наших отношений и, допустим, она действительно готова связать свою жизнь, после этой поездки, со мной, хотя бы на какое-то время.

Допустим. И вот мы предстаём перед её родителями, друзьями или кем-то там ещё, вдвоём.

«– Здравствуйте! Это – Вениамин. Он не говорит, по-английски, но оно и лучше, потому что он е***тый на всю го-

лову. Примеры этого не заставят себя ждать, можете не запасаться терпением. И да, мы познакомились в поездке, против которой вы все были. И, приготовьтесь, кульминация, апофеоз.

Та-дам-с! Барабанная дробь! Овации.

– Он русский и живёт на крайнем Севере.»

Мама в обмороке, папа какает капли (в английском, интересно, масло масляное бывает?) и ищет нашатырь (интересно, есть он у них в Англии? Может стоит привезти с собой?)

Прислушиваюсь, судя по интонации, она спорит о чём-то или с чем-то не соглашается. Количество «Ноу», в её речи, просто зашкаливает.

Ладно, надо залезать внутрь, а то получается, что я подслушиваю, хоть я и не понимаю её языка, особенно в её прозношении.

Заглядываю внутрь. Она улыбается и кивком головы приглашает внутрь, правда тут же прикладывает указательный палец к губам: «Тишина!» Брови насупила, но глаза и губы при этом улыбаются.

В трубке слышен мужской баритон. Поговорив с минуту и не услышав возражений, голос воскликнул:

– Нэт, Нэт!

– Йес, анкл Анхи. Ай хэв ту гоу. Бай.

Она закончила разговор, не выслушав ответа.

– Лучше бы я не включала чёртову мобилу! Я с детства не получала столько нотаций и нравоучений. Родители, дя-

дя. Нельзя было говорить, что связи скорее всего не будет. Скажи, что её точно не будет и причём месяц минимум, и всё. Так нет же. «Я потеряла вещи и деньги, я связалась с бандитами, я упала в пропасть!» Ну почему фантазии родителей всегда направлены только в эту сторону.

– Отчасти они правы. Ты связалась с непонятным типом. Я бы на их месте начал бы серьёзно волноваться! – Попытаюсь смягчить её жалобы.

– Кстати, о поведении этого типа! Вы, молодой человек, носили меня сегодня почти на руках, и при этом, в итоге, заставили мои трусики повлажнеть. Уважающий себя джентльмен просто так не заводит девушку! Я призываю вас к ответу и действию.

– Джентльмен, для начала, должен сводить девушку в экзотический ресторан отужинать! Можно даже отметить бутылочкой вина.

– Думаю ничего кроме пива «Тан» джентльмен тут не найдёт. Но само предложение заманчиво. Дама в вашем полном распоряжении! Ищу платье для коктейля.

За то недолгое время что мы вместе, наша речь превратилась в полный винегрет. Натали уловила основную суть заимствования слов из её родного словарного запаса в мой скудный словарик английского, и уверенно вставляла в наше общение слова «джентльмен», «ресторан» или, например, «beer», неизвестно как засевшее в немногих из известных мне слов на английском.

Кроме того, она сама начала использовать некоторые русские: давай, пошли, здрасьте. Причём «здрасьте» именно в смысле, «ну да, конечно», а не как приветствие. Нормальный человек, услышав нашу смесь китайского, английского и русского, непременно бы впал в ступор.

Я, уточняя с целью обучения, спрашиваю:

– Анкл – это же дядя?

– Твой английский с каждым днём всё лучше! Да. Анхи, очень хороший друг семьи, хоть и не родной мой дядя. Я

помню его, сколько себя помню. Он относился ко мне, как к родной дочери. Надеюсь, тебе он понравится.

– Ладно, пойдём. Поболтаем за ужином, а то темнеет в горах быстро. А потом и холодает, а нам ещё надо успеть надуть коврики, забраться в спальник и смотреть на звёздное небо, если конечно, облака развеются.

– Слушаюсь и повинуюсь, мой мистер романтик!

По дороге в посёлок, я поделился с Натали своими неведёными наблюдениями о Дарчене.

Перекусили мы в первой же попавшейся кафешке, не помню уж и чем, не иначе, как лапшой заварной, потому как заведение уже готовилось к закрытию. С собой набрали термос кипятка. Услуга, кстати, здесь повсеместная. Для гостей всегда заготовлены большие термоса с кипятком. Для клиентов бесплатно.

Короче, в этот вечер официальная часть вышла так себе. Романтика на троечку. Но ведь это Тибет – крыша мира, тут многое простительно. В довершении всего, вышли оттуда, а на улице уже темень. Зашли в пару магазинчиков, но купили лишь пару бутылок чая на завтрашнюю кору.

Рядом с одним из них видел, кстати, сиротливо стоящие кроссовки, пожалуй, на данный момент, как минимум за счёт сухости, находящиеся в лучшем состоянии нежели мои. Но, что-то всё же остановило меня от заимствования. В самом магазине обувь не продаётся, черт его знает, может и не выкинуты они, а сушатся просто или воняют слишком, чтоб

в магазин в них входить. Да и подцепишь ещё чего похуже грибов. Ладно, подсохнут мои Эко и буду я – первый парень на деревне.

Поспрашивали про интернет, но безрезультатно. В магазинах, в отличии от остального Тибета мной до сих пор увиденного, повсеместно надписи, типа международные звонки, но уже как-то раз, кошелёк оставил в таком месте. Нехорошая теперь ассоциация у меня со звонками на родину из магазинов. Да и Натали предложила со своего позвонить. Мой-то так и не видит сети, стандарт тут свой CDMA, что ли. Натали сразу, как въехала в Китай, купила аппарат подходящий и симку.

Двинули назад, и тут я обнаружил, что рюкзачок, с самым необходимым и ценным, в частности с фонариком, из-за которого сейчас он и вспомнился, а также фото и видео камеры, мы забыли в палатке. Из осветительных приборов только подсветка GPS, в который мы тоже, совсем непредусмотрительно, не занесли координаты палатки. Короче, расслабились, как туристы-пакетники. Облачность такая, что даже полная луна, не проглядывается через неё.

Решили идти вдоль тропинки цепью из всех имеющихся, двух человек, метрах в двадцати друг от друга. Палатка должна быть максимум метрах в ста – ста пятидесяти. Мимо не пройдем, правда если эта тропинка именно та, у которой мы остановились. Ну, и если палатку ещё никто не упёр. Как гласит китайская поговорка: "Трудно найти чёрную кошку,

в темной комнате, особенно если её там нет..."

Но всё обошлось, и через десять минут мы обнаружили треугольный силуэт моей палатки free time Isis 2, купленной на распродаже. Жутко дешёвой, но от этого не переставшей быть супер ценной для нас в эту ночь, как и во все другие ночи, проведённые в ней. Родненькая, уютная и тёплая. Все вещи, как и следовало ожидать, на месте. С помощью GPS вычисляю время восхода солнца в данной точке и ставлю будильник.

Утром перенесём палатку к точке прихода тропинки с коры в посёлок, и выдвинемся вместе с первыми пилигримами, с тем чтоб уже вечером прийти в палатку, пройдя пятидесятитрёхкилометровую кору. Встав в восемь утра, думаю к восьми вечера вернуться, ну, плюс пара-тройка часов запаса. Надеюсь, палатка нас дождётся...

Потом мы вытащили свои коврики и наблюдали, как с приходом холода облачность осела на землю, на камни, и, заодно, на нас. А потом небо стало ясным и чистым, таким, каким оно может быть только здесь, в горах. На высоте в четыре тысячи пятьсот метров. На небе невероятно много звёзд, оно просто усеяно ими. Я даже затушил нашу горелку, гревшую палатку для сна.

Я понимаю, что мы, за эти несколько дней, всего лишь на четыре километра придвинулись к звёздам, что ничтожно мало по вселенским масштабам, но мне кажется, что звёзды придвинулись к нам и, стоит только протянуть руку, ты мо-

жешь дотронуться до них. Болтаем об этом и ещё о всякой ерунде. Потом целуемся, ни как в книгах, страстно и жадно, а как положено здесь, в условиях разряженного воздуха, лениво и неспешно, болтая всякие глупости на ухо по очереди.

Когда становится совсем холодно перебираемся в палатку.

– Если ты думаешь, что я согласна на использование тебя исключительно в роли грелки, то ты ошибаешься. У меня не сегодня-завтра последний безопасный день. Я использую его, даже если мне придётся использовать тебя спящего.

"Со мной все дни безопасны." – пронеслось в голове, но, я хоть и странный, но не идиот. Ну или идиот, не отказыва-

ющийся быть счастливым...

Проснувшись утром понимаю, что местные начинают ко-ру раньше восхода. Сумерки ещё едва позволяют различать предметы внутри палатки, а по тропе уже слышны торопливые шаги ранних пташек. Слегка перекусываем, используя набранный вчера в термос кипяток. Одеваемся, пакуемся, выходим. Нынешняя дислокация палатки, прямо скажем, неудачная, тропинки идут по обе стороны от неё, и она невольно вызвала бы здесь, рано или поздно, интерес.

Переносим палатку, не складывая, на другой конец посёлка. Ставим в укромное, насколько это возможно, местечко, не ставя даже растяжки. Подпираю вход изнутри рюкзаком... Ладно, верить надо людям! Рядом стоит тройка джипов с развёрнутой с кормы здоровой палаткой армейского образца.

Место, даже в едва начинающемся рассвете, выглядит конкретной мусоркой. С одной стороны, может оно и верно, что вытесняют отели палаточников. Хотя возможно, сами отели не гнушаются скидывать мусор сюда же. Ладно, ночевать, если что, переберёмся в место почище, может даже на горку, возвышающуюся над Дарченом. Наверно, там будет прикольно встретить завтрашний рассвет. Хотя, опять же, вернёмся мы скорее всего в темноте, так как утренние сборы заняли времени больше, чем планировалось, и особо выбирать место стоянки не приходится.

Взяв мелкие рюкзаки, с самым необходимым и ценным,

выдвигаемся на кору. К этому времени уже совсем просветлело, и видим на тропе несколько путников. Спереди их гораздо больше, чем позади нас. Темп ходьбы довольно быстрый. Мы, с нашей фото- и видеосъёмкой, скоро оказываемся замыкающими.

Пройдя первый перевал, который, как и положено, весь буквально обмотан молитвенными флагами, спускаемся в долину. Здесь уже показывается краешек Кайласа. В долине находится ступа с проходом в ней, символизирующая, собственно, начало священнодействия коры.

Вокруг неё разложены многочисленные камни с высеченными тибетскими письменами. Наверно, только здесь, в Тибете, длинными зимними вечерами, человек способен творить такое, чтоб потом принести сюда и так просто оставить.

Слева словно прилип к горе, кажущийся отсюда крошечным, монастырь Чугу Гомпа. Обычно, в ходе трёхдневной керы, его можно посетить. Хотя тибетские монастыри зачастую открыты только ранним утром, а подняться по крутой

тропинке в пару сотен метров, чтоб повернуть назад, поцеловав замок, невесёлая перспектива.

Но у нас времени пока нет, поэтому, следуем далее.

В этой же долине стоит знаменитый столб, некое неодушевлённое подобие американского сурка, предсказывающего погоду на весну. Этот столб устанавливают каждый год, и по его поведению судят о том, что сулит нам будущее.

Вообще, думать о коре, как о духовном перевороте, стало теперь достаточно тяжело, в том плане, что всё, что я узнавал о ней и о местных достопримечательностях, теперь кажется просто красивой легендой.

К тому же теперь, непосредственно прикоснувшись к этому фольклору, начинаешь относиться с некоторой иронией (подобно легенде о ста восьми корах, дарящих просветление). Если я вдруг оскорбляю чьи-то искренние и трепетные чувства, прошу извинить заранее. Описываю просто свои впечатления, как есть.

На повороте тропы, как раз под монастырём, развернут небольшой палаточный городок. Здесь же заканчивается приемлемая автодорога. У местных здесь место привала, но мы идём дальше, перекусим попозже, идти на сытый желудок тяжелее, да и время обеда ещё не пришло.

Незадолго до полудня тропа выходит на берег резвой речушки. Уж и не знаю какой из четырёх великих именно. Нас, песчинок мироздания, интересовал этот конкретный ручеёк, берущий начало с ледника, и привлекал он нас своей леденящей освежающей прохладой. Утром, в Дарчене, не было ни условий, ни времени, для того, чтобы привести себя в порядок. Только здесь, умываясь ледяной водой, просыпаюсь до конца, а то, как говорится: "Поднять подняли, а разбудить забыли!"

В районе монастыря Чугу Гомпа тропа раздваивается на две, по разные стороны реки. Правая тропа идёт практически по склону горы, с небольшими подъёмами и спусками. Левая же, идёт по долине реки, напрямки, и чуть в отдалении от Кайласа.

Возможно, вид оттуда открывается более панорамный и

впечатляющий. Чтобы понять великое, надо взглянуть на него издалека, так сказать. Опять же, левая тропа через три часа выходит прямо к монастырю Дирапук. Но вчерашний урок преодоления многочисленных водных проток разлившейся из-за дождей реки, удержал нас от левого пути. Как бы он не оказался действительно "левым".

Мои кроссовки и так, после вчерашних приключений, начали просить каши. Придётся, наверно, уже точно решать эту проблему здесь в Дарчене, а не в окрестностях Эвереста, где, по моему генеральному плану, хотелось бы побывать, а с альпинисткой экипировкой должно быть лучше.

После привала с помывкой, к нам в компанию, присоединяется собака, одна из многочисленных здешних обитательниц. Говорят, собак тянет сюда мощное энергетическое поле. Ещё говорят, что это реинкарнации плохих людей, вселившихся, за свои грехи, в собак и теперь пытающихся здесь снять с себя сие проклятие. Но наша спутница оказалась очень даже миролюбивой. Спокойно перенесла фотосессию и даже конфетку приняла из рук Натали, как-то стеснительно.

Чуть позже полудня приходим в местечко Донканг. Здесь пара стационарных палаток, гордо именуемых ресторанами. Делаем привал для обеда. У одного такого заведения надпись «Tibetan restaurant» и куча ячих навозных лепёшек рядом.

Говорят, что дождь смывает основное содержимое, и остаётся только растительная основа, типа прессованной соломы. Экологически чистое топливо и, практически, единственное доступное в здешних краях.

Так вот, хозяйка ресторана довольно непринуждённо пре-

рывает, периодически, свои занятия стряпней, кладёт одну такую лепёшку в печурку и возвращается к своей стряпне. И между этими занятиями ничего, даже вытирания рук о замызганный фартук. Необычный для европейца подход к чистоте в кулинарии.

Ещё не стоит забывать, что вода в горах кипит не при ста градусах, и даже не при девяносто, как может думать об этом советский прапорщик, перепутав с прямым углом. Поэтому относится к кипячёной воде, как к воде в которой умерла вся

флора и фауна, здесь неразумно.

Говорят, можно предварительно дезинфицировать желудок небольшим количеством спиртного, а лучше даже спиртом. Не знаю насколько это действительно помогает, но мне бы сейчас немного настойки с перцем и с мёдом, точно не помешало бы. И продезинфицироваться, и согревает неплохо, да и отметить образовавшееся настроение можно.

Исходя из опыта наблюдений о местной гигиене, в местечке Донканг мы взяли пару мисок быстро заварной, фабричной и потому дающей шанс не подцепить лямблиоз и прочих "прелестей", лапши. Едим неспешно, в палатке столов и скамеек человек на двадцать, но сейчас мы одни.

Местные здесь не засиживаются, уже все впереди, а туристы ещё не дошли. Оно и понятно, их цель – первая стоянка в Дирапуке. Прийти туда надо часам к шести вечера, и делать там особо тоже нечего, если повезёт, пообщаться с монахами в монастыре или, если есть силы, пройти к Кайласу, под его стену. Туда, где по слухам есть линзы времени и зеркала, именуемые в честь какого-то физика.

Соответственно и торопиться никто не хочет. Ну, а мы, пообщавшись немного с хозяйкой заведения, а ещё больше с её маленькой дочерью лет пяти, которой мы подарили мой значок с советской тематикой за её любовь петь песни, выдвигаемся в путь.

В районе трёх, прибываем к стоянке у Дирапука. По стороне монастыря видна автомобильная дорога. Сделав

несколько снимков идём дальше, направо, к бревенчатому мостику через бурлящий поток.

Перескочив на другой берег, тропинка начинает неспешный подъём в гору. Вернее, набор высоты был и раньше, но он был едва заметен, да и перемежался иногда спусками. Теперь же, пейзаж впереди представляет собой сплошной подъём, и конца, и края ему, в ближайшем будущем, не предвидится.

Высота уже за пять километров. Иду неспешно, поэтому Натали всё больше отрывается вперёд. Я-то помню, что самый трудный участок должен быть метров двести под самым перевалом, там надо быть свежим, и дышать там будешь три вдоха-выдоха на каждый шаг, а не наоборот, как сейчас.

Тем временем, останавливаясь для съёмки пейзажа и оглядываясь назад вижу, что сзади погода существенно портится.

В самом начале подъёма нам на встречу попала группа местных пилигримов. Идущие против часовой стрелки встречаются редко, и думаю, те ребята сейчас, как раз в этом фронте, не то тумана, не то снега. Но одно дело попасть в природные напасти на спуске и в пяти минутах от укрытия в Дирапуке, и совсем другое, если мы не успеем перейти перевал, до того, как это нечто нас догонит, а идёт оно явно в нашу сторону.

К тому же, не думаю, что с другой стороны перевала есть, что-либо типа палатки общепита, хотя бы. Дело в том, что

основная масса людей идёт кору по направлению часовой стрелки, а европейцы, а стало быть и наиболее привлекательные клиенты, сто процентов, идут так. Отдыхают все, а многие и ночуют, перед перевалом в Дирапуке, а после перевала, воодушевлённые, так сказать, "усталые, но довольные", идут к следующему монастырю километров десять. Надеюсь, моя логика окажется неправа.

Как-то тревожно становится от всех этих мыслей. На нас не особо непромокаемые куртки.

Мысли имеют свойство материализоваться. Теперь я знаю это точно!

Не прошло и четверти часа, как нас нагнала и обогнала туча, одарив сначала мокрым ледяным дождём, потом мокрым снегом, который был, кстати, приятней ледяных дождевых потоков, а в довершение всего этого мщения, за дерзость прийти сюда, в первый день пути, пошёл град, как рис, подаваемый здесь повсеместно, как гарнир. Каково же будет основное блюдо?

Камни моментально покрылись белым покрывалом, тропинка стала едва угадываемой, а порою и просто невидимой. Единственным ориентиром направления, стали сложенные из камней традиционные пирамидки, украшенные порой шляпой, а то и ячьим черепом.

У тибетцев есть такая традиция, на кору они одевают старые, отслужившие своё, вещи и, пройдя перевал, они их выкидывают, символизируя тем самым, что они оставляют грехи своей предыдущей жизни здесь. Один из таких грехов, видимо состоятельного тибетца, в виде синтепонового плаща с нейлоновым верхом, я накинул на себя сразу, как понял, что от дождя нам не убежать.

К моему немалому облегчению, весь этот разгул непогоды длился минут десять, и, хотя и произвёл должное впечатление, но серьёзного ущерба не нанёс.

Хотели впечатлений? Получите, распишитесь. Вещи катастрофически не промокли, основной удар приняли рюкза-

ки. Минут через пять, мы взбираемся к подножию какой-то вершинки. Внизу в снегу виднеется озеро. По описаниям, прочитанным накануне о перевале, всё страшно похоже на самый высокий перевал. И хотя по GPS ещё только пять тысяч пятьсот метров, вместо положенных пять тысяч семьсот шестьдесят, надеюсь, что мы почти у цели, и предлагаю перевал.

Словно по волшебству, из-за облака выходит солнышко, и уже с трудом верится в реальность того разгула непогоды, который был каких-то двадцать минут назад. Стряхнув снег с курток, достаём газовую горелку и греемся. Мои запасные сухие носки Натали одевает, как варежки, на руки. Обхватив её, сажу, в свою очередь охватывая вдвоём тепло горелки. Почти уютно.

Настроение сразу поднимается. От куртки Натали идёт пар, всё-таки она промокла, несмотря на технологию гортекс, хотя и не так, как её брюки, которые ниже коленей пришлось выжимать.

Согревшись и выдвинувшись дальше понимаем, что и озеро не то, что должно быть у вершины, да и до главного перевала ещё не дошли. Но, с хорошим настроением идётся значительно легче. Вскоре выходим на верхнюю точку нашей коры, буквально замотанную ритуальными флагами. Озеро значительно крупнее, а предыдущего, видимо, до ливней во-

обще не было. Оно образовалось только благодаря обилию осадков, а туристы, проходившие кору в хорошую погоду, просто не видели его. GPS действительно показывает, что-то около дела.

Высшая точка коры – перевал Долма Ла. Высота по альпинистским меркам невысока пять тысяч семьсот шестьдесят метров, но, всё-таки, это на сто метров выше Эльбруса, самой высокой точки Европы. Делаем остановку на фотосессию.

Фотографируемся на фоне всех местных украшений, перевалов. Вообще, у тибетцев особое, почтительное отношение к перевалам. Неоднократно в транспорте мы слышали, как, проезжая перевал, местные произносят на выдохе хором нечто вроде «Буш», возможно, выражая почтение американскому президенту, хотя вряд ли.

Зачастую, водители автобусов делают на перевалах остановку, для того, чтобы люди могли развесить молитвенные флаги. Ведь ветер, развевая их, разносит эти молитвы по всему свету!

Движемся теперь уже вниз. Тропинки практически нет, хотя снег уже сдаёт свои позиции и остаётся лишь в редких местах значительного скопления. Рельеф как будто после взрыва в каменоломне, тут похоже прошёл сель или камнепад, и склон, хоть и более пологий, но сплошь усыпан камнями, которые иногда даже шевелятся под ногами.

Перед спуском в долину с горы, далеко внизу видим четы-

ре палатки армейского образца. Наверняка, там можно будет перекусить и передохнуть.

Тогда я ещё не догадывался, насколько оказался прав...

Людям свойственно недооценивать силу природы. Любой альпинист скажет, что кора – это лёгкая прогулка, а видя, как некоторые местные идут чуть ли не в сандалиях, легко веришь в то, что ничего тут случиться не может. Спуск вниз, наверное, меньше километра. По всем раскладам минут десять, или четверть часа, со скидкой на осторожность на скользких и острых камнях.

И тут начинается град со шквальным ветром, который заставляет иногда поворачиваться к нему спиной, настолько сильно хлещет он своими порывами. Долина моментально становится белой. Палатки, обещавшие кров и пищу, порой просто пропадают из вида. Страшно поскользнуться или подвернуть ногу. Натали, вопреки моим опасениям, поймала какой-то кураж и смеётся, крича что-то про мои планы и про то, что строить их можно только с целью посмешить Бога.

Пригнувшись, как под обстрелом, пробираемся наконец к палатке. Тибетец, встретивший нас в основной палатке, тоже смеётся, но ободряет. Даёт нам по чаше с каким-то горьким напитком. Знатное пойло, буквально пару глотков и по телу растекается приятное тепло. А что, так можно было? Надеюсь, это не наркосодержащее средство, а хотя, какого чёрта, лей ещё, мужик! Он скалится, но наливает уже просто чай.

Из его объяснений понимаем, что прогноз ещё вчера был

такой, что из посёлка сегодня вышли только самые безбашенные. Гиды свои группы увели рано утром, а новых не пришло. Зачем мы не послушались?

А кто бы нам сказал! Мы дикие туристы. Или просто дикие?

Град по палатке барабанит, как пулемётная очередь. Сидим у тибетского подобия буржуйки. Судя по всему, переждать буйство духов не удастся и выдвигаться сегодня уже нет смысла. Едим, с радушным хозяином, какое-то их блюдо. Аппетитные кусочки мяса, зажаренные в муке, от уровня жирности которого дома бы у нас был рвотный рефлекс, но здесь организм благодарно принимает его без проблем. Тибетец зовёт эту смесь «цампа».

Наш спаситель зовёт меня во вторую палатку и, выхватывая из темноты лучом фонарика стопку одеял, показывает, укладывая свою щеку на свою ладонь, мол, спать можете здесь. Спрашиваю, сколько. Машет головой, не надо. Не всё так плохо в мире, пока есть такие люди.

Возвращаемся к очагу. Натали, после вчерашней бурной, но такой короткой ночи, уже клюёт носом. Забираю её, устраиваем в куче одеял берлогу и забываемся в тёплом и сладком сне.

Этой ночью мне снова приснился он.

На этот раз он сидел с нами у очага, где мы недавно так вкусно ужинали. Он сидел рядом с нашим хозяином, с которым они радушно приветствовали друг друга, и, видимо по-тибетски, начали что-то оживлённо обсуждать.

Натали спала, свернувшись как котёнок, пригревшийся у печурки.

Дождавшись паузы в их разговоре, я поспешно заговорил с ним.

– Я пришёл, как ты и хотел в эти святые, как я думал, места. Где мне найти тебя? Я не знаю, твоя ли эта помощь, и не эта ли девушка главная цель моих поисков здесь? Но это, действительно, перевернуло мою жизнь. Где ты, я хочу

увидеть тебя?

– Но ты и так видишь меня, а решить, что ты хотел найти на самом деле, можешь только ты сам.

– Нет, я хочу увидеть тебя вживую.

– Вживую? Земное существование в Тибете не безусловная ценность, поэтому смерть не страшит этот народ. Огонёк в очаге этого бедняка приготовил пищу, которая накормила тебя, а в золотом светильнике в Потале горит такой же, но он олицетворяет веру. Цель тысяч верующих, найти Бога и служить ему. Ты едва обрёл любовь, но ты уже боишься потерять её. Но ведь она, как и этот огонь, дала тепло, которое ушло, но оно не исчезло, и не сможет исчезнуть. Тепло огня могло приготовить пищу, осязаемую, со своим запахом и вкусом, а могло стать символом веры для тысяч паломников, и разойтись по миру в их сердцах. Ты боишься сказать ей, что ты не можешь иметь детей?

– Я этого не говорил, не потому, что я боюсь. Но я не хочу потерять её.

– Но ведь и ты, и она, переродитесь, и вернётесь в этот мир, или ты думал, что всё так легко закончится, и ты уйдёшь на небо звёздочкой? В вечность? Ваша любовь будет греть многие ваши реинкарнации. А вы даже ваше занятие любовью, как вы называете, создание детей, превратили в развлечения и забаву. Наши монахи занимаются этим только тогда, когда они хотят дать жизнь своему потомству. Иногда случается, что монахи влюбляются в девушек и просят то-

гда снять с них духовный сан, чтобы вступить в брак со своей избранницей. Этому не чинится никаких препятствий. В вашем же обществе, даже монахам запрещают отношения с женщиной, потому что, даже монахи превращают эти отношения в блуд. В Тибете есть замечательная поговорка: "На пятый этаж Поталы не взойти, минуя первый". Любовь, настоящая любовь, такой же путь к духовному совершенству, как и стремление к познанию высшей цели. Не желай что-то на завтра, ведь неизвестно, будет ли у тебя сегодня...

Глава девятая. Сэр Джонс, ваша карта бита! Сдавайтесь...

Помнишь, милая, ты когда-то говорила: человек – целый океан. Знакомые проходят по щиколотку в воде. Приятели окунаются и спешат на берег. Редкий друг отваживается доплыть до буйка. И лишь по-настоящему любящий плывёт дальше, покуда не исчезнет полоска пляжа. (с)

Татьяна Коган. Персональный апокалипсис.

Я даже не помню, во сколько мы легли, но погода, сделав невозможным наше продвижение по маршруту, преподнесла нам настоящий подарок. Давно мы так рано не ложились и столько не спали! Проснулись рано, без будильника. Прогрели мы своё логово основательно, поэтому можно не спеша понежиться ещё какое-то время.

Не знаю, что за пойло мы вчера хлебнули, но оно явно не только согревает. Я даже не помню, как мы спали, но первоначальный план снять только ботинки явно провалился. От слова совсем. А ведь неизвестно, что это за одеяла, и кто под ними уже спал.

Вот опять...

Не зря мой старец из сна разносит меня за моё занудство. Судьба дарит мне любовь, о которой я не мог и мечтать, просто потому, что не представлял, что такое возможно, а меня заботят такие мелочи, как одеяла.

Натали откидывает стопку одеял и сладко потягивается, заставляя мой мозг снова погружаться в кислородное голодание. Но уже через секунду она понимает всю поспешность

такого поступка и зарывается обратно. Даже в полусумраке палатки видно, что изо рта вырывается пар. Гляжу наконец на часы. Ого, ещё только полпятого.

Валяемся ещё немного, просто обнявшись. Даже болтать лень. На улице совсем тихо. Хотя, какая улица? Всё ещё мыслю, как человек города.

Минут через пятнадцать слышу в тишине последний протяжный зевот Натали, и вот, она собирается с силами, и начинает подниматься. Выуживает из своего рюкзака комплект чистого белья, натягивает новую футболку, чем вызывает у меня нездоровые мысли о моём свинстве. Я-то шёл на двенадцать часов. А порядочная девушка, даже на первом свидании, должна быть готова наутро произвести фурор. Ой, или это не о совсем порядочных девушках?

Я же давал ей вчера свои запасные махровые носки надеть как варежки и погреть руки. Чистые и почти новые. Ну, по моим меркам. И скорее всего, она не отказалась только из вежливости. Лежу и осознаю, что вероятно в месте, где наши тела недавно соприкасались, мокрой от пота была только моя половина.

Как вот у женщин так получается, даже соприкасаясь с нами, они остаются чистыми и свежими. Или это у нас, у мужиков, такая суперсила, собирать всю грязь в отношениях себе. Готов бежать и обтираться снегом!.. Из ступора меня выводит Натали.

– Я, конечно, понимаю, что ждать кофе в постель в ны-

нешних условиях – полная глупость, но ты можешь хотя бы не заставлять ждать тебя? Марш на разведку! Хотелось бы хотя бы почистить зубы и ещё – в туалет. Разведай, где минимальные шансы встретить зрителей. Кустов здесь, я так понимаю, не ожидается.

На выходе из палатки чуть не спотыкаюсь об оставленный заботливым хозяином трёхлитровый термос. Вода – почти кипяток. Чувствую себя добытчиком! На улице туманная морось, видимость метров десять не больше, но туман, на удивление, приятный. Такое ощущение, что в палатке холоднее, чем снаружи.

Из палатки хозяев показывается морда собаки. В самой палатке света нет. Кайлас отсюда уже не виден, но в его стороне огромное белое пятно, напоминающее о полнолунии. Совершив утреннюю прогулку, завтракаем разведённым бульоном и галетами. Натали, с таинственным видом, достаёт, из невесть какой значки, шоколадный батончик. Завариваем ещё и чай. Благодать! Завтрак аристократов. Ни один пятизвёздочный отель не способен подарить такое.

Самая сложная часть коры позади. Утро не предвещает непогоды, а туман начинает развеиваться. Думаю, что пообедаем мы уже в Дарчене.

Оставляю в горлышке термоса, прижав пробкой, стоюаневую купюру. Ни одно доброе дело не должно оставаться без оплаты. Запаковываемся и выходим в сторону Дарчена.

По дороге заходим в монастырь. Название не помню, но

он оказался единственным на этом участке до самого Дарчена. В нём нас тоже радушно встречает служитель.

Мы сегодня, походу, очень редкие, если не единственные визитёры. Позже узнаю, что такая пурга, как та, что была нам уготована богами Кайласа, в июле месяце случается даже не каждый год. Это к вопросу о везучести и предначертанности судьбы.

А сегодня, словно компенсируя все неудобства, что выпали нам вчера, вышло яркое солнце, да запекло так, что мы

снимаем куртки. Невольно вспоминаю строки:

«Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела -
А нынче... погляди в окно»

Прочесть бы их сейчас Натали. Хотя, наверно, это должно быть заложено в детстве. Ассоциации. После посещения монастыря, решаем выйти к виднеющейся слева речушке, благо берег тут пологий. Течение стремительное, но у берега кто-то, с помощью камней, сделал затон.

Появился шанс слегка сгладить своё свинство. Раздеваюсь и собираюсь купаться. Слышу теперь уже от Натали, интернациональное – "Крейзи!"

Вода просто ледяная, но собираю волю в кулак, так же, как само по себе собирается в кулак моё мужское достоинство. Мысленно простившись с ним, сажусь. "А-а-а!"

Я даже сам не ожидал от себя такой морозостойкости, но первый шок проходит, надпочечники выбрасывают в кровь кучу какой-то химии, ну или вода, сжалившись надо мной, становится теплее.

Встаю на дрожащие в коленках ноги, и пытаюсь сделать вид, для Натали, что никуда не тороплюсь. Протираюсь водой, зачерпываю несколько пригоршней себе на голову, потом отправляю одну в сторону Натали. А нечего стоять с та-

ким видом, словно увидела у себя на озёрах выползающую Несси! Это же у них где-то озеро Лох-Несс?

Выходя из воды, зову её присоединиться, но сам понимаю, что ни секунды больше я не выдержу. Ведь небесный звон, раздающийся с каждым моим шагом, раздаётся не из храма. Понимаю происхождение слова "м***звон".

Но на солнце, на удивление быстро, согреваюсь и даже ложусь позагорать на коврик.

Натали глядит с лёгким ужасом на всё это действие и спра-

шивает: "вода действительно не холодная?" Подавляя распирающий меня смех и делая самое правдивое лицо, какое только могу, обещаю, что только вначале немного непривычно, а потом просто освежает.

Натали задумчиво смотрит на горизонт в одну сторону, потом в другую, но таких сумасшедших, как мы, пока не намечается. Закатывает штаны до уровня шорт, снимает верх и предупреждает меня с очень серьёзным лицом, что если я попытаюсь подтолкнуть её, обрызгать, короче, хоть какую-то из глупых мальчишечьих шуток провернуть, то я познаю на себе настоящий её гнев и буду медитировать в воде до заката.

Оставшись топлесс, заходит насколько возможно, чтобы не замочить шорты и через тридцать секунд обернувшись дарит мне взгляд, способный разжечь костёр. Развожу руками и округляю глаза. Потом показываю выставленный вверх палец и говорю, как в детстве: "Здолово!"

Она вертит головой из стороны в сторону: "Ну ты и ..."

Ничего хорошего мне это не сулит.

Она отворачивается и ставит руки на пояс. Стоит почти минуту, словно наблюдая за течением реки. Её пальцы ног наверняка уже теряют чувствительность, а она наклоняется и начинает брызгать себе на грудь, на лицо и даже моет свои короткие волосы. У этой девчонки точно есть стальные ... Нет, не нервы.

Я наблюдаю со спины, но всё равно это ужасно пугающе и в то же время эротично. Есть в этом что-то от подглядыва-

вания, поэтому стряхиваю оцепенение, беру свою футболку и готовлю вместо полотенца. Подхожу к ней, и начинаю сушить волосы. Почему-то в голове рисуется картина как я еду, делая борозду, как немец в Менши, пару сотен метров головой до стены храма.

Но она, как ни в чём не бывало, идёт на коврик и садится по-турецки.

– Какое блаженство. Может, останусь здесь, и тогда ты мне, как мужчина, станешь не интересен? – На губах играет зловещая улыбка. Глаза слегка прищурены, губы поджаты. Напряжение звенит в воздухе.

Вспоминаю, что перелили остатки кипятка в свой термос и даже заварили пакетик чая. Судорожно, излишне театрально торопясь, наливаю чашку и, склонив голову почти до колен, подаю на вытянутых руках ей.

– О, прими мой дар, богиня. Позволь твоему рабу увести тебя отсюда.

– Ладно. Так и быть. Отогревай меня. Но я ещё не простила тебя!

Обнимаю её сзади, прижимаю к себе. Боже, она просто ледяная. Накрываю её курткой ноги, а свою кладу ей на плечи. Солнце, спустя буквально несколько минут, начинает делать своё дело. Тёмная ткань нагревается, согревая и нас. Она сползает спиной на коврик и кладёт голову мне на колени.

Пытаюсь поцеловать её, но она останавливает меня.

– Слушай, давно хотела тебе кое-что сказать и, наверно,

если сейчас не скажу, то потом будет уже поздно. Только дослушай и помни, что всё менялось по мере того, как я узнавала тебя.

– Ты совсем не знаешь меня.

– Нет. Послушай, наша встреча, там в кафе. Она не была случайной.

– Случайности не случайны.

– Да постой. Мне и так трудно собрать мысли в кучу.

– Оставайся рассыпью. Я знаю. Я видел тебя в Урумчи.

Ты летела на месте 34D.

– Ух ты! А ты, действительно, полон сюрпризов. А почему ты ни разу не говорил об этом раньше.

– Потому что человек, сидевший на месте 34С, сидел в Кашгаре, в том кафе за столиком в углу, когда ты появилась на той улочке. Я подумал, что у вас встреча, но ты даже не поздоровалась с ним, хотя не могла не видеть его. Он был в трёх метрах за мной, и он, наверняка, даже слышал каждое слово нашего разговора.

– Его зовут Ману. Он работает на моего дядю.

– А ещё, он был на вокзале в Каргалыке. Но ехал он не с нами в автобусе. Наверно, он очень переживал за тебя, но при этом ты осталась со мной в одном номере. Он явно был встревожен.

– Ты всё это знал? И предпочёл поддаться обману?

– Ты лучшее, что случилось со мной в жизни. Я не думал, что ты хочешь меня убить, ограбить, а если бы и так, то это

было бы, по крайней мере, настоящей жизнью. Ну, знаешь, как самка каракурта съедает самца. Я был готов. Ты уже забрала моё сердце, хочешь сделать это буквально? Я готов.

– Дурачок! Мне надо, чтобы ты был жив и здоров. Теперь слушай. Мой дядя, Анхей, работает в какой-то международной организации. Я не знаю, какие у них там секреты. Не важно. Я давно хотела побывать на Тибете. Он знал, что я люблю путешествовать и люблю приключения.

И вот, он связался со мной и сказал, что они наблюдают за необычными людьми и особенно, когда они собираются заняться чем-то необычным. Он предложил попробовать завязать знакомство с тобой и пройти задуманный тобой маршрут. Я знаю, он бы никогда не пошёл на это, но нескольких его людей ты просто проигнорировал. Начиная с России.

– Я не очень люблю сходитья с людьми.

– Да, я заметила. И ещё, ты не говоришь по-английски. А следить за тобой на пустынных дорогах Тибета, не привлекая внимания, невозможно. И мне стало интересно. Он говорил что-то о стечении факторов в тебе и о том, что твой интерес к Тибету может быть совсем не праздной тягой к мистике. Кстати, он и мне говорил с самого детства об исключительности, и ещё кучу какой-то эзотерики. Индусы повёрнуты на этом.

– Я обычный человек. Супергерой из меня так себе.

– Ты не поверишь, но именно это я и подумала тогда, в Каши. Даже немного разочаровалась. Пока не заговорила с

тобой. Твоя непосредственность. Никакой попытки произвести впечатление. Никакой рисовки. Ты не пытаешься залезть в душу. словно только заговорив, ты знаешь о человеке всё, что тебе интересно. Ты как ребёнок. Это что-то! Сколько тебе лет?

– Возраст Христа.

– Две тысячи семь?

– Да нет, тридцать три.

– А, ты про этот возраст! Ты словно до сих пор делаешь свои первые шаги и смотришь на мир, как в первый день. В тебе нет сомнений. Ты словно знаешь, что будет в следующее мгновение. Как у тебя это получается? Ты слаб и беспомощен, на первый взгляд, но как только я начала узнавать тебя. Ты как тигр. Р-р-р. Ты спокоен, ты также мягко ступаешь. Тебе некуда торопиться, ты уже знаешь, что тебя ждёт добыча. Плавность. Грация. Не знаю, как объяснить. Даже рядом с тобой так спокойно и хорошо. И тепло, как сейчас.

– Это просто солнце. И контраст, после холодной воды.

– И да, кстати, это. Ты сам не понимаешь этого. Ты как в той притче. Если ты увидишь, как упадёт манго, ты не станешь подходить к нему, ты раскроешь ладонь, чтобы следующее могло упасть тебе в руку.

– Не знаю, что такое манго, но помнится, Ньютону яблоко упало на голову. Может быть больно.

– Ага, и теперь весь мир живёт по его закону, а манго я тебя обязательно угощу, оно божественно. Слушай, как бы то

ни было. Мой дядя уже едет спасать меня из твоих похотливых рук. – При этих словах, она наигранно грозно взглянула на меня. – И меня ждёт, я полагаю, крутая порка. Сегодня – завтра он будет уже у озера Манасаровар. Ну ты знаешь, священное озеро, примерно в двадцати км от нас. Для индусов оно святыня, он едет туда как паломник. В санскритских Пуранах, уже тысячу семьсот лет назад, говорится об обхождении вокруг озера, как о священном действии. Существует легенда, что божества искупали царицу Махамайю, мать Будды, в этом озере, перед тем, как она родила своего великого сына. Тибетцы называют озеро Пема Хлацо – Божественное озеро лотоса. И ещё, он хочет встретиться с тобой.

– А то, что было между нами, это по-настоящему или...

– Слышишь, если бы я тебя не знала, ты бы уже сейчас получил в морду. Если ты не признаешься моему дяде, что ты хочешь просить моей руки по возвращению домой, то я не знаю, что я с тобой сделаю. Она резко вскочила прямо со спины на ноги и её руки прорезали воздух перед моим носом, но сосчитать сколько раз даже я не смог.

– Можешь хоть сто раз так сделать. Ты реально думаешь, когда ты полуодета, я буду следить за твоими руками? Да даже если они будут опускаться в мою глупую башку, я буду думать только об одном! – Сказал я, вываливая язык, а потом вытаращил глаза, часто задышал и изобразил текущие слюни собаки Павлова.

– Всё, ты покойник!

Спустя, теперь уже так получилось, что час, мы выдвинулись к своей палатке. Интересно, в Дарчене вечерний шторм был столь же яростным, как на перевале? Как там наши вещи?

Но больше сюрпризов Кайлас нам не преподнёс. Палатка, правда, лежала на боку, опрокинутая не то ветром, не то каким-то шутником, и не улетела, видимо, только из-за неподъёмного веса моего рюкзака. Стенка, ставшая крышей, прогнувшись, собрала лужу, но внутри всё было сухо. И даже в таком положении она никого не заинтересовала, никто не посягнул на чужие вещи.

Отобедав в нашем кафе, мы договорились с официантом оставить на хранение мой рюкзак, на день – два. Я твёрдо намерился вернуться, и отыскать своего старца. Натали толком не знала, следовать за мной или ждать меня где-то, в компании дяди. Для себя она не видела смысла идти ещё на одну кору. Максимум, посетить, не спеша, храмы, что мы пробежали в спешке на первом проходе.

– Это твоя затея. Твоя внутренняя работа, и ты должен быть сосредоточен. А я, действительно, уже готова отдохнуть. Может даже мне стоит поехать в Лхасу? В конце концов, я всё равно не готова возвратиться с тобой, прямо отсюда, в Россию, а тебя не пустят ко мне без визы. Может, стоит загадать место встречи. Париж? Нет, слишком пошло. Венеция? Нет, лучше, где-то на пляже. Ты приедешь, как незнакомец, и начнёшь за мной ухаживать по-настоящему.

Это будет наш жаркий курортный роман...

Телефон в её кармане властно завибрировал. Она подняла трубку, и мне опять показалось, что они спорят. Или у них язык такой? Или стиль общения? Это, как слыша немецкий, мне всегда кажется, что меня велят расстрелять. Ну, или с приходом перестройки, у этого немецкого «я, я» появился ещё один подтекст, и, соответственно, перспектива для меня похуже расстрела.

– Ну, почему? Почему он меня все ещё считает ребёнком. И ведь это именно они изобрели Кама Сутру. И это они только-только приняли закон «О запрете детских браков». Или он именно тебя боится рядом со мной видеть? Ты там у себя не маньяк какой? Давай, едем, он жаждет познакомиться. Но номера лучше отдельно заказать, я сказала, что мы чисто друзья. И, как он так быстро добрался, тут по два дня не можешь с точки сдвинуться...

К трём часам дня мы уже были у шлагбаума на выезде из Дарчена. Охранник заинтересовался наличием у нас квитанции о въезде, Натали начала ему что-то, почему-то по-английски, объяснять.

Тут на горизонте появился пыльный столб, потом послышался шум надрывающегося мотора. Водителю явно было плевать на подвеску и топливо, а пассажиры, наверно, не имели привычки жаловаться, что их везут, как дрова. Вслед за мной, а потом Натали, на это обратил внимание и страж шлагбаума.

Точка, порождающая пылевую бурю, на глазах превращалась в огромный джип. Потом, в какой-то момент, он резко раздвоился, отчего стал похож на мираж в пустыне. Подлетев к нам, они синхронно развернулись и замерли. Двери одного из них открылись ещё на развороте, и людей из него, казалось, выбросило торможением, так стремительно они выпали на площадку перед шлагбаумом, создав периметр.

У них не было оружия, но почему-то было понятно, что это редчайший случай. У них были горные ботинки, которым позавидовали бы многие альпинисты и удобная походная форма, но почему-то, с первого взгляда было понятно, что посещение тибетских достопримечательностей их не интересует.

Сторож исчез в глубине своей будки. Возможно, он искал квитанции для оплаты въезда, но вряд ли.

Один из вышедших из второй машины телохранителей, а именно такая на данный момент профессия наиболее точно описывали их действия, открыл двери задней части джипа, который по размерам мог поспорить с нашими маршрутками, и из него вышел он. Дядя Натали, единственный из них был одет как индус в их белые одежды, да и, пожалуй, единственный явно идентифицировался, как индус.

Он буквально сиял. Натали бросила рюкзак и бросилась ему на шею.

– Дядя Анхи!

Он тоже приобнял её, потом взял её голову в свои ладони

и поцеловал в лоб. А потом, неожиданно для меня, отступил от неё и, сложив руки ладонь к ладони, поклонился ей словно госпоже или старшей женщине. Где в западном мире можно встретить такую искреннюю вежливость? Здесь, на Востоке, люди никогда не теряют лица, никогда не грубят и не стесняются выказать излишнее уважение.

Пока я зачарованно наблюдал за этой картиной, наши маленькие рюкзаки подхватили и погрузили во второй джип. Знал бы, что у нас будут такие портеры, взял бы и свой основной рюкзак. Выросший передо мной человек быстро сказал: "Сорри, сэр" и со скоростью, которую вчера демонстрировала Натали, провёл ладонями по моим рукам, телу и штанам.

Я даже и не понял, как, но в его огромной руке оказались мой мобильник, кошелёк и складной нож, а второй рукой он мягко, но уверенно направил меня на сидение, спиной к шофёру, где я оказался между двумя его коллегами.

Напротив, села Натали, а рядом с ней Анхей.

Джип мягко двинулся с места, и, с эффектом лёгкой невесомости, какая бывает в современных лифтах, набрал скорость. Моё предположение о дровах – пассажирах с треском провалилось.

Всё это действие заняло, наверно, минуту. Натали тоже была явно смущена.

– Это мой дядя Анхей, а это – Веня.

– Мой китайский совсем слабый, я попрошу прощения и воспользуюсь Натали, как переводчиком.

Его рукопожатие было крепким, а взгляд словно проходил меня насквозь.

Дальше он говорил уже по-английски и, насколько я могу понимать, совершенно без акцента, который приписывают индусам, с их высокими певучими голосами.

Натали явно переводила не всё, видимо, делясь какими-то впечатлениями. Он изредка, что-то спрашивал, уточнял. Видно было, что ему интересно рассмотреть меня, но позволить себе глазеть на своего гостя он не мог. Хотя, в таком окружении уже и не знаешь, в гостях ты или в заложниках.

Обрадованный и излучающий добро, он всё-таки производил впечатление человека жёсткого. Те редкие разы, когда он глядел мне в лицо, он выражал полную доброжелательность. Его улыбка, одобрителное покачивание головой, но только не глаза, которые были глазами хищника, изучающего добычу, ищущими хоть какие-то признаки нервозности или неуверенности, с тем, чтобы, нападая, знать, как свалить первым же ударом.

Ехали они минут пятнадцать, а когда остановились, Анхей вдруг взял мои руки и, приблизившись буквально чуть-чуть, но показав, что доверяет и заинтересован в собеседнике, вдруг сказал на чистом русском:

– Я очень рад познакомиться, Вениамин. Я учился в России почти год и немного помню русский. Я рад, что не ошибся, когда предложил моей... – он немного споткнулся, види-

мо не зная слово «племянница» – Натали, познакомьтесь с вами.

Я не слышал русскую речь уже полмесяца и даже не сразу понял, что он заговорил со мной.

– Вы понимаете меня? – видя мою отрешённость от происходящего, спросил он.

– Да, да. Извините. Я просто немного не ожидал.

– Со мной тут, в Чиу Гомпе друг, он пробыл в СССР долго, если вы не против, мы пообщаемся позже, вместе с ним.

– Да, конечно. Натали говорила мне о вашем интересе ко мне, но я даже и не знаю. Я простой человек.

– Хорошо. Значит, вечером. – Сказал он, давая понять, что заканчивает разговор.

Выйдя из машины, я понял, что мы приехали не в посёлок, а на берег озера, откуда открывался величественный вид на Гурла Мандхату. Гора настолько велика, что глаз словно не мог понять, что объект, занимающий большую часть горизонта, находится в десятках километров отсюда. Знаете, как фотоаппарат начинает двигать объективом, пытаясь навестись на объект, так и мой мозг, похоже, пытался настроить глаза, не веря перспективе.

Если бы не шапки снега, виднеющиеся на противоположной стороне озера, то его можно было бы принять за море, настолько безгранично оно было.

– Кора вокруг него занимает больше времени, чем вокруг Кайласа. – Перевела Натали восторженные слова Анхей.

– Когда мы закончим нашу встречу, дядя хочет совершить кору. Но он настолько верующий в такие вещи человек, что даже не пытался предложить нам составить компанию. И твоё решение продолжить свою связь с Кайласом он поддержал полностью. Он предложил отвезти тебя завтра, или, когда ты решишь, в Дарчен, и машина будет ждать тебя столько, сколько тебе понадобится. А сейчас – пикник! Отдыхать. Гриль. И я надеюсь, мне позволят позагорать и искупаться, пойду в машине облачусь в бриджи и топ.

На берегу стояла большая палатка и дополнительно тент, в глубине которого стояло достаточное количество кемпинговых кресел, чтобы провести выездное заседание небольшой фирмы, и стол, подходящих размеров. Один из охранников с умением шеф повара уже разбирался с мясом у мангала. Аромат был просто божественный! Анхей предложил жестом, что-нибудь выпить из нелепо выглядящей здесь батареи дорогуших, насколько я могу понять, бутылок.

Я выбрал пиво, Натали явно не спешила, мы успели заскучать по ней, а мне даже предложили немного привести меня в божеский вид, хозяйский цирюльник. Когда, наконец, Натали появилась, выручив меня, она была так восхитительна, что я подумал, не перейти ли на сок, чтобы не подвести её легенду.

Потом мы ели мясо, загорали, искупаться, правда, толком не удалось, озеро оказалось ужасно мелким. Когда начало вечереть, Анхей предложил остаться на ночёвку в этом лагере, но Натали настояла на том, чтобы мы, дабы полностью прочувствовать атмосферу, остановились в номерах при монастыре. Надеюсь, это какой-то план, потому что она, как-то по-заговорщицки, подмигнула мне.

– Товарищ генерал-лейтенант, разрешите?

– Да, конечно. Вы со сводкой?

– Нет, Юрий Васильевич, не совсем. Срочные обстоятельства по проекту «Алиментщик».

– Интересно. Что там произошло? Наш парень ещё не вернулся оттуда?

– Нет. Он на маршруте, как он там и собирался, в горах. Дело в том, что нам стало известно, что сейчас он на встрече с Бхатом, главным лицом проекта.

– Ну, это предсказуемо. Там от границы с Индией пару дней. Удивлён, что он не встретился с парнем раньше, сразу после того, как тот покинул страну. Там никаких инцидентов?

– Нет, насколько нам передают китайские товарищи, попыток давления и, тем более, попытки захвата, нет. Они настороже. Тут дело в другом, интересный факт отрыли наши аналитики. Мы запустили кейс его спутницы в работу. Её мать была в контингенте спецназа на фольклендах, во время конфликта – обкатка, стажировка. Попала под бомбардировку на десантном корабле британской эскадры. Была ранена, вывезена в Уругвай, срочно прооперирована. Реабилитация была недолгой, но она абсолютно точно не могла иметь детей.

– И откуда тогда девочка?

– Удочерена в возрасте года, когда Домини работали в посольстве в Дели. А помог им никто иной, как наш алиментщик. Так вот, как оказалось, девочка эта жила до этого времени в его семье, как дочь якобы погибших на Шри-Ланке друзей семьи, он ведь сам сингал. Но ходили слухи, что это внебрачная дочь самого Бхата, от тамилки, что не одобрила семья. Получается, что наши путешественники, возможно, сводные брат и сестра.

– М-да, я думал только у нас тогда Санта-Барбара получилась, а тут ещё «Зита и Гита», чисто в индийском стиле. Но, слава Богу, были обстоятельства, которые в деле не отобра-

жены. По первоначальному плану, наша девушка, действительно, должна была быть с Бхатом, но вмешалась запредельная глупость и совестливость, непозволительная в нашей работе, одного молодого сотрудника прикрытия.

И, хотя Бхат что-то там говорил о том, что его роду предначертано соединиться с родом этой девушки, да и мы были в этом заинтересованы, но этому не было суждено исполниться. Вроде как. Тогда ещё средства наблюдения были не на таком уровне, как теперь. Упоролись они вдвоём каким-то зельем индийским, до постели дошли, но получилось, как в той крылатой фразе: "В СССР секса не было!"

А теперь получается снова, два представителя этих семей рядом. Интересно, может и правда, предопределение? Вы не в курсе, у них там не завязались отношения? Надо бы нам активизироваться в этой операции, коль пошли такие пляски. Ещё и вся эта мистика тибетская. Как бы нам чего не упустить. Это вы нынче агностики. Аненербе, Мессинг, Нинель Кулагина для вас просто сказки. Видели бы вы всё, что я повидал... Я вам дам координаты одного человечка, он не из нашей структуры, но немного близок к этой теме, можно будет его использовать неофициально. У нас с ним как-то не завязались отношения, но может, что придумаете.

– Спасибо, Юрий Васильевич. Мы вам очень благодарны. Спасибо, что находите время для нас. Крепкого здоровья вам.

– Не дождётесь! Как там Володя?

– Всегда передаёт вам привет, но обстановка очень напряжённая, весь в делах.

– Дела! Ладно, понятно. Наконец-то, наш человек у дел. Это главное.

Глава десятая. Шаг первый, шаг последний.

«– Тому не нужно далеко ходить, у кого черт за плечами», – произнёс равнодушно Пацюк, не изменяя своего положения. Вакула уставил на него глаза, как будто бы на лбу его написано было изъяснение этих слов. "Что он говорит?" – безмолвно спрашивала его мина (с).

Вечера на хуторе близ Диканьки. Н. В. Гоголь

Отдыхать – не работать. Чиу Гомпа оказался, как близнец, похожим на посещённый вчера монастырь. Только больше и, конечно, святыни здесь на каждом шагу. Наша свита оставила нас в отеле совершенно спокойно, даже постов не выставила, и мы наслаждались видами на озёра, между которыми расположился монастырь и, конечно же, Кайласом и Гурла Мандхатой.

Монастырь находится на остроконечной горке и очень почитаем паломниками. В его пещере прошли последние семь дней жизни на земле Гуру Ринпоче, очень почитаемого гуру тибетского буддизма.

Натали вся как будто сияла. Летала и порхала, как Мохаммед Али. Я лишь с улыбкой ждал, когда она выплеснет на меня причину такого своего поведения. Она, конечно, ждала, когда я её спрошу сам об этом. Поэтому, я сделал то, что она ожидала от меня, от меня настоящего.

Я притворно зевнул и сказал:

– Слушай, так что, всё по плану? Спим в разных номерах, раз уж всё равно сэкономить не удалось. Выбирай, наверно, который поудобнее, да я уже залягу.

Я прямо почувствовал, как волна пробежала по моей одежде, словно порыв ветра дунул. Значит, не показалось. И её дядя, говоря о её особенностях, не ошибался. Прислонившись к глинобитной стене, закрываю глаза и с улыбкой ставлю себе приговор:

– У меня друг был в армии, у него отрыжка трясла собеседника сильнее. Напугала, тоже мне.

Ох, блин зря я. В следующее мгновение меня словно придавило бетонной плитой. Внутри дома что-то попадало. Если бы я не прижался плотно спиной, думаю, дух из меня шибануло бы знатно. Открываю глаза, Натали ржёт надо мной.

– Смотри. Песок с тебя уже сыпется! – потом уже серьёзно – Давно понял?

– Да, ещё в Кашгаре видел, как ты пешехода мягко и ненавязчиво удержала от шага под машину. Сейсмика идёт не только куда ты направляешь, рассеиваясь, цепляет и вокруг.

И в Менши, слабо, но до меня дошла волна, где-то на грани восприятия. Но я тогда думал ещё, может всё-таки кунг-фу, или каратэ какое.

– Да. Я и правда, в колледже занималась единоборствами. Сначала удавалось списать на скорость удара, но люди не дураки и не слепые. На тренировках сдерживалась, а на соревнованиях не получалось. Там адреналин гуляет, да и цель всё-таки – победа. А зрителей много. Пришлось бросить занятия, пока не начались вопросы.

– Дядя знает?

– Я прямо не рассказывала, а он не спрашивал. Но я бы скрывать не стала. Он чего-то такого и ждал. Но если честно, я почти уверена, что ничего подобного у родителей нет. А вот с ним, наоборот, уверена. Есть в нём какая-то магия. В общем-то, теперь у меня от тебя секретов нет.

– Как же твоя секретная способность влюбить в себя латентного аутиста?

– Пойдём внутрь, объясню.

– Слушай, я тоже должен сказать тебе один секрет. У меня не может быть детей. Мы с женой проверялись, я лечился, обследовался. Но впустую.

Она немного помедлила, потом притянула меня за шею и поцеловала.

– Будем решать проблемы по мере их поступления. А на данный момент – это скорее даже хорошо. Ты знаешь, меня удивил дядя Анхей. Он как-то, как будто, сломался в сере-

дине нашего пикника. Не знаю, чем ты его подкупил, но в конце посиделок он вдруг как-то расслабился. Сказал, что ты хороший человек и можешь стать хорошим мужем. Странно даже как-то. Так прямо.

– Не хочу прослыть ханжой, но когда ты, в начале, пошла в машину, он вдруг обратил внимание на мои руки, покачал головой и подозвал одного из прислуги. Ногтяры-то я, и правда, знатные отрастил. Слуга пришёл с щипчиками для ногтей и, как я не настаивал, что готов сам справиться, но он сделал мне маникюр.

– Ну, это нормально для Индии. Принадлежность к высшей касте, это обязанность быть опрятным.

– А собирать ногти с земли в чистом поле? А оборудование в палатке? Ладно спутниковое, а ещё какое-то, по виду явно медицинское?

– Ну ты прямо, шпион. С теорией заговора.

– Ты сама заговорила про перемену в его настроении. А я точно знаю, что произошла она, когда к нему подошёл его помощник и дал какую-то распечатку, и на ухо что-то сказал. Дядя даже как будто испытал разочарование и тут же посмотрел на меня. Я еле успел отвести взгляд. Там точно было что-то про меня. Точно. И если бы я знал хоть один довод «за», то я подумал бы, что это был ДНК анализ. Но не проверял же он меня на принадлежность к истинным арийцам? И почему, разочаровавшись, он вдруг не стал против наших отношений. Нескладуха.

– Теперь ещё скажи, что если с тобой что-то случится, я должна знать про это. – засмеялась она. – Пойдём. Трижды приглашать не буду. Время сдавать ДНК анализ. Пациент, к вам уже вышла медсестра!

Разъезжались спокойно, по-деловому. Словно на работу. Словно семья. Натали даже приготовила коробку с бутерами. Где-то набрала тёплых носков и даже тёплый шерстяной пояс. Я отказался от дежурной машины в Дарчене, но с условием, что у меня будет телефон, и я, не колеблясь, наберу при любой проблеме.

А максимум через месяц, нас будет ждать отдых в Гоа, на вилле Анхея. Там же я познакомлюсь с родителями Натали. Натали обещала сделать фото-рассказ нашего путешествия и прислать мне. Макар будет в гневе. Я не очень понимаю своих перспектив в англоязычном обществе, и вообще, мир реальный ставит так много вопросов, что я пока отстранился от них. Как там? Будем решать проблемы по мере их поступления.

На том и разъехались. Меня оставили у нашего кафе, где я впервые ел в одиночестве. Целые сутки я чувствовал, что уехал от Кайласа, теперь это чувство сменилось на сосущее чувство отсутствия Натали.

Пустота внутри меня напомнила мне о моём дне «Ноль». И как раз это чувство подвинуло меня поступить по накатанной. Как и тогда. Вновь я просто решил выйти и пойти.

Был уже вечер. Солнце ещё до конца не сдало свои позиции, а на небе уже была луна и самые яркие представители звёздного неба. Появилась мысль пойти ночевать под стену Кайласа. Часа четыре ходу в быстром темпе. Я в отличной форме. Но, что-то удержало. Оглядевшись, я приготовил фонарик и побрёл по тропе на гору над Дарченом.

Так хотелось встретить кого-то, поболтать. Просто поделиться тем, что я хочу найти. Но было безлюдно и темно. Постепенно темнело, и дорога становилась уже. Ещё попада-

лись какие-то строения, но сумрак постепенно отвоёвывал у реальности последние крохи картины дня. И тут мой фонарик предательски замигал. Твою ж мать! Этого не хватало. Вспомнил, что такие же батарейки в фотоаппарате. Меняю на ходу батарейки. Не скажу, что страх, но чувство лёгкой паники меня посещает.

Почему-то, вспоминаю метель на перевале, потом какую-то пургу дома, из глубокого детства. Мне года три. Может и год. Мы же помним мою аномальную память. Я помню погремушки, которые были в моей коляске. Их было пять. Пять шариков. Красный, жёлтый, зелёный, синий и снова красный.

Но сейчас мама везёт меня в санках. Рано утром, в детскую поликлинику, которая, по известной только советским архитекторам логике, построена на самой окраине.

Моё лицо укутано шалью, на мне шапка из коричневого искусственного меха. Тонкая прорезь для глаз забивается снегом. Мама склоняется и стряхивает снег. Для меня это выглядит как появление моей мамули из пугающего и беспросветного холода. Она смеётся, я улыбаюсь ей, хотя она естественно этого не может видеть.

– Ну что, замело тебя совсем? Почти приехали. Ну, хоть посмотри, где ты.

Как в низкоклассных хоррорах стучу по предательскому фонарю. Он вспыхивает ярким светом и выхватывает из темноты пропасть, почти десятиметровый обрыв, в который уже

почти ступила моя нога.

Чёрт... Плохая идея на ходу разбираться с фонарём, но ведь я ясно помню, что в последнем проблеске света был прямой отрезок тропы, строго вверх метров пятьдесят. Холодный пот выступает на спине. Волосы на затылке предательски встали на гусиной коже. Это было близко.

– Спасибо, мамуля.

Медленно поворачиваюсь, но рюкзак по инерции идёт немного назад и тут мои Экко проскальзывают на песке поверх камня, как на льду, и я, взмахивая руками, начинаю валиться назад. Рюкзак, пристёгнутый на поясе, плотно подогнанный и хорошо сидящий, что позволяет почти не чувствовать его сорокакилограммовый вес при ходьбе, теперь не даёт согнуться или, хотя бы, сгруппироваться, не говоря уже о том, чтобы выскользнуть из него.

Прямой как столб, начинаю своё падение вниз. В голове успевают возникнуть мысли, что у меня в рюкзаке. Точная раскладка вещей, чёткий анализ. Нет. Ничего достаточно жёсткого, что могло бы спасти меня. Последняя мысль – надо всё равно приземлиться на рюкзак, может, это спасёт позвоночник. Ещё раз вспоминаю картинку, выхваченную фонариком. Да, метров десять минимум.

В этот момент звонит телефон. Ну, вы же знаете. Где ещё он может звонить? Когда ты отстоял десять минут, маясь в очереди на кассе, и вот теперь тебе надо оплатить покупки. Или, когда ты идёшь по улице, и вот тебе надо перейти пе-

рекрёсток.

Ну, или вот так, за секунду до смерти. Понимаю, что звонить на этот номер может только один человек.

В этот момент ясно вижу, как на тёмном небе, как на экране, вспыхивает образ Натали.

Лицо злое, прищур глаз, губы поджаты. Она резко выставляет ладонь вперёд, как тогда у Чиу Гомпа, посылая свою сейсмоволну. Только теперь она не толкает меня, а притягивает. Что-то хрустит внутри рюкзака, но всё внутри меня, да и конечности мои, целы. Закашливаюсь, но начинаю вынимать трубку. Удаётся ответить только на четвёртый звонок.

– Ты понимаешь, что ты наглый скот? Я знаю, ты уже лёг. Это первый вечер как мы разъехались, а я должна звонить тебе первой?!

– Ты не представляешь, как я тебя люблю. Я только что видел тебя, как наяву.

– Ты знаешь, я тебе верю только потому, что я тоже прямо до боли в сердце почувствовала, как ты уходишь от меня. Это было так страшно. Я, наверно, впервые поняла, что могу не увидеть тебя, ни завтра, ни через неделю. Это так печально.

– Ты знаешь, я и вправду лёг, с размаху и в темноте, не поверишь, но я даже толком не понимаю где я. Утром огляжусь.

– Мы же договаривались, что ты остановишься в отеле. У тебя голос какой-то хриплый, мне это не нравится.

Пронеслась мысль: "Надеюсь, это желудочный сок, а ведь

могла бы быть и кровь из перебитых трахей или из лёгких порванных сломанными рёбрами."

– Ладно, любимая. Целую тебя. Ты только накручиваешь себя. Спокойной.

– Люблю тебя. Споки.

Поворачиваю голову налево, в сторону, где может быть обрыв дальше вниз и убеждаюсь, что ступень, на которую я упал, достаточно широка, чтобы не бояться улететь ещё ниже. Высвобождаюсь из лямок и пояса рюкзака.

Тряхнуло меня всё-таки сильнее, чем я подумал сначала. Но сейсмочудо, определённо, спасло меня. Вижу край, с которого я прилетел наверху и понимаю, что лёгкое головокружение, которое у меня присутствует, это совсем не открытая черепно-мозговая, которая должна была быть. Две самые дорогие женщины в моей жизни определённо спасли меня сегодня.

Сил хватает только на то, чтобы вынуть коврик и спальник. Натягиваю спальник на себя и проваливаюсь в забытье без сна.

Проснулся я ночью, не просто лязгая зубами, меня всего буквально колбасило. Никогда в жизни я так не коченел. Насколько возможно в спальнике, разогрелся движениями, одел на себя всё, что было, наскоро расставил палатку. Впихнул спальник в тепло отражающий-сохраняющий мешок из фольги, из комплекта морских спасателей, взятый на такой вот крайний случай, и минут двадцать ещё отогревался...

Потом снова провалился в сон. И не мешали мне даже откуда-то появившиеся собаки, разлѣгшиеся спать у палатки, буквально завалившись на стенки, ещё и решающие, при этом, свои вопросы местной иерархии.

Утром на палатке иней образовал тонкий лёд, который я стряхнул, похлопывая по стенкам палатки изнутри. Такая вот ночёвка, горы они всегда горы!

Утром, в довершение ко всем напастям, навалилась-таки горная болезнь, которая, в итоге, переборола пришедшую вроде акклиматизацию. Усталость от многокилометровых переходов. Постоянный поиск и мысль, что я могу не успеть и упустить вот это, что-то самое важное. И вчерашнее падение на волосок от смерти. Всё это навалилось горьким разочарованием.

Я отношусь к Тибету особенно. Никогда я не был религиозным. Может, слегка суеверным. Я не верю в каноны церкви, любой концессии. Но я глубоко уверен, что в каждом человеке есть нечто, что многие называют Богом, душой, а кто-то энергией или праной (да хоть сумраком из Дозоров). И Иисус, и Будда, и все пророки бывшие и будущие просто имеют этой энергии больше, или скорее, просто управляют ей лучше.

Также я отношусь и к святым местам. Мне нравится выражение "намоленное место", ведь места и вещи хранят отпечатки энергетики людей и событий, произошедших в прошлом. И если, к тому же Кайласу, сотни лет идут тысячи и

тысячи людей с надеждой, то не может такое место не оставить отпечаток на любом из побывавших здесь. И есть ли там вибрации, ощущаемые йогами, линзы времени, описываемые уфологами, инопланетяне или атланты, для меня не важно.

Пробудешь ты здесь год или полдня, пройдёшь ты одну кору или сто восемь, в год ли лошади или в полнолуние, будешь ли ты неустанно медитировать, или просто пройдёшь в знак уважения к людям, бывшим тут до и после тебя...

Важно, с чем ты сам пришёл сюда... И твой первый шаг через порог твоего дома по дороге сюда не менее важен, чем каждый шаг коры. Ты в поиске чего-то большего, чем материальные блага обычного мира больших мегаполисов, а это уже многого стоит!

Я вспомнил, как читал в какой-то книге советских времён о ламах, стоявших нагими в снегах священной горы Кайлас. И позже, о всех этих чудесах, постоянно происходящих у этой священной горы. Где это всё?

Стресс оттого, что виза заканчивается через несколько дней, а мне ещё надо добраться до Лхасы, и только там можно хоть как-то предсказуемо рассчитывать движение транспорта и сроки своего пересечения границы, тоже не способствовал спокойствию.

Я проснулся в четыре утра, когда услышал, как по тропинке наверху пошли первые паломники. Оторвал затёкшую спину от камней, которые вгрызлись в неё через коврик. Тряхнуло меня вчера здорово. Выпил из термоса остатки кофе и ...

– Да пошло оно всё, я хочу спать! – возмущённо сказал мозг.

Тело с готовностью сказало: "Так точно. Есть спать!"

И я снова провалился в глубокий сон, но уже мягкий, обволакивающий, как тёплый кисель, который варила в детстве мама. Такие сны обычно бывают без сновидений, но не в этот раз.

Во сне я бодро встал, быстро собрал палатку проверил, не бренчит ли рюкзак и, жуя бутерброд, который заботливо сложила Натали для старта утренней прогулки, не теряя драгоценное время, двинулся за тибетцами.

Утро в горах самое хорошее время. Поднявшаяся влага, остыв за ночь на камнях, сделала небо чистым и ярко-голубым. Из-за высоты, небо здесь было необыкновенным. Я шёл, а в глаза мне начал бить ослепительно белый солнечный зайчик.

А потом появились они. Я видел их по телевизору перед самым своим отъездом. Как же их звали? Анальгин или как-то ещё, точно, что-то из фармакологии. Три полуобнажённых девицы пели:

Я иду, а ты свети
белым светом на моем пути.

А потом бюст одной из них вдруг начал раздуваться, нос превратился в картошку, и она вдруг завопила голосом френкен Бок:

– Я сказала, отвечай! Да или нет!

На простой вопрос всегда можно ответить "да" или "нет", по-моему, это не трудно!

Я встрепенулся и проснулся. Сквозь щель в молнии палатки, прямо мне в глаза, бил первый луч восходящего солнца.
– Чёрт! Проспал.

Вылез из палатки, которая, как оказалось, стояла почти на дороге, поднимающейся серпантином на гору. Я вчера просто упал с одного яруса на нижний, который до этого прошёл. С ужасом смотрю высоту, которую я пролетел. Смотрю сверху на дорогу, по которой уходят на кору самые последние паломники. Да как так-то!

Бросаю почти все вещи в палатке, беру маленький рюкзак с самым ценным.

– Налегке дойду до палатки, где мы ночевали с Натали!

С той ночи я ни разу не видел во сне моего друга. Это точно, что-то типа подсказки. Он где-то там! Почти бегом пробегаю через посёлок. Чёрт меня вчера потащил на эту горку, только потеря времени! Выхожу из посёлка и пробегаю ещё с полкилометра.

Лёгкие жадно хватают разряженный воздух, я почти хриплю, как загнанная лошадь, и вдруг, я словно врезаюсь в стеклянную нераскрывшуюся дверь в супермаркете...

... Он сидел в стороне от дороги. Не совсем такой, как в моих снах, но определённо, это был он. Взгляд его провожал удаляющихся паломников, и был полон одновременно тоски и облегчения, от того, что они идут искать свой путь. Он был и рад, и полон страдания, которое присуще только остро чувствующим людям.

Я осторожно иду в его сторону, словно боясь спугнуть своё счастье. Он всё ещё смотрит вслед уходящим. Когда я подхожу на расстояние в несколько шагов, он, наконец-то, замечает меня. Его лицо озаряет почти мученическая улыбка. Да, он тоже так долго ждал меня! Он удивлён.

Сажусь напротив него. Но он молчит.

– Таши далэй. – Приветствую его по-тибетски.

Он только помотал головой, поднёс ладонь ко рту, словно призывая молчать. Да, такой момент достоин тишины. У него такая простая улыбка, такой понимающий взгляд. Мы сидим пару минут и вдруг в моей голове раздался голос.

– Ну, здравствуй, мальчик-звездочёт! Почему ты отказался от своей детской мечты? Ведь помнишь, ты так хотел их сосчитать?

– Это невозможно. Хотя и слышать твой голос в голове тоже невозможно. Это телепатия? Внушение?

– Разве важно, как это называется? Просто прими это. Ты так просто принял мнение, что звёзды нельзя сосчитать, и тебе так сложно принять то, что я внутри твоей головы.

– Но разве можно сосчитать звёзды?

– В вашем мире есть религия, вы называете её наукой. Согласно ей, в конце всего звёзды начнут гаснуть, одна за одной. Когда они все погаснут, ты сможешь их посчитать?

– Одна не погаснет. И даже если я её не буду видеть, я буду знать, она присматривает за мной. – Ответил с грустью Веня. – И да, пожалуй, ты прав. При определённых обстоя-

тельстввах, невозможное возможно.

– Вся бесконечность вселенной, в которую вы так верите, станет ничем – точкой, нулём. Вся наша вселенная идёт к успокоению и найдя его, она воссоединится, став наконец единой, сжавшись в точку. Так что, по-твоему, важней, бесконечно считать и идти к горизонту, в поисках неизвестности, или просто подождать, когда мир найдёт покой. В тебе, в твоём разуме и душе? Когда-то ты станешь великим бесконечным ничто, вместе со вселенной, почему ты не можешь сделать это тогда, когда тебе это необходимо? Например, сейчас. Желание, мечта – должны быть простыми и чёткими, как эти, столь обожаемые тобою, цифры. Мечта не должна быть задумана блестящей или с мягким ворсом, ведь это будет только твоё ощущение. Её не определяет какое-то особенное качество, единственное её предназначение – сделать человека счастливым. У нас говорят: счастье, это не конечный пункт, это умение наслаждаться видом цветов на лугах вдоль твоего пути. Просто почувствуй, чего ты хочешь по-настоящему. И не думай о том, возможно ли это, и как это можно осуществить. Почему ты так не веришь в себя. Слабая девушка показала тебе, что может управлять силой, и знание того, что это возможно, позволило тебе повторить и смягчить своё смертельное падение.

– Я думал это... – начал было Веня, но получил вдруг щелчок по лбу.

Старик вдруг заговорил по-английски, неуловимо знако-

мым голосом с азиатским акцентом, но на фоне зазвучал перевод на русском и, почему-то, гнусавым голосом:

– Не думай, чувствуй! Это, как указывать пальцем на Луну. Не концентрируйся на пальце, или пропустишь эту божественную красоту. Ноль – это самое волшебное число, но это ничего, и в то же время все. Ты ходил три года один и тот же путь, и стремился пройти его с каждым днём быстрее и быстрее, но тебе надо было просто понять, что твоя цель ноль. Вы люди цивилизации, вы придумали время, чтобы всегда торопится, бежать, мчаться, спешить. А в итоге, не успевать никуда.

Старик отвёл взгляд и даже болезненно положил руку на солнечное сплетение, словно сама мысль о суетности нашего мира приносила ему боль, резала живот по живому, такое страдание читалось на его лице.

– Вы даже придумали отрицательные числа, но это все фикция. Ноль – это не ничего, это не пустота. Ноль – это абсолютное спокойствие. Именно ноль – единственное, неоспоримо лучшее, время для прохода дистанции. Самые ценные вещи нашей жизни, самые мимолётные и самые незаметные, самые маленькие. Но самый великий человек мира отдаст всё, что имеет, за последний вздох, за ещё один удар своего сердца.

Тенгри был обычным пастухом. Из обычной семьи.

Он сидел себе, и никого не трогал, когда появился этот сумасшедший.

Погода стояла необычайно ясная. Солнце нещадно жгло его плотный халат. Этот халат ему оставил когда-то, после прохождения коры, богатый американец. Турист тот был толст и массивен, поэтому эта непонятная одежка, которую он одевал на голое тело, с трудом сходилась на его пузе. Худой тибетец же одевал её поверх всей своей одежды, и она ещё болталась.

Но качество, надо сказать, было хорошее. Не раз в морозную зимнюю ночь он мысленно благодарил того туриста.

Тот отдавая подарок, показывал руками, мол, надо постирать, Тенгри кивал, но так с тех пор и не стирал ни разу. Надо будет оставить в следующий раз на перевале, пусть ветер донесёт божествам, что он Тенгри, отдал свои грехи высоте и небу.

Церковь в Тибете – высшая инстанция, в каждой семье старшего сына отдавали на воспитание в монахи. Таким образом, его родители дали его старшему брату хорошее начало жизненного пути, а он с младшим остались пастухами.

Но отец, выполнив свой долг перед Богом, не прекратил их поучать, словно монахов.

– Никогда нельзя преследовать несколько целей одновременно! – поучал он их. – Чтобы быстрее достичь своей цели, мы должны научиться быть терпеливыми и перестать торопиться. Жизнь есть страдания, причина которых соблазны, которым вы поддадитесь. Будьте умерены в своих желаниях, и Бог даст вам всё.

Но годы летели, отец дряхлел, старший брат всё реже появлялся у них, а они всё влачили своё полуголодное существование. Они с братом даже не могли позволить себе собственных жён и были вынуждены делить одну.

И вот, одну весну у них остановился их сосед. Он рассказал, что идёт на заработки к Кайласу на север. Его знакомый за прошлый сезон заработал,нося вещи хилых белых людей во время коры, столько, сколько вся его семья промыслом на яках за пять лет. Тибетцы, благодаря суровому климату и

тяжёлой работе, физически очень выносливы, и белые люди готовы оплачивать это.

Отец запричитал, он той весной был уже совсем плох, и в какой-то момент Тенгри даже думал, что это последняя зима его отца. Он начал думать о "небесных похоронах", но отец не торопился делать своё последнее подношение милостыни птицам.

– В древних рукописях, – с предостережением говорил он им, – имелось пророчество, что великая сила придёт с севера с войной, разрушит веру и будет повелевать всем миром. Эти белые нарушат наш порядок жизни, и мы все погибнем!

Сосед только засмеялся над его словами, а утром Тенгри ушёл тайком от отца с ним. Брату он сказал: "Приду осенью с деньгами и новой женой, и отец поймёт, что был неправ."

Но прошло одно лето, и десять лет. Туристов становилось больше, но гиды на джипах организовали свои компании, и работы таким одиночкам, как Тенгри, становилось всё меньше. Возвращаться домой было стыдно, хотя отец давно уже возлёг на "небесных похоронах" и был разнесён птицами, как он и мечтал, по окружающим склонам гор.

Он состарился. Спина его сгорбилась от непосильных поклаж белых людей, а этот год стал настолько плохим, что ему едва хватало на пропитание. А вчера наступила кульминация его расплаты за грехи.

Он, с одним своим знакомым, позарился на контейнер с едой, оставленный уезжающим туристом. Поутру, когда они

вышли на начало коры в поисках подработки, их настигла кара в виде жуткого расстройства желудка.

Его сотрапезник умчался в Дарчен, сказав, что знает, у кого есть таблетки, а Тенгри только надеялся отсидеться, но боль была настолько резкой, что он уже только мечтал, чтобы все ушли, и он смог справить свою нужду прямо здесь. Уйти дальше просто не давала режущая боль. Именно эту боль, страдание и отчаяние увидел Вениамин.

Тибетцы – счастливые люди с ребяческим чувством юмора. Они всегда рады поводу посмеяться. Если кто-нибудь споткнётся или поскользнётся, они часто потешаются над этим, но ни в коем случае не со злорадством.

Насмешек здесь не избегает никто и ничто, поэтому легко смеются и над собой. И поэтому, когда все паломники практически скрылись из виду, и свалилось это чудо на его голову, а точнее на больной живот, он только взглянул на севшего напротив Вениамина и усмехнулся. Ему было и жалко себя и, одновременно, смешно от такой ситуации.

Когда тот попытался заговорить, Тенгри поднёс руку ко рту, показывая, что беседы не будет.

– Ну, что ты думаешь, приехал сюда, пройдёшь несколько десятков километров по тропе протоптанной поколениями моих сородичей и стал таким же, как мы? – Думал тибетец – Глупый белый человек.

Тибетец даже сам удивился: "Чего это я сегодня разбурчался. Прямо как мой больной живот!"

Он устало улыбнулся.

– Даже понять меня это чувело не может. Может, он просто заблудился, что нужно от меня этому белому? Ждёт пока я пойду на кору? Но сегодня я без работы, а у него вещей нет совсем.

– Ну, почему, почему он не оставит меня в покое. Чего им всем надо здесь? Отец рассказывал, как он, однажды, спустился в долины. Там было так много воздуха, что через неделю он заболел. Эти люди постоянно пьяны от этого избытка всего. Потом они, шатаясь, идут сюда, к нашим святыням, полагая, что только их им не хватает. Глупые, сытые люди.

– Белые люди брали с собой воду в бутылках. Воду, которую он не мог даже взять в рот. Она была мёртвой. Они платили за то, что он тащил её за них, хотя вся дорога проходила вдоль воды, наполняющей священные реки Азии.

А однажды он видел, как белая женщина, полная и неуклюжая, начала ругаться на девочку, занимавшуюся стряпнёй в кафе. Та, по своему обыкновению, отвлѣкшись от занятий тестом на печурку, приоткрыла ногой чугунную дверку, закинула в огонь пару сухих ячьих кизяков и вернулась к готовке. По мнению женщины, она должна была помыть руки.

Она тёрла свои руки одну о другую, имитируя мытьѐ рук, что-то прокричала и плюнула на пол. Кинув на стол несколько юаней, она швырнула тарелку с недоеденной лапшой и, продолжая кричать, вышла, размахивая руками. Местные

поцокали языками и посмеялись.

Женщина не считала грязным изливать столько ругани, но считала грязной пищу, очищенную огнём и молитвой при приготовлении.

Странные белые люди!

Ругань, то есть слова на низком уровне развития, считающиеся оскорбительными для тех, кому адресованы, на самом деле оскорбляют лишь их говорящих людей. Какие убеждения позволяют им действовать подобно грабителям, доверяя дело их глупых предшественников.

Они считают себя умными, а на самом деле не невежество ли, не уметь жить в согласии с природой, нехитрой жизнью с простым бытом, подобной нашей?

А этот человек продолжал сидеть. Взгляд его был пустым, словно он смотрел не на Тенгри, а сквозь него. Их посиделка длилась уже несколько, мучительных для Тенгри минут, а этот белый все сидел и сидел. Смотрел ли на него этот белый, в смысле, видел ли он Тенгри? Взгляд для этого был рассеянным, словно направленным вглубь.

Очередной раз мучавший живот напомнил тибетцу, что времени остаётся совсем мало и через десять минут сидения в абсолютной тишине Тенгри не выдержал и сказал застывшему мучителю:

– Иди, иди! Вон туда, и всё время вдоль ручья. Не заблудись. Там есть палатки торговцев. Некоторые говорят не только по-китайски, но и немного по-английски, они тебе

помогут. Вали уже. Дай спокойно отдохнуть!

И он, добавив аналог нашего слова, что-то типа "чурка" и улыбнувшись беззубым ртом, дважды ткнул пальцем по направлению к Дирапуку.

Иностранец словно очнулся, поглядел на направление, указываемое пальцем, и тоже улыбнулся. Потом поклонился ему и что-то сказал, видимо, на своём языке. Улыбался он необычайно открытой и счастливой улыбкой.

– Да, да, и я тоже рад встрече! – подумал Тенгри. – Но лучше бы ты валил уже. Дай сходить в туалет, мил человек. Будь другом...

Умнеть всегда нелегко. Веня вдруг словно очнулся.

– Ноли, ноли... – задумчиво, растянуто произнёс он.

– Нали, нали! – Передразнил, и ещё раз указал пальцем по направлению тропы Тенгри.

(Nǎi [нали] – по-китайски – где? – где-то, где-нибудь – никуда (отрицательный ответ на вопрос) – скромное отрицание комплимента.)

Незнакомец сказал:

– Спасибо.

Тенри уже хотел было опять передразнить корявую речь иностранца: "сы ба сы ба."

Но в эту секунду его посетила догадка. А ведь этот странный человек пытается сказать цифры. Четыре, восемь, четыре, восемь. Особые для буддистов числа.

В этот момент воздух вдруг колыхнулся и, со звуком хлоп-ка крыла ворона, иноземец исчез.

– Твою ж мать! – Сказал Тенгри, по-тибетски, там, где пропал Веня...

– Твою ж мать! – Сказал Макар, по-русски, там, где появился Веня, а именно прямо перед ним на крыльце офиса.

– Веник, ты чего с козырька спрыгнул? Ты меня до инфаркта своими финтами доведёшь!

– Макар, ты не поверишь!

– Да нет, это ты не поверишь, Веня! Ты только уехал, как на меня, как сговорившись, все насели – налоговая, СЭС, пожарники! И ты на телефон не отвечаешь ещё! Ты ж там вроде к космосу ближе? Почему всё время вне зоны? Из-за тебя, мы все скоро окажемся на зоне. Ладно, смотрю ты прямо с дороги. Молодец, дружище. Пойдём по кофейку и разгребать. Ты не поверишь, как я тебе рад!

– И ты не поверишь, как я соскучился по этой твоей деревянности, Макар! – улыбнулся путешестВеник – телепортер.

Что делает Тибет особенным? Горы, с ослепительными вершинами? Монастыри, тонущие в тумане благовоний? Отсутствие кислорода или вера людей?

Нет. Тибет делает таким, каким он кажется для большинства из нас, именно наша вера в чудо. Вера в то, что именно здесь мы можем совершить то, что нигде, кроме Тибета, мы

не смогли бы сделать...

2022 ©